

Тенденции изучения грамматики славянских языков

Темпоральные и пространственные кванторы с дистрибутивным значением в словацком языке

Д. Ю. Анисимова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Квантификация, множество, дистрибутивность, денотативное пространство

Аннотация. В докладе рассматриваются функционально-семантические различия между темпоральными и пространственными кванторами в словацком языке, и факторы, влияющие на их употребление. Таковыми являются: объем квантифицируемого множества, стандартность / нестандартность наблюдаемых ситуаций, а также их непосредственное / опосредованное наблюдение.

Как известно, употребление кванторов и квантификация как таковая основываются на операции вычленения в исходном множестве («экстенционал») актуального подмножества («референта») [Крылов 2005: 58]. В языке на это, собственно кванторное, значение наслаиваются другие компоненты, связанные с субъектом, осуществляющим квантификацию. Контаминация кванторных и коммуникативных компонентов значения в отдельных лексемах формирует систему кванторных слов в конкретных языках. Так, словацкий язык обладает чрезвычайно богатой системой кванторных слов, выражающих самые разнообразные значения. В частности, в нем выстраивается группа темпоральных и пространственных кванторных слов, которые могут выражать значение дистрибутивности, а именно: *všade, všelikde* «везде» – *inde, niekde, dakde, kde-tu, poniekde, podakde* «в некоторых местах» для пространственной квантификации, и *vždy* «всегда» – *niekedy, dakedy, kedy-tedy, inokedy, poniekedy, podakedy* «иногда» для темпоральной квантификации. Предметом рассмотрения в докладе будут служить семантические различия между указанными лексемами и факторы, которые влияют на их употребление.

Под дистрибутивностью мы, вслед за рядом исследователей (см. напр., [Падучева 1986: 94]), понимаем распределенность некоторой характеристики по множеству однотипных объектов или событий. При этом каждое событие существует и мыслится говорящим отдельно и может иметь собственные индивидуализирующие свойства, однако наличие у всех событий объединяющей характеристики позволяет говорящему воспринимать их как единое целое. Для указанных лексем характерно, что они квантифицируют не объекты, а именно ситуации – либо с точки зрения их распределенности во времени при сохранении идентичности пространственных координат, либо с точки зрения осуществления однотипных ситуаций в разных пространственных координатах. Хотя, как неоднократно отмечалось [Лебедева 1984: 312], граница между темпоральными и пространственными кванторами не всегда является четкой и пространственные кванторы могут употребляться в функции темпоральных.

Анализ показывает, что в словацком языке на выбор конкретного квантора со значением дистрибутивности влияет ряд факторов.

1. Соотношение «экстенционал / референт». Квантификации может подвергаться все множество (случаи всеобщей дистрибутивной квантификации, в словацком языке данное значение выражают кванторы *vždy; všade, všelikde*) / подмножество в множестве (случаи экзистенциальной дистрибутивной квантификации, выразителями данного значения в словацком языке являются кванторы *niekedy, dakedy, kedy-tedy, inokedy; niekde, dakde, kde-tu, inde*) / подмножество в подмножестве. В русском языке специальные средства выделения подмножества в подмножестве отсутствуют, в словацком они существуют – кванторы *poniekedy, podakedy; poniekde, podakde*.

2. Соответствие / несоответствие множества ситуаций представлениям говорящего о стандартности данных ситуа-

ций. В словацком языке одним из условий квантификации является наличие у говорящего представления о том, что множество объектов либо ситуаций делится на однородный «стандартный» центр и неоднородную «нестандартную» периферию. Объекты либо ситуации, входящие в зону центра, соответствуют ожиданиям говорящего, его представлениям о нормальности происходящего. Объекты либо ситуации, входящие в зону периферии, отклоняются от этих ожиданий и представлений. Соответственно, логическому выделению может подлежать либо стандартная, закономерная часть экстенционала, либо нестандартная и незакономерная. При всеобщей дистрибутивной квантификации качественную стандартность выражают кванторы *vždy; všade*, качественное разнообразие – квантор *všelikde*. Противопоставление *všade / všelikde* для темпоральной дистрибутивной квантификации нерелевантно, поскольку повторяемость ситуаций, которая является основным условием дистрибутивности, напрямую связана с их временными характеристиками. В случае если ситуации регулярно осуществляются в идентичных пространственных координатах, однако предполагается их разнообразие, употребляются темпоральные кванторы *hocikedy, kedykoľvek*, причем разнотипные ситуации объединяются однотипным следствием. При экзистенциальной дистрибутивной квантификации лексема *niekedy, dakedy, kedy-tedy; niekde, dakde, kde-tu* противопоставляются лексемам *inokedy, inde*. Последние квантифицируют ситуации, которые не соответствуют ожиданиям говорящего. При выделении подмножества в подмножестве противопоставления по стандартности / нестандартности не происходит.

Со стандартностью / нестандартностью связана логическая выделенность / невыделенность кванторного слова. Как правило, при помощи дистрибутивных кванторов, обозначающих «нестандартность», маркируются объекты либо ситуации, о которых будет идти речь в докладе. Кроме того, стандартность / нестандартность может быть не только качественная, но и количественная, ср. кванторы с частицами *málo-, sotva-; kde-, kade-*, а также наречия типа *obučajne, zriedka, často*.

3. Опосредованное наблюдение однотипных ситуаций / непосредственное наблюдение однотипных ситуаций. В рамках экзистенциальной дистрибутивной «стандартной» квантификации это противопоставление мотивирует различия между лексемами *niekedy, dakedy; niekde, dakde*, с одной стороны, и *kedy-tedy, kde-tu*, с другой стороны. В последнем случае предполагается квантификация в строго очерченном денотативном пространстве, и все ситуации являются потенциально конкретизируемыми.

Литература

- Крылов С. А. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005.
- Лебедева Л. Б. Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях // Известия Академии наук СССР. Сер.: Литература и язык. 1984. № 4.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1986 (2004).

Механизмы восприятия сложного художественного текста (на материале произведений А. Платонова)

А. А. Анисова

Дальневосточный государственный университет (Владивосток, Россия)

Сложный текст, декодирование речи, А. Платонов

Аннотация. Доклад посвящен проблемам декодирования сложных произведений А. Платонова, характеризующихся семантической перегруженностью. При восприятии подобных текстов левое полушарие мозга, ответственное за рассудочную деятельность, замедляет свою работу и в ведущей роли выступает творческое воображение, базирующееся на механизмах правого полушария, что приводит к активизации креативного потенциала читателя.

Процессы восприятия речи, в отличие от механизмов ее порождения, исследованы еще недостаточно, что вызывает большой интерес психологов, психолингвистов, лингвистов, антропологов и др. [Седов 2007: 118].

В связи с этим весьма актуальны исследования механизмов восприятия художественных текстов, особенно сложных, какими, бесспорно, являются многие произведения А. Платонова. Одной из специфических черт стиля этого писателя является *семантическая перегруженность* дискурса [Анисова 2006: 131–136], которая, на наш взгляд, создается такими характерными для стиля писателя синтаксическими особенностями, как *избыточность* и *свернутость*, проявляющимися на всех уровнях текста А. Платонова.

Суть такого языкового приема, как *свернутость*, заключается в следующем: писатель трансформирует, «сворачивает» исходное сочетание или целую фразу таким образом, что минимальными средствами выражается максимально возможный смысл. При этом читателю приходится восстанавливать значение фразы самостоятельно, но, как правило, однозначного ответа найти не удается. Внутри этого приема можно выделить *стяжения*, *наложения* и *пропуски* (*эллипсисы*).

Например, во фразе «Вошев слушал музыку с **наслаждением надежды**» стяжение «**наслаждение надежды**» можно понимать следующим образом: «Вошев слушал музыку, которая доставляла ему **наслаждение**, потому что давала **надежду на счастье** (или на что-то другое)». Здесь также использован *эллипсис*: «надежда на счастье». Оговоримся, что на месте восстановленного слова может быть и другое, так как нельзя сказать достоверно, что имеется в виду.

Особую семантическую нагруженность текста создают *наложения*. Например, во фразе: «А Козлов тотчас же начал **падать** пролетарской **верой**» – совмещаются следующие конструкции: «**падать** духом» и «**терять веру**».

Наряду со свернутостью характерен для языка А. Платонова и противоположный прием – *избыточность*, внутри которого можно выделить *случаи введения избыточного пресуппозитивного компонента и перифразы*.

В дискурсе А. Платонова часто *избыточная вербализация пресуппозитивного компонента* смысла, который в норме опускается [Падучева 1996: 237–238]. Например: «*снежная метель*», «*думать мысли*», «*уничтожил навсегда*», «*наружная кожа*», «*холодный снег*» и др.

Использование *перифразов* в произведениях А. Платонова характеризуется следующим: привычные слова заменяются необычными оборотами, которые воспринимаются как малоинформативные, создают впечатление нагромождения слов и затрудняют восприятие. Это дает основание причислять их к случаям избыточности, хотя они, безусловно, обладают художественной значимостью в контексте всего произведения и авторского замысла. Примеры подобных

перифразов: *бессемейные дети* (сироты); *мелкие жители* (дети); *бок лица* (щека); *неродной отец* (отчим).

Из анализа свернутых и избыточных словосочетаний видно, что они выступают как две стороны одного и того же явления: создают эффект семантической перегруженности, что существенно затрудняет прочтение.

На наш взгляд, чтобы понять, как происходит восприятие семантически перегруженного текста, надо обратиться к проблемам соотношения функций разных полушарий головного мозга человека при порождении и восприятии речи.

Многочисленные исследования доказали, что именно *левое полушарие* участвует в *грамматическом анализе* воспринимаемого текста [Иванов 1978: 31]. Сложные по своей синтаксической структуре фразы декодируются значительно труднее, так как приходится трансформировать их в более привычные. При восприятии конструктивно затрудненного текста рассудок (левое полушарие) не успевает осознать его в полной мере, так как пытается логически осмыслить сказанное. Левое полушарие замедляет свою работу, и в ведущей роли выступает *правое полушарие*, в котором заложен творческий потенциал человека, базирующийся на работе подсознания [Ермолаева-Томина 2005: 141]. Это приводит к «озарениям» и обеспечивает изменение прежнего содержания знаний.

То же, на наш взгляд, происходит при восприятии необычного стиля А. Платонова. Сознание читателя не может в полной мере проанализировать все угадываемые смыслы, заключенные в его фразах, а также «вязнет» в избыточных повторениях. Это ведет к перегруженности левого полушария мозга, ответственного за рассудочную деятельность. То есть читательское восприятие текста переходит на иной уровень: с сознательного, рационального на чувственный, подсознательный. Таким образом, сложный платоновский текст служит толчком к включению творческих процессов в сознании адресата. Это позволяет писателю наиболее полно и точно передать нужные идеи, художественно воздействуя на читателя, дать не столько осознать, сколько почувствовать мысль, прийти к ней самостоятельно и развить дальше.

А. Платонов использует и другие языковые приемы, затрудняющие восприятие текста, например противоречивость и трансформация.

Литература

- Анисова А. А. Эффект семантической перегруженности в текстах А. Платонова: на материале повести «Котлован» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке (Хабаровск). 2006. № 3. С. 131–136.
- Ермолаева-Томина Л. Б. Психология художественного творчества. М., 2005.
- Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
- Седов К. Ф. Нейропсихолингвистика. М., 2007.

Темпоральная объемность нарративного текста

Е. Белая

Университет Нанта (Нант, Франция)

Вид глагола (совершенный и несовершенный), предел, текстовые функции видовых форм, коммуникативная грамматика

Аннотация. Вся сложность временных перемещений в нарративном тексте понимается благодаря локализации одного процесса по отношению к другому. Во французском языке эти отношения находят свое выражение в целой развитой системе временных форм. В русском языке временная объемность текста выражается через соотношения функций совершенного и несовершенного вида. В данной работе рассматриваются факторы, которые позволяют видовым формам реализовать их текстовые функции.

Временная наполненность нарративного текста создается в большинстве случаев чередованием глагольных форм.

Действительно, в нарративном тексте точкой отсчета является не момент речи, а один процесс / действие по отноше-

нию к другому. Локализация процесса / действия по отношению к процессу / действию, текстуализированному в ближайшем контексте, является необходимым условием для воплощения в линейном пространстве текста всех сложных временных отношений: продвижения текстового времени вперед, возврата назад или задержки в одном и том же временном пространстве.

Развитие текста выражается переходом от одного предела, выраженного формами глаголов совершенного вида в прошедшем времени (СВП), к последующему. Таким образом воссоздается иллюзия продвижения по времени. Это особое употребление СВП подробно исследовано Ж.-П. Семоном (на эту тему см.: [Sémon 1982: 195–203], [Sémon 1986: 609–635]). Следуя его «теории хронопоэзы», предел, выраженный глаголом СВП, служит текстовым ориентиром, по отношению к которому будет устанавливаться другой перфективный предел, расположенный дальше по тексту. Ж.-П. Сэмон называет такое употребление глаголов СВП «перфективом с диастатическим хронодинамическим значением», тогда как в «Коммуникативной грамматике русского языка» говорится в данном случае об «аористивной функции» совершенного вида [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 27].

Но всякое ли чередование в тексте СВП выражает хронологическую последовательность и обеспечивает временной скачок вперед? Мы предполагаем рассмотреть: факторы, создающие совместные условия, необходимые для того, чтобы СВП стал вехой во временном продвижении текста (иначе говоря, для выполнения его аористивной функции); ситуации, в которых СВП, хоть и обеспечивающий временной скачок, не является тем не менее текстовой вехой, поскольку он является результатом предшествующего действия (то есть, следуя «Коммуникативной грамматике русского языка», выполняющий «перфективную функцию» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 27]). Сложность трактовки данного СВП (и его перевода на французский язык) заключается в том, что он понимается как предшествующий по отношению к вехе, которая текстуализирована после него;

таким образом, он не может служить ориентиром для воссоздания в тексте иллюзии течения времени. И если обычно текстовая функция глагола вытекает из контекста слева, то в данной ситуации происходит своего рода «переинтерпретация» текстового значения на основе последующего, правого контекста.

Французский язык может формально выразить разницу между аористивной и перфективной функцией посредством двух разных временных форм: *passé simple et plus-que-parfait*. Это придает особый интерес сопоставлению с французским языком функционирования форм русского вида.

Временная объемность текста создается также временными пластами, по которому время не движется вперед, но которые служат фоном для чередования СВП с хронодинамическим значением. Обычно обозначение временного фона связывают с формами несовершенного вида глагола (НВП) (ср.: «имперфективно-процессуальная функция» глаголов несовершенного вида в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 27]). Если в описанном выше контексте происходит последовательная смена процессов, то в данном случае «задержка во временном продвижении» создается тем, что процессы не сменяются, а совпадают в одном и том же временном отрезке. Мы назовем этот контекст «контекстом одновременности». В нашем докладе мы предлагаем рассмотреть: всегда ли контекст одновременности выражается НВП; при каких факторах СВП может тоже обозначать одновременные процессы; при каких факторах НВП может обеспечивать воссоздание иллюзии временного течения в нарративном тексте.

Литература

- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
 Sémon J.-P. Participation d'une association de traits catégorielles à une fonction sémantique // *Révue d'études slaves*. LIV. Paris, 1982. P. 195–203.
 Sémon J.-P. Postojat' ou la perfectivité de congruence. Définition et valeurs textuelles // *Révue d'études slaves*. Paris, 1986. P. 609–635.

Категоризация категории аспектуальности

с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания

Т. В. Белошаркова

Государственная академия славянской культуры – ГАСК (Москва, Россия)

Категория аспектуальности, концепт, фрейм, идеализированная когнитивная модель (ИКМ)

Аннотация. Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики. Категория аспектуальности понимается как набор девяти концептов-примитивов, которые передаются тремя типами фреймов. Осмысление фреймов происходит с помощью трех ИКМ.

Современная русская аспектология – результат деятельности научного сообщества на протяжении не одного столетия. За этот период, ввиду сложной организации изучаемого явления, произошло расширение изучаемого объекта: **аспектуальность** из узкоморфологической категории перешла в разряд межуровневых и стала включать в себя и морфологию, и лексику, и синтаксис.

В XXI веке идея межуровневого анализа получила воплощение в исследованиях, выполняемых в русле когнитивной лингвистики, а именно в рамках новой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, методология которого была сформулирована Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004а]. Для Е. С. Кубряковой одной из ключевых идей является идея об отличительной особенности концептуальных систем, заключающаяся в том, что «одно и то же содержание может быть передано в языке альтернативными средствами» [Кубрякова 2004б: 313].

Понимание межуровневости явления аспектуальности (включающего слово, предложение, текст) легло в основу когнитивно-дискурсивного описания этой категории, представленного в монографии автора [Белошаркова 2007]. Такой подход позволил увидеть и описать ранее не привлекавшиеся к анализу способы передачи категории аспектуальности внутри путей ее категоризации.

Категория аспектуальности понимается как набор девяти концептов-примитивов, служащих для модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: по-

верхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, – осмысление которых происходит с помощью трех идеализированных когнитивных моделей (ИКМ): пропозициональной, образно-схематической, метафорической. Подробнее о когнитивных моделях см. [Лаккофф 2004].

Перечислим эти концепты: единичность, длительность, начало, продолжение, конец, результативность, повторяемость, степень проявления, соотношение с нормой. (Следует указать, что в науке утвердилось два понимания аспектуальности: широкое и узкое. РГ–80 и РГ–79 отражают широкое понимание, а ТФГ и В. А. Плунгян [Плунгян 2000] – узкое. Мы придерживаемся широкого понимания.)

В рамках пропозициональной ИКМ было установлено, что категория аспектуальности может передаваться как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитная передача производится:

1) словом как в предикативной функции, так и в непредикативной: ...**повозмуцались** представители... («Коммерсант». Москва. 18.10.03); *Наутро пошла метель...* (А. Платонов. «Джан»); *Произошел как бы невидимый надлом...* (М. Шолохов); ...**поспешными шагами** шла вверх... (Л. Толстой);

2) монопредикативным высказыванием: *Буфетчик медленно поднялся...* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»); ...она будет любить его **всю жизнь**... (Ю. Трифонов «Время и место»); ...**много раз обстоятельства превращали Фомину в жертву**... (А. Платонов. «Афродита»);

3) полипредикативным высказыванием: ...**чем** горячей успокаивала, **тем** отчаянней плакала девочка... (В. Распутин. «Нежданно-негаданно»); *Когда они приподымались, – Цибулько бил их... огнем...* (А. Платонов. «Одухотворенные люди»);

4) текстом: **Так проходили минуты, измеряемые для него часами.** Он не видел, как с юга на той стороне балки на немецкие автомашины обрушились «КВ», сопровождаемые пехотой мотострелковой бригады, и до его помраченного сознания не сразу дошло, почему немцы, лежавшие цепью в каких-нибудь ста метрах от его окопа, вдруг ослабили огонь, стали поспешно отползать, а потом поднялись и беспорядочно побежали, но не назад, к балке, а на северозапад к глубокому оврагу (М. Шолохов. «Они сражались за Родину»).

Имплицитная передача производится:

1) конвенциональной имплицатурой: *Было бы легче, если бы крейсер не так омыл* (К. Паустовский. «Жара»);

2) косвенным речевым актом: *Разве редко человека ранят еще до того, как он в первый раз сам увидит в глаза врага или хотя бы издали выстрелит по нему?* (К. Симонов. «Живые и мертвые»).

В рамках образно-схематической ИКМ категория аспектуальности передается фразеологизмами и сравнительными оборотами: *Он сломя голову помчался в клинику...* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); *Одна, как буря, ворвалась за занавеску...* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

В рамках метафорической ИКМ категория аспектуальности передается:

1) текстуальной метафорой: ...**робко сомневались...** (Ю. Трифонов. «Время и место»); ...**стемнело до чуть сквозящей темноты...** (В. Распутин. «В ту же землю»);

2) вариантом аналогии, который был предложен М. Минским [Минский 1988]: *Наша квартира вряд ли была типичной. Населяли ее главным образом интеллигенция. Драк не было. В суп друг другу не плевали. (Хотя ручаться трудно). Это не означает, что здесь царили вечный мир и благоденствие. Тайная война не утихла. Кастрюля, полная взаимного раздражения, стояла на медленном огне и тихо булькала* (пример взят из повести С. Довлатова «Наши»).

Литература

- Белошапкина Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М., 2007.
- Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 63. 2004а. № 3. С. 3–12.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004б.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. 1988. С. 281–309.
- Плунгин В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Русская грамматика. Т. 1. Прага, 1979.
- Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность, Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Глаголи со префиксот *на-* во македонскиот и во рускиот јазик

К. Бицевска

(Скопје, Македонија)

Проучувањата на глаголската префиксација траат повеќе од сто години. Повеќето проучувања се однесуваат на префиксалните функции кај глаголот, при што нивните значења се групираат главно во три групи: темпорални, пространствени и модални.

Најчести значења на глаголите со префиксот *на-* се:

1. Прекумерно, изобилно извршување на дејството (*наноси, накуќи, најече*).

2. Дејство во мала мера (*најукне, начуе*).

3. Дејство што се врши врз нешто (*наџази, наметине*).

Најпродуктивна група глаголи во двата јазика се глаголите со првото значење.

Со ова значење во рускиот јазик најчесто се среќаваат глаголите со честицата *-ся* (*насмотреться, нагуляться, наестся*). И во рускиот и во македонскиот јазик овие глаголи добиваат аугментативно значење, кое во македонскиот јазик главно се изразува заедно со префиксот *из-* (*изнајидеј, се изнајидеј, се изнагледа* итн.).

К проблеме так называемой «двойной определенности» именной группы в македонском языке

Н. В. Боронникова

Пермский государственный университет (Пермь, Россия)

Определенность-неопределенность именной группы, дейксис, двойная определенность

Аннотация. В докладе анализируются семантика и функции именных групп с так называемой двойной определенностью (артиклем и указательным местоимением) в македонском языке. В качестве материала исследования используются спонтанные тексты из хрестоматии «Така се зборува во Охрид» (сост. Л. Гушевска, Л. Минова-Гюркова; Скопје, 1999).

Дейктическая система современного македонского языка является трехчленной. Формы указательных местоимений противопоставлены по признаку пространственной детерминации. Местоимения с корнем *-в* указывают на близкий к говорящему предмет, с *-н* – на удаленный от субъекта речи предмет, если же используется местоимение с *-т*, признак *близкий / далекий* от говорящего нейтрализуется, так как местоимение с *-т* ориентировано на сферу слушающего (см., например: [Конески 1982], [Конески 1986], [Тополинска 1974], [Тополинска 2007], [Усикова 2003]). По тройному типу указания подразделяются в македонском языке и членные морфемы (*-ов, -он, -от*).

Чаще всего в речи используются детерминативы с *-т*, ориентированные на фоновые знания и речевой опыт собеседника. Нацеленностью говорящего на сферу слушающего, вероятно, объясняется нейтральность *-т* с позиции пространственно-временного дейксиса. Членная морфема *-т* употребляется в функции индивидуализации и генерализации, обозначая определенность существительного без указания на положение его референта в пространстве; может

выполнять в тексте анафорическую и катафорическую функции. Отсюда, как полагает З. Тополинская, член *-т* лишен настоящей дейктической функции, он выполняет лишь функцию определенности [Тополинска 2007: 23].

Семантически маркированные детерминативы встречаются в тексте гораздо реже, основная их функция – индивидуализация конкретного предмета и определение его положения в пространстве и во времени. Среди них более употребительны детерминативы с *-в*. Они, как отмечает Л. Минова-Гюркова, сигнализируют о пространственной и временной маркированности, а также указывают на ближайшую анафору, кроме того, могут использоваться в интродуктивной функции [Македонски јазик 1998: 115–116].

Реже используется детерминатив с *-н*, потому что он наименее свободен от пространственного значения удаленности от говорящего. В относительных предложениях он может выполнять катафорическую функцию [Македонски јазик 1998: 115–116].

Пространственно маркированные морфемы встречаются не только в конкретной речевой ситуации *deixis in*

praesentia, но и в ситуации diexis in absentia, когда объект находится вне зоны досягаемости, а представляется как «духовно близкий или далекий субъекту речи», включенный в сферу так называемого личного пространства или исключенный из нее (см. [Бороникова 2005], [Панчевска 2002]): *Што го нема уште човеков? 'Все еще нет этого (= нашего) человека?'; Сакам пак да талкаме! Сакам да го извидам уште Прилепов наши убав и дрчен, брату... 'Хочу опять побродить по нашему родному Прилепу, вновь его увидеть, ненастный и прекрасный, брат...'; Мори, што така, ќерко, змијулчиња ми вадиш од устата? Што не ми вадиш алтани како кучкана ти присестра? 'Ой, дочка, почему же изо рта у тебя сыплются змеи? Почему же не золоти монетки, как у мерзавки той, твоей сводной сестры?'*

Таким образом, указательная система македонского языка базируется на двух основных противопоставлениях. Первое связано с оппозицией сферы говорящего и сферы слушающего (отправителя и получателя сообщения в речевом акте). Второе же противопоставление основано на степени близости предмета речи к говорящему (оппозиция *близкий / далекий*), при этом указатель может отсылать как к реальной, так и к воображаемой речевой ситуации.

Ослабление пространственного значения членной морфемы приводит к совместному ее использованию с указательным местоимением в разговорной речи: *Да, јас имам една природна и една веитачка баба. Природната живее во најубавата природа во Беровско, а оваа веитачкава е мајка на мајка ми и неподносливо го мрази селото 'Да, у меня есть одна настоящая бабушка и одна бабушка, не похожая на бабушку. Настоящая бабушка живет в селе под Берово, среди прекрасной природы. А эта, ненастоящая, – мать моей мамы, и она просто ненавидит село'. Здесь, по мнению Г. А. Цыхуна, происходит разделение функций обеих систем: указательная функция члена вытесняется артиклевой, что ведет к обязательному употреблению указатель-*

ного местоимения [Цыхун 1981: 155]. Совместное использование членных морфем и указательных местоимений, согласно нашим наблюдениям, возможно в следующих комбинациях: *тој -т, овој -в, оној -н, овој -т, оној -т*, т. е. в данном случае происходит либо усиление пространственной детерминации (в прямом и метафорическом смысле), либо распределение детерминирующей и индивидуализирующей функций между двумя указателями.

В докладе будут анализироваться семантика и функции именных групп с так называемой двойной определенностью в разговорной речи г. Охрид на материале спонтанных текстов из хрестоматии «Така се зборува во Охрид» (сост. Л. Гушевска, Л. Минова-Гюркова; Скопье, 1999).

Литература

- Бороникова Н. Емоционален деиксис во ситуацијата на општењето // XXXII научна конференција на XXXVIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 15–17 август 2005). Т. 1. Лингвистика. Скопје, 2006. С. 105–118.
- Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1982.
- Конески Б. Историјата на македонскиот јазик. Скопје, 1986.
- Македонски јазик / Ред. Л. Минова-Гюркова. Ополе, 1998.
- Панчевска А. Просторна информација изразена со заменки и членски морфеме // Славистички студии. Скопје, 2002. Бр. 10. С. 317–327.
- Така се зборува во Охрид / Приредиле Л. Гушевска и Л. Минова-Гюркова. Скопје, 1999.
- Топольска З. Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик. Род, број, посоченост. Скопје, 1974.
- Топольска З. Тројниот член: да или не // Зборникот Предавања на XXXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Скопје, 2007. С. 15–25.
- Ускова Р. П. Граматика македонского литературного языка. М., 2003.
- Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.

Категория предлога. Зона появления новых предлогов

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Предлог, синоним, классификатор, причинно-следственные отношения

Аннотация. В работе изучается морфосинтаксический синонимический ряд предложных единиц, выражающих одно из причинных значений.

Работа над «Материалами к словарю русских предлогов и их эквивалентов» ставит перед авторами все новые и новые вопросы, заставляя задуматься, в частности, о путях появления новых предлогов и их аналогов, о закономерностях параллельного функционирования в языке синонимичных по значению предложных единиц. Так, в русском языке для выражения значения «осознанное действие агенса, определяемое внутренней причиной» [Всеволодова, Яценко 1988: 27] наряду с именной синтаксемой *из* + род. п. системно употребляется целый ряд единиц. Во-первых, это именная группа *из чувства* + род. п.: *Другие лаяли из чувства подражания, а третьи – сами не зная зачем, вероятно, просто от скуки жизни* (www.ruscorgora.ru, далее НКРЯ); *Не потому ведь, что в молодости он дважды из лихости, из подражания легендарному черноморцу Маку... дважды «поцеловал» причал?* (НКРЯ).

Предложная единица *из чувства* + род. п. включает классификатор *чувство*, который не несет смысловой нагрузки. Другими словами, рассматриваемые единицы синонимичны: *из благоговения = из чувства благоговения, из благодарности = из чувства благодарности, из гостеприимства = из чувства гостеприимства, из деликатности = из чувства деликатности, из жалости = из чувства жалости, из зависти = из чувства зависти, из любви = из чувства любви, из любопытства = из чувства любопытства, из милосердия = из чувства милосердия, из патриотизма = из чувства патриотизма, из приличия = из чувства приличия, из симпатии = из чувства симпатии* и т. д. Однако анализ языкового материала показал, что, несмотря на подавляющее большинство синонимичных случаев, есть существительные, при которых употребление без классификатора невозможно: *Я решился на это из чувства вины*, – говорят, что Илья так написал в записке своей жене (НКРЯ); *Заме-*

чательно, что патриарх сам постоянно не ладил с царем, но из чувства законности стоял за него, как уже за существующую верховную власть (НКРЯ); *Да я, собственно, из чувства меры: не стоило такого треску, и нарушена была мера совершенства Лелька все силы вкладывала в работу* (НКРЯ); *В пятой главе автор будет вынужден вновь вернуться, грубо говоря, к реализму. Не из любви к нему, а из чувства стиля!* (НКРЯ); *Насилу удалось мне уговорить моего спутника отправиться домой – из чувства товарищества он хотел маяться со мною всю ночь на улицах Питера* (НКРЯ).

В то же время классификатор *чувство* – это грамматически «нормальное» существительное и употребляется как в единственном числе, так и во множественном: *Их добрая петрозаводская няня, из родственных чувств исполненная семейной антиноменклатурности, ибо все ее родичи ударились в шибкие демократы, всплакнула, опустив худые, оплетенные тяжкими венами руки бывшей цитальщицы слюды* (НКРЯ); *Или же, напротив, из приятельских чувств он не хотел бросить пьяного агэшиника на ночной улице (хотел, чтобы я проспался в тепле, это тоже не исключено)* (НКРЯ); *По добром знакомству услугу оказали, из дружеских чувств* (НКРЯ). Представляется, что подобные сочетания употребляются так же, как их аналоги с классификатором в форме единственного числа, в предложной функции. Отметим, что при классификаторе во множественном числе имя актанта, вводимого предложной единицей, адъективируется, то есть выступает в форме прилагательного: *И не только из патриотических чувств: он прекрасно знал, что, едва органы контрразведки узнают о его измене, за его жизнь он сам не даст и гроша* (НКРЯ); *Финны взятки не дают, а русские из чувства патриотизма дают их, только если с ними говорят на их родном языке* (НКРЯ). Причем

такой параллелизм возможен далеко не всегда: *из братских чувств*, но **из чувств братства*; *из добрых чувств*, но **из чувств доброты*.

Представляется, что в зону «предложения» вовлекаются все новые и новые единицы, в результате чего появляются многочисленные синонимико-вариативные ряды. Так, по отношению к рассматриваемой группе можно говорить еще о двух предложных единицах, регулярно употребляемых в тех же контекстах, хоть и обладающих более узкой сочетаемостью: (а) *из соображений* + р. п. и (б) *из духа* + р. п.

(а): *Со мной все такие были замечательно вежливы, во все продолжение каторги, но не очень разговорчивы; тоже как будто из достоинства* (НКРЯ); *Пора хотя бы из соображений собственного достоинства перестать продавать необработанный лес соседям и покупать у них же готовые деревянные дома* (НКРЯ); *Мы не должны лгать из чувства собственного достоинства* (НКРЯ).

(б) *...многого делаю и делал из противоречия и только потом осознаю вполне последствия своих поступков* (НКРЯ); *– Я из чувства противоречия не буду пить, – пришлось настаивать ему* (НКРЯ); *Он никогда не праздновал ни Рождества, ни Пасхи, но в тюрьме из духа противоречия стал их праздновать* (НКРЯ).

Таким образом, полный синонимико-вариативный ряд может выглядеть следующим образом: *из чего – из чувства*

чего – из чувств каких – *из соображений* чего / *каких – из духа* чего: *Пепельница опустилась под носом Александра Ивановича: но Александр Иванович был обидчивый человек, так что ткнул окурком он в цветочную вазу: ткнул из духа протеста* (НКРЯ); *И. Бунин вышел из Союза писателей из протеста против решения общего собрания об исключении членов Союза, взявших советские паспорта* (НКРЯ); *Остальные делают это из спортивного интереса, из вредности, из чувства протеста или желания славы* (НКРЯ); *Но избиратель, приходящий на выборы, должен понимать, что если он отдает голос просто из каких-то моральных соображений, из соображений протеста...* (www.1tv.ru); *Много размышлял о «протестной» форме для коммунистов, но... лучше не идти против самого себя, даже из протестных чувств* (www.velopiter.spb.ru).

Конечно, далеко не все имена актантов имеют полную парадигму по отношению к данным предложным единицам. Определение условий дополнительной дистрибуции, которые позволили бы распределить употребление данных единиц, а также выявление закономерностей вовлечения в зону предлога новых единиц является, на наш взгляд, актуальной задачей.

Литература

Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.

Трансформационная парадигма предложений, передающих типовую ситуацию платы, в русском и украинском языках

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. В. Ситарь

Донецкий национальный университет (Донецк, Украина)

Парадигма предложения, трансформация предложения, функциональная грамматика

Аннотация. В докладе рассматривается трансформационная парадигма предложений, передающих типовую ситуацию платы, включающая три класса перефразировок: введение описательных предикатов, конвертирование и синонимические трансформации.

В функционально-коммуникативной грамматике основными задачами являются описание функционирования речевых произведений и определение алгоритма их построения. Ключевым инструментом решения указанной задачи в рамках предложения-высказывания выступает понятие синтаксического поля предложения [Золотова 1982], или системы парадигм предложения [Всеволодова 2000], одним из компонентов которой является трансформационная парадигма (ТП) – набор перефразировок исходного изосемического предложения, каждая из которых призвана решить определенные коммуникативные задачи [Всеволодова, Дементьева 1997], [Савосина 2000].

Использование перефразировок позволяет автору актуализировать в большей или меньшей степени имя каждого участника денотативной структуры с помощью категории общности, т. е. индивидуальной маркировки каждой словоформы в зависимости от ее коммуникативного ранга [Всеволодова 2003]. В русском и украинском языках эту категорию обслуживают члены предложения. Каждый член предложения характеризуется своим рангом в коммуникативной перспективе предложения. Так, наиболее значимую позицию занимает подлежащее, далее следуют субстантивное сказуемое, дополнение, глагольное сказуемое, далее – обстоятельство и определения.

В настоящем докладе мы представим наши наблюдения относительно ТП предложений, передающих типовую ситуацию (ТС) платы.

В работах [Виноградова, Ситарь 2005], [Виноградова, Ситарь, Важник 2007] показано, что ТС платы имеет сложную денотативную структуру, в которой выделяются две группы денотативных ролей: 1) основные денотативные роли, формирующие структуру ТС платы, – акциональный предикат, донатор, донатив, реципиент (адресат) и финитив; 2) денотативные роли, осложняющие структуру ТС, – контроллер, посредник, инструмент оплаты; их появление является следствием развития финансовой системы, появления безналичной оплаты и электронных денег. В конкретной ситуации общения эксплицируются не все указанные позиции, их заполняемость / незаполняемость в речи зависит в первую

очередь от коммуникативной задачи говорящего, ср. *Иван заплатил Василию за книгу 500 рублей; Иван заплатил за книгу кредитной карточкой*; укр. *Іван заплатив Василю за книгу готівкою; Іван заплатив за рахунком 100 гривень*.

ТП анализируемых предложений объединяет три группы перефразировок исходной модели.

1. Введение описательных предикатов (ОП). Если автору необходимо повысить коммуникативный ранг предиката платы, то он может воспользоваться ОП *произвести / осуществить оплату / расчеты, внести оплату* (укр. *здійснити / виконати оплату / розрахунки, внести оплату*), при этом предикат платы переходит в коммуникативно более значимую (чем глагольное сказуемое) позицию дополнения. В нашем материале обнаружены трансформации как с ОП-1 (девербатив – дополнение), так и с ОП-2 (девербатив – подлежащее): а) ОП-1: *Иван произвел оплату / осуществил / внес оплату за книгу (в рублях / рублями, через банк, через банкомат, кредитной карточкой)*. Наши наблюдения показывают, что при введении ОП-1 система эксплицированности таких ролей, как средство оплаты и посредник. Возможно, это связано с тем, что ОП – неотъемлемая часть деловой речи, в которой важна выраженность средства оплаты и посредника. В то же время адресат в таких трансформациях системно отсутствует; б) ОП-2: *Плата за эту работу составляет 500 рублей*. Подобные трансформации пересекаются с моделями, выражающими цену, стоимость (*Книга стоит 100 рублей*), поэтому в них закрыта позиция для выражения донатора, ср. укр. *Щомісячна оплата праці співробітників установи складає 60000 гривень*.

2. Конвертирование. При конвертировании интерпретационные изменения связаны с «конкуренцией» подлежащего и второго приглагольного или присвяточного компонента [Всеволодова 2000]. В нашем случае при предикате платы прогнозируются четыре (основных) участника, поэтому в позицию подлежащего при конвертировании могут вставать донатив, адресат, финитив: а) донатив в позиции подлежащего: *За книгу Иваном заплачено 500 рублей*; укр. *За книгу Іваном заплачено шалені зроби*; б) адресат в позиции подлежащего: *Петр получил за книгу от Ивана 500 рублей*; укр.

Видавництво одержало за книгу 100 гривень; в) финитив в позиции подлежащего: **Книга** обошла Ивану в 500 рублей; **Книга** оплачена Иваном; укр. **Книга** коштувала Іванові 100 гривень; **Книга** оплачена Иваном через банк; г) бесподлежащие (односоставные) модели: *За книгу было заплачено валютой. Ему заплачено. Ему заплатили. За книгу заплачено. За работу нам заплатили.* Представляется, что список подобных конверсивов не закрыт, к тому же требует дополнительного анализа употребление тех или иных конвертированных моделей, а также различные варианты эллипсиса участников и условия дополнительной дистрибуции, разрешающие / запрещающие подобный эллипсис.

3. Синонимические трансформации. При синонимических трансформациях интерпретационные изменения связаны одновременно с двумя операциями: а) выбором модели предложения с определенным типовым значением; б) расстановкой участников ситуации и строевых компонентов на определенные членопредложенческие позиции внутри данной модели предложения. Другими словами, при синонимических трансформациях ситуация платы «надевает маску» других ситуаций, то есть реализуется в моделях с другим типовым значением. На данный момент в нашем материале зафиксированы модели со следующими типовыми значениями: а) «Субъект и его количественно охарактеризованный признак»: *Оплата за книгу – 500 рублей;* укр. *Оплата за коректуру – 2 гривні за сторінку;* б) «Субъект и его качественно охарактеризованный признак»: *Размер штрафа смешной – 100 рублей;* укр. *Запропонований розмір зар-*

плати для Києва – смішний; в) «Субъект и его сущностный признак»: *Зарплата у нас небольшая – 5000 рублей;* укр. *Стипендія Кабінету Міністрів солідна – 1000 гривень.*

Литература

- Виноградова Е., Ситарь А. Модели предложений типовой ситуации платы: способы выражения денотативных ролей (на материале русского и украинского языков) // *Лінгвістичні студії*. Вип. 13. Донецьк, 2005.
- Виноградова Е., Ситарь А., Важник С. К вопросу об описании содержательного аспекта предложения (на материале восточнославянских языков). Статья 1 // *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология. 2007. № 1.
- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Всеволодова М. В. Коммуникативная организация русского предложения // *Dialog w literaturach i językach słowiańskich*. Т. 2. Językoznawstwo. Opole, 2003.
- Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М., 1997.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Савосина Л. М. Трансформационная парадигма предложения и ее соотносительность с актуализационной парадигмой // *Вопросы языкознания*. 2000. № 1.

О каузальных отношениях в сложных предложениях в сербском и русском языках*

Д. П. Войводић

Новисадский университет (Нови-Сад, Сербия)

Каузальные отношения, категория обусловленности, сложные предложения, сербский и русский языки

Аннотация. В работе (на материале сербского и русского языков) рассматриваются каузальные отношения, которые, как часть объективной действительности, связанной с языковой системой знаков на когнитивном уровне, в определенном смысле представляют ядро функционально-семантической категории обусловленности, реализующейся с помощью языковых средств на синтаксическом уровне, в первую очередь в сложноподчиненных предложениях, где две предикативные ситуации, взаимосвязанные отношениями субординации, создают необходимые условия для выражения и дифференциации специфичных каузально детерминированных отношений.

Хотя категория обусловленности на синтаксическом уровне реализуется в рамках и сложносочиненных (ср.: рус. *Все было кончено, и говорить более было не о чем.* Булг.; серб. *Све је било свршено и више није било о чему да се говори.* Булг.) и бессоюзных (ср.: серб. *А тада било је касно: он је већ био у одреду.* Чос.; рус. *Но было уже поздно: Никола успел присоединиться к отряду.* Чос.)¹ и простых (ср.: рус. *Я погибаю из-за любви!* Булг.; серб. *Ја пропадам због љубави!* Булг.) предложений, в которых особую роль играют адвербиальные отношения, выраженные предложно-падежными (именными) и инфинитивными конструкциями, а также ограниченной группой наречий (ср.: серб. *грешити због умора, скаменити се од страха, сакрити се у случају напада, ради сузбијања криминала, буре за вино, поћи погледати, доћи помоћи, покушати се дићи, за инат, у заносу, непромишљено, намјерно и т. п.;* рус. *ошибаться из-за усталости, оценить от страха, спрятаться в случае нападения, для борьбы с преступностью, бочка под вино, пойти посмотреть, прийти помочь, попытаться подняться, назло, сгоряча, сдуру, нарочно и т. п.*), все же центром «общего» каузального значения и, следовательно, категории обусловленности являются только причинные сложноподчиненные предложения (ср.: серб. *Не могу ја, добри човјече, оздравити, јер ја нисам болестан.* Андр.; рус. *Не могу я, добрый человек, поправиться, потому что не болен я ни-*

чем. Андр.). Им принадлежит центральная позиция, так как они своей эксплицитной, развернутой структурой в оптимальной степени всегда воплощают генеративно детерминированные отношения двух ситуаций, из которых одна (непосредственно подчиняющаяся причина в придаточном предложении) – как необходимое и исходное, темпорально anteriorno (пред)условие – порождает другую (следствие в главном предложении), благодаря чему с помощью специфичных (причинных) союзов и союзных слов (напр.: серб. *јер, зато што, будући да, због тога што, усљед тога што, као резултат тога што, с обзиром на то да, из разлога што и др.;* рус. *потому что, так как, поскольку, ибо, оттого что, из-за того что, благодаря тому что, благо, в силу того что, вследствие того что, в результате того что, ввиду того что, по причине того что и др.*) образуется единое предикативное семантико-синтаксическое целое с несимметричной, биситуативной структурой (см., в частности, [Вендлер 1986], [Всеволодова, Яшенко 2008], [Гусман Тирадо 1998], [Евтюхин 1996], [Онипенко 1985], [Русская грамматика 1980], [Ширяев 1991], [Běličová-Křížková 1979], [Kovačević 1988]).

Каузальные отношения представляют собой не только последовательные, всегда хронотопически направленные и взаимосвязанные минимальные семантические биситуативные структуры, но и весьма усложненные, разветвленные

* Исследование проводится в рамках подпроекта «Синтакса савременог српског језика: сложена реченица», поддержанного Министерством науки Республики Сербии.

¹ Благодаря парадигматической синонимичности (изоморфизму) синтаксических структур (эксплицитных гипотактических и паратактических, имплицитных паратактических, эксплицитных адвербиально-детерминирующих) переводчики для передачи одного и того же значения могут использовать другой тип предложения, формально не совпадающий с типом предложения в подлиннике; ср. перевод русского бессоюзного предложения *Иван налетел на кой-кого из прохожих, был обруган* (Булг.) на сербский язык, где используется сложносочиненное предложение: *Иван је налетео на неколико пролазника и био осован* (Булг.); ср. также выражение каузального значения парцелляцией (двумя отдельными, но семантически взаимосвязанными конверсивными предложениями, из которых последнее является логическим выводом) в русском подлиннике и переводный эквивалент в сербском языке, где используется бессоюзное предложение: *Взрослых никого не было в комнате. Очевидно, все выбежали из квартиры* (Булг.) / *Од одраслих никога није било у соби, очито су сви отрчали из стана* (Булг.). В последних двух примерах в выражении причинного значения участвует и вводное слово (рус.) *очевидно* / (серб.) *очито*, с помощью которого реализуется сопровождающее значение субъективной модальности.

структуры, так как событие-причина в виде цепной реакции порождает событие-следствие, становящееся, в свою очередь, причиной последующего следствия, причем одна причина может вызывать несколько следствий, а несколько причин – одно следствие. Таким образом создается генеративная структура, состоящая из неразрывной взаимосвязи цепей и веток, формирующих своеобразную сеть причин и следствий, отличающуюся облигаторностью и несимметричностью.

В сложноподчиненных предложениях наряду с причинными и следственными отношениями подобным образом могут реализовываться и другие «каузально обусловленные» отношения со значением объективной или субъективной модальности – условные, уступительные, цели и т. п., а также целый ряд их синкретических (причинно-условных, причинно-уступительных, причинно-целевых, условно-уступительных, условно-следственных и т. п.) вариантов. Следует добавить, что с предложениями с данной – «обусловленной» – структурой часто сочетаются вводные (модально-оценочные) слова, способствующие выражению субъективной модальности (подробнее об употреблении модальных слов с персуазивными значениями в причинных предложениях см., напр.: [Онипенко 1985], [Русская грамматика 1980: 580]).

Результаты данного исследования можно использовать в практике преподавания в качестве наглядного представления прототипической системы универсальных языковых связей, а также при составлении учебников по грамматике и пособий, предназначенных в первую очередь для синтакси-

чески и стилистически ориентированных практических занятий, особенно когда речь идет о сопоставительном изучении родственных языков, какими, в частности, являются сербский и русский.

Литература

- Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике / Пер. с англ. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 264–276.
- Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 2008.
- Гусман Тирадо Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке. Воронеж, 1998.
- Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996. С. 138–174.
- Онипенко Н. К. О субъектной перспективе каузативных конструкций // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 123–132.
- Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. Синтаксис. М., 1980. С. 562–602.
- Ширяев Е. Н. Отношения логической обусловленности: способы выражения и их распределение по сферам языка // Грамматические исследования: Функционально-семантический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1991. С. 165–238.
- Běličová-Křížková H. Systém mezivětných příčinných vztahů v ruštině a v češtině // Slavica slovaca. 1979. Roč. 14. Čís. 3. S. 217–240.
- Kovačević M. Uzročno semantičko polje. Sarajevo, 1988.

К вопросу о хорватских и русских кратких и полных прилагательных / Određeni i neodređeni pridjevi u hrvatskom i ruskom jeziku

С. И. Врлич / S. Vrljić

Университет Сплита, философский факультет (Сплит, Хорватия)

Хорватский, русский, определенные / неопределенные прилагательные

Аннотация. Как известно, хорватский и русские языки сохраняют праславянскую категорию определенности / неопределенности прилагательного. Нас интересует весомая роль значения (семантики) того или иного прилагательного, воздействующего на его форму (морфологический статус) или зачастую даже определяющего ее.

Još u praslavenskom periodu pridjevi su mogli imati neodređenu i određenu službu pa su sukladno tome imali dvije promjene: a) neodređenu ili jednostavnu b) određenu ili složenu.

Неопределенная или номинальная промена (простая промена) има вокатив који је редовито једнак номинативу за мушки, женски и средњи род. Изузетци се јављају кад придјев у једнини замјенjuje именicu па у мушком роду добија наставка *-e*. Зато се вокативно *-e* који пут јавља и уз придјеве кад су у атрибутој служби, тј. кад не стоје самостално.

Сложени се облици рабе кад придјев, или као атрибут или самостално, означаје нешто што је отприје одређено или познато, или бар нешто што је прије споменуто. Назив «сложени» долази од тога што настају спајањем номиналног (неодређеног) придјевног облика. с обликом анафоричке замјенице: *i, ja, je*.

Многи језикословци држе да се у праславенском (које је овакве сложене облике развио у балто-славенско доба) прономинални облик механички додавао придјеву који је имао пуне наставке номиналне деκлинације.

У савременим славенским језицима номиналних је облика у множини потпуно нестало. У једнини су се, осим у номинативу (акузативу), за који падеж долази и у другим језицима, у ограниченој упороби очували, примјерце, у хрватском, српском, чешком и руском. То се догодило углавном уз посвојне придјеве *na -uv, -ov (-ev)*. Превладали су углавном сложени облици који су, примјерце у словенском и полјском дали један заједнички тип придјевске промене. Код сложених облика суфиксално превладава у словенском, чешком, полјском палатално *-ego / -ega, -emu*, док су се на другим мјестима уз палаталне облике одржали и непалатални као, примјерце у хрватском и руском језику.

До данас се номинална деκлинација најбоље се сачувала у хрватском и српском језику и то у штокавским говорима, а код осталих славенских језика може се говорити посесивним придјевима на *-ovъ, -ovo, -ova* и *-inъ, -ino, -ina*. Тако је примјерце у руском језику. У хрватском се језику због сродности тих придјева с посесивним замјеницама почиње губити стара промена. Примјерце, у руском: *книга Иванова брата*,

а у хрватском: *књига Иванова (Ивановог) брата*. Некад су били уобичајени посесивни придјевии на *-jo-* мијенјајући се по номиналној деκлинацији о чему и данас свјedoче остаци у хрватском језику: *Miholj dan, Ivanj dan* итд. Номинална промена од придјева на *-ьскъ* сачувала се само као остатак у хрватском језику у прилозима, примјерце: *мушки : мушки* (придјев), *женски : женски* (придјев). У руском језику: *Смоленск*.

У старославенском језику по номиналној су се деκлинацији мијенјали некад и неодређени облици компаратива, који се данас мијенјају само по сложеној деκлинацији. Некадашњу номиналну деκлинацију данас препознајемо у прилозима: *манје, болје*, према средњем роду придјева: *манје, болје* (примјерце, *Volim manje a bolje*). О томе нам говори у руском језику примјер: *моложе*.

Граматичка категорија одређености / неодређености понекад се може наћи у изравној зависности од значења самог придјева. За очекивати је да су већ у старославенском били придјевии који су имали само кратку форму, прије свега придјевии мјеста и времена. Примјерце, *ванјски, унутрашњи, последњи*... Старославенски споменци истовремено јасно осликавају тенденцију ка повезаној појединој творбених модела, примјерце на *-ьскъ* с пуним обликом који се јавља у славенским језицима.

Као што је и познато, штокавско нарјече савременог хрватског језика боље од свих славенских језика чува као наслеђе категорију одређености / неодређености придјева. Управо у хрватском језику јасно се оцртава веза лексичке семантике придјева с пуним обликом, веза која је ограничена на подручје функционирања оба облика придјева, али у исто вријеме појашњавајући њихово граматичко својство – граматичку семантику. Рјече је о постојању само пуног облика као примјерце у локативу који означава мјесто: *предњи, задњи, горњи, доњи, десни, лјеви, истојни, западни, последњи, средњи* итд. Такви су и времски: *јутарњи, дневни, ноћни, данашњи, годишњи, мјесечни*. Такви су и придјевии који се односе на дијелове тјела: *очни, мишићни, носни, зубни, ручни, ледни, вратни*, а тако и *крвни и месни*. Такви су и: *собни, црквени, кућни*. Тенденцију задржавања само пуног облика показују и неки описни придјевии као: *жарки, јарки, синји*.

У савременом хрватском језику има придева који имају само одређени облик, а има придева који имају само неодређени облик. С обзиром на то да је устројство једних и других придева исто, њихова се одређеност и неодређеност утврђује контекстом. Тако ће примјериче устројство израза *sestrino* уз *srce* и кад *srce* има одређено значење, тј. појединачно и конкретно и кад је *srce* неодређена значења, тј. апстрактна значења бити исто – *sestrino srce*. Једно и друго значење утврђује се контекстом. Тако ће се при неодређеном значењу израза *sestrino srce* појавити *jedan*, *-na*, *-no* у својству неодређеног члана. *Tu bi sad pomoglo jedno*

sestrino srce. У супрот том ће се у својству одређеног члана појавити нулти израз: *Tu bi sad pomoglo sestrino srce*.

Наведени начин изражавања неодређеног значења у савременом хрватском језику све више се ради у административном стилу.

Литература

- Babić S., Brozović D., Moguš M., Pavešić S., Škarić I., Težak S. Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1971.
Гвоздев Ф. Н. Современный русский литературный язык. Т. I–II. М., 1968.
Ivšić S. Slavenska poredbena gramatika. Zagreb, 1970.

Предложные единицы славянских языков и механизмы Языка

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Предложная единица, парадигма, механизм функционирования, морфосинтаксический тип

Аннотация. В материалах представлены некоторые наблюдения над системностью функционирования предложных единиц.

Лингвистическая парадигма вплотную подошла к исследованию функционирования Языка. Функционирование Языка предполагает наличие определенных механизмов – правил «поведения» языковых единиц при решении коммуникативных задач говорящего, алгоритмов их выбора и употребления, которые в системе Языка должны иметь свое место и которые могут быть описаны в грамматике каждого языка. Анализ предложных единиц (предлогов и их функциональных эквивалентов) в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»¹ выявил некоторые из таких механизмов и позволил понять в первом приближении эти «правила поведения». Представим их.

1. Наличие мощных синонимико-вариативных рядов предложных единиц, имеющих одно и то же денотативное значение и не способных образовать оппозицию типа 'не... а...' (например, **Мой дом не против, а напротив магазина*, что говорит о полной синонимии современных предлогов **против / напротив** в локативном значении), противоречит утверждению о законе экономии в Языке.

2. В тексте все формы «работают» как синтаксические, а не морфологические формы слова. Поэтому оказалось необходимым представлять предлоги как составляющие некоторого класса синтаксем с учетом их разрядов: свободных, обусловленных или связанных.

3. Выявлены обширные классы словоформ, в определенных условиях выполняющих функцию предлога, но вместе с тем остающихся в рамках своей части речи, – корреляты предлогов: словоформы параметрических существительных типа **длинной, со скоростью сколько единиц** [Сузуки 2008] и компаративы типа **больше, не менее скольких единиц** и т. п., вводящие квантитатив.

4. Системны случаи изоморфизма уровней предложения и предложной синтаксемы. 1) Конвертируемость системна и для многих предложных единиц, ср.: *Продаю машину в придачу с двумя новыми колесами*² и *В придачу с машиной продаю два новых колеса*. 2) Актуализационная парадигма, т. е. набор реализаций с разным порядком компонентов синтаксемы в разных коммуникативных структурах предложения, ср.: *С машиной продаю два новых колеса в придачу; Работаю не только славы ради, но и денег для*. 3) Предлог мотивирует смысл, но не форму управляемого слова: *в бытность кого в России / на Украине / под Орлом* и пр.

5. Славянские языки максимально эксплицируют и конкретизируют и смыслы, и формальную зависимость между своими единицами. 1) Экспликация смыслов реализуется методом синонимических редупликатов и конкретизаторов. 1) Синонимические редупликаты – повтор синонимичных предлогов или союзов при введении одной знаменательной единицы, ср.: *К вопросу дефолта / О дефолте и К вопросу о дефолте. Жить вблизи моря / у моря – жить вблизи у моря*. 2) Конкретизаторы – другие части речи, уточняющие смысл предлога. Это могут быть скаляры: *пришел задолго до урока*; векторы: *в личных / в научных интересах профессора*; авторизаторы: *длинной примерно метр*. 2) Фор-

мальные зависимости реализуют экспликативы – предлоги, теряющие свое инвариантное значение, ср.: *жить вблизи моря = вблизи к морю = вблизи от моря = вблизи с морем = вблизи до моря*, – где **к, от, с, до** синсемантически. Вместе с редупликатом *вблизи у моря* эти реализации входят в морфосинтаксическую парадигму предлога **вблизи**.

6. Морфосинтаксическая парадигма формируется также за счет: 1) форм числа управляемого существительного: *к вопросу дефолта – к вопросам дефолта; работать в интересах страны / в интересе страны*. Новая единица, как правило, дублирует всю парадигму исходной; 2) изменения падежной формы существительного при том же первичном предлоге: *работать в интересах страны / в интересе страны; в контраст с чем / в контрасте с чем*; 3) вариативности управления самой предложной единицы: *в цвет платья / в цвет платью; в стиле Лариса Долина / в стиле Ларисы Долиной*. Отметим: 1) Значительное количество случаев припредложного именительного. 2) При наличии вариативности (например, **во благо** Нд / Нр) форма обуславливается: а) свойствами припредложной единицы, ср.: *действовал во вред каждому и мне; работать во благо общества и себе* (личные и возвратное местоимения при предлогах **во вред, во благо** выбирают форму Нд); б) порядком слов в синтаксеме, ср.: *на доске длиной два метра – на доске двух метров длиной*.

7. Выявились и не отмечаемые в грамматиках явления синтаксиса. Кроме существительных они системно управляют числительными и количественно-именными группами, которые часто «ведут себя» не так, как существительные, ср.: *на высоте второго этажа – на высоте два метра пять сантиметром*. Есть предлоги, присоединяющие инфинитивы: *Как ты насчет пообедать?; О забыты не может быть и речи*; наречие (и в нашей грамматике нет списка таких предлогов): *уйти в никуда, отложить на потом, появиться из ниоткуда* и др.; предлоги, присоединяющие предикативные единицы разного уровня: *Отложим встречу на когда сдадим экзамены; К вопросу «Наши дети должны хорошо учиться»* – даже другие предложные синтаксемы: *Перенесли на после экзамена*.

8. Морфосинтаксические типы своими дихотомическими оппозициями формируют полевою структуру, что показывает: помимо функционально-семантических полей в Языке есть и функционально-грамматические поля; в отличие от первых, всегда в принципе полицентричных, они моноцентричны, но так же, как и ФСР, образуют органичное единство многограновой дихотомии и поля [Всеволодова 2008].

Литература

- Всеволодова М. В. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 2008. С. 119–144.
Сузуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

¹ Российскую сторону в 2002–2003 гг. поддерживал фонд РФФИ (грант № 02-06–80435). Российскую и белорусскую часть проекта в 2004–2005 гг. – фонд РГНФ (грант № 04-04–78403а/Б); в настоящее время проект поддерживает РФФИ (грант № 07-06-00343-а).

² За недостатком места мы не приводим источники, откуда взяты примеры. Но все примеры документально зафиксированы.

Славянские предлоги.

К вопросу о морфосинтаксической типологии русских предложных единиц

М. В. Всеволодова, Т. Е. Чаплыгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Функционально-грамматическое поле предложных единиц, эквиваленты предлогов, дихотомическая система категории предлога

Аннотация. Разработка проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» позволила увидеть в категории предложных единиц определенную структуру.

Работа межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» позволила значительно продвинуться в разработке категории предлога:

1. Под понятием «предложные единицы» понимается вся совокупность единиц, выполняющих функции предлога. А именно: собственно предлоги, среди которых выделяются первичные и вторичные, и эквиваленты предлогов – словоформы других частей речи, которые в определенных условиях выполняют функции предлога, оставаясь при этом в рамках своей части речи. Эквиваленты предлогов представлены двумя разрядами: аналоги и корреляты предлога.

Аналоги представляют собой единицы, которые могут перейти в категорию собственно предлогов. Корреляты же, выполняя в определенных условиях функции предлога, остаются в рамках своей части речи.

2. Выход на морфосинтаксический уровень описания единиц позволил увидеть, что категория предлога имеет полевою структуру, формируемую не только типами предложных единиц, но и их морфосинтаксической устроенностью.

Ядерную зону функционально-грамматического поля предложных единиц русского языка образуют собственно предлоги: первообразные, первичные (немотивированные) предлоги – центр ядра, вторичные (мотивированные) – припериферийную зону ядра поля. По мере удаления от ядра располагаются: в приядерной зоне – аналоги предлогов, в периферийной зоне – корреляты предлогов, в дальней периферии – окказионализмы и потенциальные предлоги.

3. Система морфосинтаксических типов предложных единиц может быть представлена в виде дихотомической структуры с разграничением (в первой оппозиции) собственно предлогов и их эквивалентов.

4. Анализ языкового материала позволил увидеть в системе предлога следующие типы парадигм: 1) семантическая, 2) текстовая с несколькими подтипами и 3) морфосинтаксическая.

5. Для атрибуции предложных единиц участниками проекта была разработана схема атрибуции каждого лексико-семантического варианта предлога. В нынешнем виде она содержит восемнадцать позиций.

Типология таксисных предикатов и грамматика причастных форм

А. П. Вяльсова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Таксис, модус, диктум, причастие, синтаксемы

Аннотация. Доклад посвящен изучению таксисных функций причастных форм с позиций коммуникативной грамматики. Выявляется типология таксисных связей предикатов по модусу и диктуму, определяется таксисная специфика причастий по сравнению с другими неспрягаемыми формами глагола.

1. Для интерпретации таксисной сущности неспрягаемой формы недостаточно понятия «единый временной план», нужно соединить два параметра: это совпадение / несовпадение по времени (одновременность / разновременность) и совпадение / несовпадение по модусу, что нами названо одноплановостью / разноплановостью. Такой подход к причастиям позволяет: 1) обосновать текстовые функции причастий, 2) доказать наличие у причастий абсолютного времени, 3) обосновать условия синтаксической взаимозамены причастия и деепричастия, 4) увидеть, где начинает работать точка зрения героя, 5) обосновать типологию таксисных связей.

2. С учетом комбинаторики диктума и модуса можно выделить два типа таксисных связей между двумя предикатами: по диктуму и по модусу. Диктумный тип, в свою очередь, разделяется на два подтипа: 1) между двумя положениями дел (диктум – диктум) в рамках одного модуса – **одноплановость**, 2) между двумя диктумами, когда каждое из положений дел обусловлено своим модусом, но принадлежащим тому же субъекту, что названо в работе **разноплановостью**. Модусный тип (второй вариант разноплановости) таксисных отношений характеризуется ослаблением связи на уровне диктума (два диктальных предиката представляют одно событие) и усилением связи на уровне модуса, так что происходит переключение двух каналов внутри одного модуса, либо двух типов модуса.

3. Кроме того, различаются два вида отношений между двумя положениями дел относительно точки отчета: 1) их объективная пространственно-временная смежность, которую воспроизводит говорящий – объективный таксис; 2) соотнесение двух положений дел только через посредство модуса – субъективный таксис.

4. В системе таксисных предикатов (неспрягаемых форм глагола) работают три категории, но для разных таксисных форм комбинация категорий разная, поэтому можно говорить о наличии категориальной доминанты. Категориальная

доминанта (КД) – это категория, которая оказывается наиболее значимой для данного типа таксисного предиката.

5. Причастия являются таксисными синтаксемами, в которых КД распределяются следующим образом: для действительных причастий – категория времени, для страдательных причастий прошедшего и настоящего времени – категория лица и категория времени, для страдательных причастий настоящего времени на не-мый – категория модальности.

6. Причастие – это не простая транспозиция в рамках морфологической системы русского языка, это не уровень частей речи, а уровень компонентов предложения, т. е. уровень синтаксем. Причастие – это такая глагольная форма, семантика которой складывается из семантики глагольного предиката и семантики синтаксической конструкции.

7. Таксисная сущность причастия проявляется не только в связи со сказуемым, но и в отношении к модусу говорящего, а также в отношении к семантике именной группы. При таком подходе условия адъективации понимаются как нарушение таксисной связи – «выключение» категории субъекта и, как следствие, категории времени. Тестом на адъективацию оказывается невозможность замены причастия настоящего времени причастием прошедшего времени.

8. В результате текстового анализа предложений с причастием были выявлены следующие свойства причастия: 1) обусловленность внешней по отношению к событию точкой зрения; 2) перфективность совершенного вида и имперфективность с узально-характеризующим значением несовершенного вида (аористивная функция невозможна для причастия); 3) объединение в рамках предложения с причастной конструкцией сюжетного и несюжетного времени; 4) маркирование причастием описательных фрагментов текста.

Отсюда следует, что основной функцией причастий в художественном тексте является обозначение статики пространства и сюжетного фона.

Русский предлог *за* и способы выражения его значений в персидском языке

Х. Голами

Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Предлог, значение, падеж, отношение, выражение

Аннотация. Предлоги издавна, начиная с античных времен, интересовали лингвистов. В семантике предлогов органически слиты их грамматические значения, а семантические элементы, связанные с конкретизацией пространственных, временных и т. п. отношений, составляют их лексические значения. Поэтому разные предлоги, сочетающиеся с одной и той же падежной формой имени, обладают способностью выражать неодинаковые значения.

В отличие от других служебных слов, предлог вместе с именем (существительным, числительным, местоимением) образует предложно-падежную форму, тем самым участвуя в формировании значения того или иного косвенного падежа. Как правило, предлог уточняет значение падежа. Каждый падеж имеет свой набор предлогов. Чаще всего предлоги употребляются с одним падежом, но могут употребляться с двумя и даже с тремя падежами. Так, предлог *за* как один из многозначных предлогов употребляется с двумя падежами (вин. и тв. п.).

На значение предлога (предложного сочетания) оказывают влияние разные элементы контекста: а) управляющее слово (доминанта): *вернуться с дороги* (откуда?) – *устать с дороги* (отчего?); б) управляемое слово (уточнитель): *жить при станции* (где?), *жить при социализме* (когда?), *жить при богатстве* (как?), *жить при детях* (при ком?) – разные управляемые слова в форме одного и того же падежа (винительного) в сочетании с одним и тем же предлогом (*при*) выражают разные отношения (места, времени, образа действия, объекта); в) падеж: *спрятаться за дерево* (за что?) – *спрятаться за деревом* (где?). Во всех этих случаях контекст не создает тех или иных значений предлога, а лишь способствует их реализации.

Персидский язык, как и русский, принадлежит к семье индоевропейских языков.

В праиндоевропейском языке не существовало предлогов, так как отношение и связь существительного с другими компонентами предложения определялись при помощи особого склонения существительного. Но с течением времени в результате происходящих преобразований в индоевропейских языках склонение имени существительного стало отмирать, и для выражения отношения между компонентами предложения появились особые слова, которые стали называться предлогами.

Персидский язык сравнительно с русским языком обладает значительно меньшим количеством предлогов. Поэтому

при переводе на персидский язык вместо предлогов употребляется определяемое (в изафетной конструкции).

В отличие от русского языка, в котором роль предлога нередко сводится к конкретизации или усилению значения формы имени, в персидском языке, как и в других языках, где отсутствует склонение имени, роль предлогов в выражении значений (в частности пространственных значений) резко возрастает: *за домом خانه پست*, *из-за дома از پست خانه*.

В обоих языках значения предлога реализуются в определенном окружении. Минимальный контекст предлогов включает управляющее слово (главный компонент предложного сочетания) и управляемое слово. Управляющими словами обычно являются глаголы или имена; что касается управляемого компонента в русском языке, то имена обычно выступают в форме косвенных падежей: *платить за квартиру پرداخت کردن*, *платя за квартиру* , *платя за квартиру* , *бороться за мир جنگیدن* , *бороться за мир* .

В персидском языке, в отличие от русского, во многих случаях возможен пропуск предлогов. То есть собственно предлоги, находящиеся в препозиции по отношению к вторичному предлогу, могут быть факультативными или обязательными: *پست (به)*.

Персидский аналог предлога *за* (*پست*) является одним из сложных и многозначных предлогов в персидском языке, поскольку он выражает различные семантико-синтаксические значения и отношения: пространственные, временные, причинно-следственные, целевые, определительные, объектное, образа действия, отношения заместительства и т. п.

Русский предлог *за* по значению в большинстве случаев очень близок к персидскому предлогу «*پست*» и, как будет показано в докладе, является его наиболее частотным эквивалентом.

В некоторых случаях значение предлога *за* в персидском языке выражается изафетной конструкцией, ср.: *Я отвечаю за свои слова* – *من پاسخگوی اعمال خود هستم*.

Эмотивность как параметр лингвистического анализа текста

С. А. Гореликов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Эмотивность, эмотив, полюсные эмотивы, лицо-субъект / объект реакции, индекс эмотивности

Аннотация. Эмотивность как межстилевая антропоцентрическая текстовая категория, маркирующая позитивную / негативную реакцию лица-субъекта на деятельность лица-объекта, обладает исключительно разнообразными эксплицитными и имплицитными формами средств выражения и позволяет на основе лингвистического анализа по индексу эмотивности относить тексты, их фрагменты различной функционально-стилевой тональности к определенному эмотивному типу и дифференцировать их по фактической выполняемой коммуникативной задаче.

Эмотивность нами рассматривается в широком понимании как позитивная / негативная речевая (текстовая) реакция лица (лиц) на деятельность, поведение другого лица (лиц) с морально-этических, политических, гражданских, профессиональных и др. ценностных позиций.

Включая в себя два обязательных компонента: лица – субъекта реакции и лица – объекта реакции, эмотивность не является аналогом понятия «оценочности», т. к., во-первых, имеет антропоцентрический характер – применимо только к одушевленному актантам, но не к предметному миру – и, во-вторых, подразумевает в том числе и эмоционально-экспрессивную реакцию, в отличие от «оценочности», которая больше ассоциируется с рациональным подходом.

Отсюда эмотивность не является и аналогом понятий «эмоциональность», «экспрессивность», т. к. шире их по формальным показателям. Средствами выражения эмотивности могут быть не только эмоционально-экспрессивные средства языка, но и рационально-оценочные средства, ха-

рактерные для кодифицированных стилей (научного, официально-делового), маркирующих ту или иную аналитико-квалификационную реакцию в рамках оппозиции «хороший / плохой». Наряду с эмоционально-экспрессивными средствами они способны выполнять те же самые эмотивные функции идеализации / демонизации лица – объекта реакции посредством атрибутивов или ассоциируемых с ним (лицом-объектом) понятий (ср.: «выдающийся» / «заурядный», «высокогуманный» / «преступный», «высокопрофессиональный» / «непрофессиональный», «максимально эффективный» / «неэффективный», «свобода», «равенство», «справедливость», «диктатура», «фашизм», «геноцид», «дискриминация» и т. д.). Таким образом, фундаментальными составляющими параметра эмотивности являются понятия **субъект реакции, объект реакции и эмотив**.

Субъект реакции как лицо, реагирующее на деятельность другого лица (**объекта реакции**) в позитивной / негативной тональности, сопоставим с понятием семантически-

го субъекта при ментальных предикатах (*считать, думать, полагать, относиться* и т. п.) и предикатах чувственного восприятия (*любить, уважать, ненавидеть, одобрять, осуждать* и т. п.). Субъект и объект реакции могут иметь как эксплицитное, так и имплицитное (нулевое) выражение с различной степенью референциальной определенности / неопределенности, идентификации и обобщенности вплоть до абсолютной генерализации, характерной, например, для пословиц, сентенций и афоризмов (ср.: *Как говорится, «хитрость – ум глупых»*). Объектно-имплицитной можно считать и эмотивную реакцию на события, явления, теории, концепции без вербальной экспликации их акторов (инициаторов, основоположников, авторов, апологетов и т. д.).

Эмотивы в нашем понимании – элементы текста, маркирующие соответствующую реакцию. Они делятся на виды, преобладание которых в тексте в свою очередь определяет и сам характер эмотивности по средствам формального выражения: эмоционально-экспрессивная лексика, ассоциативы (метафорика, сравнение, иносказание, параллели и др.), стиливое смещение, рационально-оценочная лексика (*положительный, отрицательный, (не)эффективный, (не)конструктивный* и т. д.), эмотивная (как правило, общественно-политическая) терминология (*преступление, фашизм, геноцид, маргинальный, свободы, права человека* и т. д.), эмотивная информация (представление фактов, событий, компретирующих или возвеличивающих объект реакции).

Актантные субъектно-объектные отношения, категориальные значения референциальной определенности / неопределенности, роль стилистически маркированного лексического наполнения позволяют квалифицировать эмотивность в данном понимании как текстовую семантико-синтаксическую категорию со статусом необлигаторного, т. е. выраженного и невыраженного (нулевого) показателя.

В этой связи параметр эмотивности имеет межстилевой характер и позволяет дифференцировать в том числе и тексты СМИ, их фрагменты с различной функционально-стилевой и жанровой направленностью по **наличию / отсутствию эмотивности и индексу эмотивности**.

По наличию / отсутствию эмотивности можно выделить тексты **неэмотивные** (эмотивно нулевые), допускающие полное отсутствие эмотивных элементов (репортаж, информация, описание, инструкция, обзор), **облигаторно эмотив-**

ные (критика, сатира, рецензия, проповедь, пропаганда) и **произвольно эмотивные**, в которых эмотивность является допустимым, но необязательным компонентом текстовой семантики (очерк, статья, комментарий).

Индекс эмотивности отражает степень вербальной эмотивности данного текста по количественно-качественному показателю, где количественный показатель фиксирует частотность эмотивов в данном тексте – уровень эмотивной насыщенности, а качественный – специфику средств формального выражения, где полюсными являются эксплицитные лексические эмотивы с различной степенью эмоционального накала (ироническое, неодобрительное, пренебрежительное, презрительное, бранное) на максимальном полюсе и имплицитные (например, отбор соответствующей информации) на минимальном.

Индекс эмотивности позволяет дифференцировать тексты по **фактической выполняемой коммуникативной функции**, а не **декларируемой** автором или печатным изданием, которая иногда может не совпадать с фактической, на информационные, информационно-аналитические, аналитические, аналитико-концептуальные, фактуально-концептуальные, квалификационные (рационально-критические), агитационно-пропагандистские, пиартехнологические, компроматационные и др. В этой связи индекс эмотивности обязательно учитывает и квалифицирует в социо- / психолингвистическом и лингвострановедческом аспектах стандартные и индивидуально-авторские **полюсные эмотивы** – резко контрастные и частотные противоположные позитивные и негативные вербальные реакции на одни и те же лица, явления, события, что позволяет научно и более объективно лингвистически определять такие семантически размытые оппозиции, как идеализация / демонизация; панегирик, дифирамб / пасквиль; апологетика / критиканство и др.

В когнитивном отношении параметр эмотивности позволяет не только на лингвистической основе фиксировать морально-этические, политические, гражданские и др. приоритеты автора или представляемого им социума, общественного института, органа СМИ, но и по высокому или низкому спросу (востребованности) на тексты определенного эмотивного типа у массового читателя судить о социально-психологическом и культурологическом состоянии данного общества на данном этапе развития.

Апеллятивы *Господь, господин, государь (государь)* в русском речевом этикете

Н. С. Гребенщикова

Гродненский государственный университет (Гродно, Беларусь)

Русский речевой этикет, апеллятивы

Аннотация. Восходящие к одной основе *господ-* и обладающие значением 'властный субъект высокого ранга', слова *Господь, господин, государь, государь* функционально и семантически специализировались в русском речевом этикете.

Славянское слово *господь*, производящее для *господин, государь*, этимологически связано с греч. δεσπότης 'повелитель', лат. hospes 'хозяин', лат. potis 'могущественный', а также с литовским pats 'супруг', 'сам'. В старославянском языке существительное *господь* обладало двумя значениями: 1) 'Бог' (у христиан) и 2) 'хозяин, господин'. Так, в евангельских текстах звательная форма *господи* употреблена как при обращении учеников к Иисусу: *Господи, скажи нам притчу* (Мф., XIII), так и при обращении рабов к хозяину: *Господи, не добро ли семя сеял еси...* (Там же). Следует обратить внимание на тот факт, что первоначально (например, в Остромировом Евангелии) словоформа *господи* титулется независимо от семантики, тогда как впоследствии сокращению подвергается только слово в первом (сакральном) значении.

Хотя слово *господинь* в церковнославянских и древнерусских текстах употребляется только в значении 'хозяин', вряд ли первоначально суффикс единичности *-ин-* влиял на семантику (об этом свидетельствует, в частности, наличие чешского Hospodín, имеющего в библейских текстах значение 'господь').

В древнерусском языке происходит семантическая дифференциация слов *господь* и *господинь*, хотя в сильно славянизированных произведениях слово *господь* встречается в составе обращения не только к Богу. Так, в Повести о Петре и Февронии (сер. XVI в.) с помощью словоформы *господи*

оформляется обращение и к царю, и к князю: *Господи превеликий царю, доколе поносим буду от ненавидящих мя? <...> Господи княже! От всех велмож и от всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сырых, но возвратиши нас свое отечество*. В текстах 2-й, 3-й и 4-й редакции, а также редакции Гермогена, подвергшихся переработке и более поздних по времени, обращение к князю регулярно трансформируется и принимает вид *господине княже, господине владетелю муромский, великий князю и господине наш*.

Из этикетно-уважительного обращения превращаясь в синоним слова *Бог* (В. И. Даль приводит по словицу *С Бога начинай и Господом кончай*), слово *Господь* усиливает сакральный характер, употребляясь в качестве обращения, а также в составе обращения к Богу или при упоминании Бога: *даи ему [оспод]ь бл[ог]ь бл[агословие]ние с[вя]тыхъ еванг[е]листь* (1057 г. Приписка к Остромирову Евангелию).

Похожую склонность обнаруживает слово *госпожа*. Об утраченном значении 'Богородица' свидетельствует, например, название *Спожинки* (от *Госпожин, Спожин день, Спожинки* – двенадцатый праздник Успенья Богородицы). Наряду с обращением *Господь Бог* употребляется и параллельное *Госпожа Богородица*: *О пресвятая Госпоже Богородице, помогай намъ ныне, грешным рабом твоим, и моли владыку Христа, Бога нашего, да подасть намъ победу на противныя* (Казанская история).

Двучленная формула *Госпожа Богородица* – в отличие от *Господь Бог* – в языке не закрепляется.

Слово *господин* входило в состав обращения к князю: *ѣ[господи]не князь великийи оуже погании татарове на поля на наши настоупаютъ...* (XV в. Задонщина); *О сем убо мнози князи и воеводы многажды глаголаше ему: «Княже, господине! не ставися напреду битися, но назади, или криле или негде въ отришемъ месте»* (Сказание о Куликовской битве); *Господине княже, яко егда зверь утопаетъ, тогда и бити спеютъ...* (Казанская история).

Основа *господ-* явилась производящей не только для *господин*, *госпожа*, но и для *господарь*. Сначала это слово выступает синонимом к словам *господин*, *Господь*, позже оно специализируется в качестве титула правителей Молдовы и Валахии (XIV–XIX вв.).

«Господарь всяя Руси» – самоназвание русского великого князя, а затем царя. После брака с Софией Палеолог в 1472 г. *...Иоанн, по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона, с надписью: «Великий князь, Божию милостию Господарь всяя Руси»* (Н. М. Карамзин).

При сравнении жалованной грамоты вел. кн. Василия Ивановича 1515 г.: *Мы великийи г(о)с(у)д(а)рь Василеи б(о)жиею м(ил)л(о)стию г(о)с(у)д(а)рь всеа Русии и великийи князь(ь) владимирьскии...* [Акты... 1975: № 119] – и приведенной в комментарии надписи на скрепляющей эту грамоту печати: *Великийи кн(я)зь Василеи б(о)жиею милостию господарь...* – можно заметить, что, хотя титул «гсдрь» и раскрывается редакторами текстов XVI в. как «государь», тем не менее ремесленник, делавший печать, произносил это слово как «господарь», и само слово *государь* – это результат скороговорки, отражающей сокращенное написание слова (аналогичным образом древнерусское *цесарь* превратилось в результате титлования в *царь*).

Некоторое время слова *господин* и *государь* конкурируют в языке, употребляясь в значении 'хозяин': *Госпожа же и господинъ удивистася, яко посланыи на смерть прииде живъ* (XVI в. Измарагд); *В домовитомъ обиходе и везде всякому человеку, государю или государыни, или сыну или дочери... всякое дело начати... прежде святымъ поклонитися...* (Домострой).

За словом *государь* закрепляется значение 'верховный владетель' (отсюда *государство*, *государствование*): *а что*

о графе Волдемаре, – а он еще молодой государ хто ведае какое счастье ему притти может... (1645 г. Вести-Куранты).

Это слово входит в состав этикетной формулы обращения к царю или само представляет собой такую формулу: *Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси...* (1682 г. Челоб. посадск. людей Вязьмы); *Царь государь, смилуйся, пожалуй!* (Там же); *Милосердые государи цари и великие князи Иоаннь Алексеевичь, Петр Алексеевичь в. В. и М. и Б. Р.!* (1682 г. Челоб. моск. стрельцов); *Въ следствие всеподданнейшего прошения моего... лично ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ поданного...* (1846 г. Архив канцелярии Гродненского губернатора) [Национальный исторический архив...: Ф. 1. Оп. 5. Д. 55].

В качестве этикетной формулы слово *государь* может в XVII веке употребляться не только при обращении не только к царю, но вообще к лицу высокого ранга (князю, архиепископу): *Князь Василий Васильевич, государь! Писал я к тебе с подьячим...* (1682 г. Е. И. Украинцев, думный дьяк Посольского приказа – В. В. Голицыну, князю, боярину, судье Посольского приказа).

Оборот *милостивый государь* в деловой переписке сохранился вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Он употреблялся при общении высокопоставленных чиновников: *Я прошу Ваше Превосходительство уведомить меня, кого бы Вы, Милостивый Государь, полагали, изъ чиновниковъ Гродненской губернии назначить в состав означенной комиссии* (1840 г. Виленский ген.-губернатор – Гродненскому гражд. губернатору) [Национальный исторический архив...: Ф. 1. Оп. 5. Д. 342].

В редуцированной форме *сударь* слово *государь* утвердилось в разговорной речи (подвергаясь в просторечии редукции: *государь* → *осударь* → *сударь* → *су* → *с*), тогда как *господин* воспринималось как подчеркнуто официальное.

Преращение лексемы *господин* в этикетное слово (из реального 'хозяин, владыка' – в сигнал уважительного отношения к лицу мужского пола, относящемуся к привилегированному сословию) изменило характер употребления этого слова: оно утратило способность самостоятельно выступать в качестве обращения и предшествует наименованию чина, титула, фамилии.

Литература

- Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. акад. С. Б. Веселовский. М., 1975.
Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно.

Об интерпретационной, манипулятивной функции русского (славянского) глагольного вида

О. К. Грекова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Интерпретационная, манипулятивная функция; разговорный диалог

Аннотация. В сообщении рассматриваются инновационные проявления видовой семантики личных и неличных форм русского (славянского) глагола в современном разговорном диалоге

Русский (славянский) глагол – с его видом – как категория, предназначенная для обозначения наиболее переменчивых, текучих фрагментов реальности, способен к передаче как объективных характеристик типа протекания действия и состояния, так и характеристик субъективных, касающихся и единичного действия / состояния, и множества действий / состояний и их соположения во времени. Если перечень объективных характеристик, таких, как мгновенность / длительность, однократность / повторяемость, завершенность / результативность / целостность (при том, что они же могут выступать и в качестве субъективных), является относительно устойчивым, то субъективные смыслы, служащие проявлением интерпретационной функции видо-временной формы, трудно считать ранжированными, тем более что в современном дискурсе, или разговорном диалоге (в понимании Б. М. Гаспарова, А. Г. Баранова, И. Н. Борисовой), отмечаются новые случаи «авторской трактовки» действий и состояний.

Одно из подобных явлений субъективной интерпретации положения дел – ретардация, или искусственное замедление

развития процесса. И. Н. Борисова пишет об этом применительно к ходу течения диалога, однако данное явление наблюдается и при характеристике говорящим развертывания действия. В силах говорящего не только замедлить ход действия, но и отсрочить или вовсе снять уже достигнутый результат.

- [1] – *Давно не видел Наталью. Как она?*
– *Выписалась из больницы с тяжелым диагнозом.*
– *Что ставят?* (вместо *поставили*).

Если во второй реплике сообщается о завершеном действии *ставить / поставить диагноз*, то в третьей, заключительной реплике этот результат снимается и действие представляется в его развитии, на средней стадии. Так действию и его возможному результату придается меньшая определенность.

Другим проявлением интерпретационной функции русского глагольного вида служит реализация дополнительной семантики «заполнения», нагрузки действия добавочными элементами / этапами / атрибутами.

[Ш] – Алло, это я!

– Ирочка, дорогая, я так соскучился! Когда ты будешь?
– Наконец-то всё закончили, уже есть билеты. Так что **встречай** меня в субботу (вместо **встреть**). И чтобы были мои любимые цветы и ужин из «Праги».

Однократное действие *встретить на вокзале* обозначено формой несовершенного вида (ср.: **Встреть** меня, пожалуйста! Очень багаж тяжелый) и нагружено дополнительными действиями и атрибутами: одна глагольная форма императива НСВ передает необходимость по сути дела трех действий: поездки в «Прагу» за ингредиентами ужина, приобретения любимых цветов, также выступающих как условие встречи, и самой встречи на вокзале. В дискурсе реализуется «императив предписания», тем самым задаются ожидаемые от диалог-партнера действия. При этом в данном контексте замена видовой формы императива (т. е. **Встреть** меня в субботу! И чтобы были...) информантами оценивается как невозможная.

Диалоги [I] и [II] демонстрируют возможности сознательного влияния говорящего на динамику информационного взаимодействия собеседников (в первом случае говорящий с помощью видовой формы меняет скоростной режим, а во втором – объем используемых понятий), поэтому функцию видовых форм можно определить как манипулятивную.

В современном разговорном диалоге есть и другие случаи обыгрывания говорящим названия действия. Чаще это действия-движения. Названию действия может быть придана большая или меньшая емкость, то есть под одним традиционным названием действия может подразумеваться ряд дополнительных действий или, наоборот, глагол движения может обозначать неполный маршрут. Выбор видо-временной формы глагола при этом играет основополагающую роль. Помимо этого, одним из синтаксических средств, используемых говорящим в этом случае, может являться эллипсис в сложном предложении.

[Ш] (1) – Татьяна Ивановна, какими судьбами вы сегодня на факультете? Я знаю, что по вторникам у вас нет занятий.

(2) – Да вот, а) **приехала** к стоматологу.

б) **приезжала** к стоматологу.

В 2а мы имеем дело с эллипсисом придаточной части сложного предложения: *Приехала, чтобы пойти к стоматологу* (но еще не была у него). Более традиционным значением высказывания (например, если подросток присылает родителям sms-сообщение *Я приехал к бабушке*) является определенная характеристика местоположения (здесь: у бабушки). Но в 2а говорящий еще не у стоматолога. Другой тип значения предстает в реплике 2б *Я приезжала к стоматологу* (то есть уже была у него). Форма *приезжала* (*приходила, прилетала*) традиционно обозначает аннулированный результат движения (хотя возможны и иные смыслы), т. е. движение с возвратом в исходную точку. В нашем же случае глагольная форма передает движение к цели с возвратом в некий промежуточный пункт. Мы имеем дело с неполным обратным маршрутом.

В диалоге [III], как и в [II], мы наблюдаем ситуативное изменение объема понятия, выражаемого глаголом. Но описание говорящим ситуации не имеет целью манипулировать собеседником, как в первых двух случаях, функция глагольной формы здесь только интерпретационная.

Видовые формы, выбираемые говорящим в процессе общения, суть речевые проявления его личности. Новации русского разговорного диалога требуют системного осмысления их в русле развивающейся коллоквиальной лингвистики.

Литература

- Баранов А. Г. Когнитивность текста: К проблеме уровней абстракции речевой деятельности // Жанры речи: Сб. научных статей. Вып. I. Саратов, 1997. С. 4–12.
- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2007.
- Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Уч. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 442. Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика. I. Тарту, 1978. С. 53–112.

Прагматика русского пожелания

Н. О. Григорьева

Педагогический институт ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия)

Прагматика, пожелание, полифункциональные служебные слова.

Аннотация. В докладе рассматривается прагматический потенциал конструкций-пожеланий, анализируются семантические типы пожеланий, специфика полифункциональных служебных слов как маркеров ситуаций.

Несмотря на длительную традицию изучения императивности и оптативности, до сих пор не определено четко место пожеланий в системе синтаксических конструкций, не получила исчерпывающего описания специфика их функционально-коммуникативного и прагматического потенциала. Конструкции с семантикой пожелания обладают сложной модальной и прагматической организацией. Специфика русского пожелания состоит, на наш взгляд, в том, что большая часть подобных конструкций совмещает признаки императивности и оптативности. Одним из критериев разграничения собственно пожеланий и оптативов может служить точная адресованность, двойная антропоцентрическая актуализация данных конструкций. С точки зрения структуры часть пожеланий может быть отнесена к свободным конструкциям с закрепленной сферой использования, часть – к фразеологизированным (различной степени фразеологизации), часть пожеланий представляет собой формулы речевого этикета. Последний тип можно разделить на следующие группы: речевые формулы, практически утратившие семантику пожелания, и формулы, сохраняющие данную семантику. У конструкций первой группы возможно распознавание семантики пожелания при опоре на этимологию; имплицитное сохранение данной семантики характерно для представителей русского лингвокультурного сообщества, но может представлять определенные трудности при межкультурной коммуникации. Актуализация семантики пожелания возможно также при использовании речевой формулы в нетипичной для нее коммуникативной ситуации. С точки зрения семантики уже традиционным является подразделение пожеланий

на добрые и недобрые. Пожелания служат четкими, вполне определенными знаками оценочной эмоциональной реакции. Представляется возможным говорить о наличии сложных парадигматических связей конструкций-пожеланий, в первую очередь синонимических. На наш взгляд, в русском языке можно выделить особые маркеры пожелания. В качестве таких маркеров выступают полифункциональные служебные слова, имеющие в структуре значения соответствующие модальные семы: *чтобы, пусть, пускай* и др. Полифункциональные служебные слова как маркеры пожелания обладают различным коммуникативно-прагматическим потенциалом. Универсальным маркером является полифункциональное слово *чтобы*, которое может использоваться в различных по семантике пожеланиях. В качестве доброго пожелания возможно в особом типе конструкций – самопожеланиях. Слова *пусть / пускай* регулярно используются в добрых пожеланиях. Интересно, что сочетание маркеров *да чтоб, да пусть*, как правило, оформляет недоброе пожелание и интенсифицирует его, в том числе и через актуализацию инвариантной для *чтобы* семы желательности. Именно парадигматические отношения маркеров пожелания определяют и парадигматику конструкции в целом.

Первоначально, вероятно, и доброе, и недоброе пожелание выражались преимущественно сложноподчиненными предложениями. В предложениях со значением недоброго пожелания главная часть нередко редуцировалась в силу особенностей семантики *чтобы*, способности поглощать и выражать самостоятельно значение главной части, инвариантного модального значения желательности, а также семы,

близкой к отрицанию. В предложениях со значением доброго пожелания именно главная часть погашала негативную семантику придаточного, вводимого *чтобы* (с учетом лексического наполнения частей), поэтому они дольше сохраняли форму сложноподчиненного предложения. Затем в силу объективных причин (определенных исторических процессов) частотность употребления таких конструкций заметно снизилась. Доброе пожелание стало передаваться иными средствами, а часть *дай Бог* (или синонимичные ей) редуцировалась вместе с компонентом *чтобы*, так как представляла собой определенную формулу, в большей степени устойчивую конструкцию. Интересно отметить, что в случае с добрыми пожеланиями возможна и редукция придаточного при сохранении общей семантики конструкции (доброе пожелание): *дай вам Бог, давай вам (нам) Боже* и т. д. В настоящее время можно отметить некоторое последовательное возрастание частотности употребления как полных, так и усеченных вариантов подобных конструкций, которое, в частности, определяется социолингвистическими и собственно социальными параметрами. В конструкциях с недобрыми пожеланиями подобного усечения, по всей вероятности, не происходило.

В ряде случаев содержание недоброго пожелания эксплицитно не выражено. Можно отметить, что такие конструкции близки по значению к междометиям, то есть служат для выражения чувств (досады, раздражения, негодования и т. д.). Однако и при этом сохраняется общее негативное значение конструкции: *О, чтоб! Никого ни дома, ни на дворе!* (А. Н. Островский).

Часть предложений с семантикой пожелания можно отнести к придаточным самостоятельным (или предложениям с редуцированной главной частью), так как они соотносятся с определенным типом придаточных предложений, главную часть которых можно восстановить без изменения формы предиката и субъекта (в ряде случаев): *О! Чтоб вам пусто было! Измучили вы меня!* (А. Н. Островский). Предложения, в которых такое восстановление главной части не представляется возможным, по нашему мнению, следует считать простыми.

Типология пространственных предложно-падежных конструкций в славянских языках: инновационно-контрастивный аспект

А. А. Загнитко

Донецкий национальный университет (Донецк, Украина)

Предлог, предложный эквивалент, семантическая типология, директив-старт, директив-финиш, локатив, скаляр, вектор

Аннотация. Исследованы особенности семантической типологии славянских пространственных предлогов, определена специфика внутренней дифференциации пространственных предлогов и их эквивалентов, диагностирована частотность предложных эквивалентов пространственной семантики и диагностирована их сочетаемость с падежными формами.

В целом ряде фундаментальных исследований М. В. Всеволодовой, И. Р. Выхованца, М. И. Конюшкевич, Р. И. Мальцевой, А. Н. Шаранды, П. П. Шубы и др. предлог рассматривается в диахроническом / синхроническом, структурном / функциональном, семантическом / строевом и других аспектах.

Любая типология, в том числе и семантическая пространственная, должна исходить из общепринятых концептуальных положений, учитывая при этом значимость определенной единицы в системе и в структуре предложения, текста с попыткой максимального и последовательного определения предложенчески- / синтаксемообразующего (М. И. Конюшкевич и др.) потенциалов. В современной славистике актуализировались проблемы предлога и его эквивалентов (аналогов), подтверждением этого являются последние опубликованные или находящиеся в печати словари указанного класса единиц. Они составлены в алфавитном порядке с указанием сочетаемости этих единиц и квалификацией определенной семантики [Загнитко, Данилюк, Ситар, Шукіна 2007] либо с указанием сочетаемости этих единиц и дифференциацией семантического статуса синтаксем, ср.: **зблизку з-пад чаго** Род. Простор; Дыректыв-старт: *Сцягнула, нават трактара не было відаць зблизку з-пад елкі – зліўся з чарнатой* (І. Пташніцаў); рус. *вблизи из-под чего* и констатацией русских аналогов ([Конюшкевич 2008] и др.).

Для семантической типологии пространственности важным является выявление синтаксемообразующего потенци-

Особую группу представляют собой присоединительные конструкции со служебным словом *чтобы*, которые используются при совершении клятв. В данном случае, по всей вероятности, представлено сложноподчиненное предложение со следственно-условными отношениями, так как за конструкцией, представляющей собой собственно клятву, как правило, следует придаточное с союзом условия *если*, либо оно может быть восстановлено при опоре на фоновые знания: *И чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола* (Н. В. Гоголь). Или: *Чтоб меня убили, никогда не думал, что забракуют* (П. Лебеденко). Клятвы и конструкции-пожелания характеризуются различной модальностью, а также прагматической направленностью. В собственно пожеланиях представлена ярко выраженная модальность желательности, в клятвах же – значение допустимости совершения того, о чем в этой части предложения говорится, в случае нарушения условия, оформляемого союзом *если* во второй части высказывания. Определенная часть простых предложений-пожеланий с компонентом *чтобы* является собственно фразеологизмами: *чтоб духу (чьего-нибудь) не было, чтоб (тебя) черт побрал* и некоторые другие. Эти фразеологизмы фиксируются фразеологическими словарями (или одним из словарей). Существует также группа конструкций, которые по своим признакам относятся к фразеологизмам, но словарями не фиксируются: *чтоб вам ехать, да не доехать* и т. д. Особую группу составляют фразеологические выражения (пословицы, поговорки), которые фиксируются словарями. В художественной литературе или живой разговорной речи чаще используются конструкции с *чтобы*: *А чтоб тебе пригодилось, да на свой же двор воротилось!* (В. И. Даль).

Описание прагматики русского пожелания предполагает также комплексный анализ не только в рамках теории речевых актов, коммуникативных регистров, но и как малого речевого жанра. Малый речевой жанр пожелания может использоваться в качестве составляющей других жанров, в частности комплимента. Кроме того, некоторые пожелания могут рассматриваться и как малые дискурсивные формы.

ала определенного предлога, диагностирование предложно-флексионной целостности единства с разграничением функционально-предложных постпозиции и препозиции, поскольку в первом случае предлог инкорпорирован в предикат (*наступить на, войти в*), а единство «предлог + флексия» реализует целостное значение, маркирующим признаком которого является воспроизводимость (*на заре, на опушке, в гости, у обочины*), что позволяет устанавливать их свободный синтаксемный статус. Поэтому семантическая типология должна учитывать различный статус предлога в структуре предложения и в качестве дифференциальных признаков избирать: 1) линейность предлога с установлением его рамочности; 2) валентную обусловленность / обусловленность предлога; 3) первичность / вторичность предложной единицы; 4) «степень определоживания единиц, вовлеченных в поле предлога» (М. И. Конюшкевич): *собственно предлоги, в значении предлога, аналог предлога, окказиональный предлог, потенциальный предлог* (П. П. Шуба, М. И. Конюшкевич); 5) функциональную потенциальность (т. е. место в парадигме определенной функции – первичной или вторичной); 6) характеризующие семантико-парадигматические связи предлогов (оппозиции тождества, противоположности и т. п.). Именно пространственные предлоги / эквиваленты в целом ряде случаев инкорпорированы в семантику предиката, составляя с ним целое.

Семантическая типология пространственных предлогов и их эквивалентов должна основываться на концептуальной

определенности предлога, поэтому вполне корректным является утверждение о том, что предложными выступают единицы, обладающие двумя признаками: 1) употребление в функции предлога, 2) особый служебный тип значения (по М. В. Всеволодовой). Постоянство этих признаков является диагностирующей приметой принадлежности таковых единиц к особой части речи – «предлогу».

Современная семантическая типология пространственных предлогов и их эквивалентов должна стремиться охватить максимальное количество фактов, основываясь на максимально исчерпывающем наборе классификационных и дифференциальных параметров. Пространственные предлоги и их эквиваленты составляют наибольшую по количественному составу группу, доминирующая роль среди которых по сочетаемости занимает форма родительного падежа: *безпосередньо до / біля, після; ближче від / до; по межах, чим далі від... до* (всего 155 единиц в украинском языке). Здесь значимыми представляются дифференциальные признаки: 1) актуализации близко находящегося объекта – ближе / дальше / ниже / выше / по кругу (*найближче до* и проч.) либо же на определенном расстоянии (*вдалині від, відлік від* и др.); 2) расположения объекта среди других себе подобных (*в арсеналі, в атмосфері, в (у) межах* и т. п.); 3) направление движения от точки в сторону чего-нибудь (*вбік від, в (у) бік до* и проч.); 4) направление движения по вертикали (*на висоті більше, на висоті близько, на висоті від... до* и т. п.); 5) характер перемещения – назад, вперед (*в напрямі до, в (у) напрямку від... до* и проч.); 6) месторасположения предмета впереди, слева / справа и т. п. (*чим далі ліворуч (праворуч) від* и др.); 7) обозначение предмета на границе чего-нибудь (*на околиці, по межах, по рубежах* и проч.); 8) обозначение предметом за пределами другого (*за межі, поза рамками, поза сферою* и т. п.); 9) перемещение на фоне (*на тлі, на фоні* и др.) и проч. Примененные классификационные критерии предлогов и предложных эквивалентов пространственной семантики являются весьма детальными, и каждая ступень дифференциации представляется весьма сложной и объемной, поэтому ее сложно применить ко всему количеству исследуемых единиц.

Грамматика убеждения в русском рекламном дискурсе

О. С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Речевое воздействие, грамматика, реклама

Аннотация. На материале рекламных текстов рассматриваются ресурсы русской грамматики в аспекте их воздействующего потенциала. В центре внимания находятся приемы актуализации грамматических значений, связанные с выбором грамматической формы, грамматическими контрастами и образованием окказиональных грамматических форм.

Приемы и средства речевого воздействия чаще связывают с использованием единиц лексики, чем грамматики. Это объясняется тем, что грамматические формы и категории далеко не всегда осознаются говорящими, их использование в речи отличается высокой степенью автоматичности и, следовательно, они менее других единиц подвержены рефлексии и интерпретации. Например, языковая игра гораздо чаще наблюдается на лексическом уровне, чем на грамматическом. Это не означает, что грамматика не вносит свой вклад в формирование «экспрессивно-прагматического потенциала высказывания». При анализе текстов разных типов и жанров (поэтических, разговорных, политических, рекламных) выясняется, что в них достаточно часто используются приемы актуализации грамматических единиц языка [Ремчукова 2005: 42].

Выделяются несколько лингвистических направлений, рассматривающих возможности использования грамматических ресурсов в аспекте их воздействующего потенциала. Это исследования выбора грамматических категорий и единиц в целях манипуляции сознанием (Р. Блакар, Х. Вайнрих, Е. Л. Доценко, С. Кара-Мурза); языковая игра в аспекте креативных возможностей человека говорящего (Т. А. Гридина, Б. Ю. Норман, В. З. Санников, Е. Н. Ремчу-

Используя теоретический и прикладной аспекты осмысления классификации пространственных отношений О. Н. Селиверстовой и особенно М. В. Всеволодовой, представляется целесообразным применить именно этот понятийный аппарат, где а) директив-старт – это указание на исходную точку движения (откуда?) (*в напрямку від*); б) директив-финиш – определение конечной точки движения (куда?): *вбік (убік) від*; в) локатив – указание на местонахождение объекта в пространстве: *безпосередньо біля, в (у) нетрях*; г) дистрибутив – указание на определенное множество, в пределах которого или вне пределов которого находится определенная реалья: *в очах, поза рамками, поза стінами*; д) трасса – указание на направление прохождения чего-нибудь: *у напрямі до, в(у) радіусі не менше, на шляху від... до, по дорозі від... до*; е) скаляр – величина, определяющаяся числовым измерением без указания на направление: *з відстані від... до, на відрізьку від... до*; ж) вектор – указывает на отрезок прямой с определенным числовым значением и направлением в пространстве: *з (із / зі) глибини від... до, на висоті від... до, на глибину від... до* и проч. Основу семантической типологии пространственных предлогов и их эквивалентом должно составлять принципиальное разграничение их вертикальной и горизонтальной значимости, способности выступать детерминантами (сирконстантами) и т. п. Инновационный спектр предложных эквивалентов пространственной семантики легко обнаруживается в контрастном аспекте, где особенно значимыми выступают различия не только в количественном составе предлогов со значением локатива, трассы и т. п., но и принципиальное разграничение и / или тождество вертикальных / горизонтальных их значимостей в системе, узусе и тексте. Разграничение в славянских языках прослеживается и в сущности транспонированного в предлог компонента.

Литература

- Загнітко А. П., Данилюк І. Г., Ситар Г. В., Щукіна І. А. Словник українських прикметників. Донецьк, 2007.
Коношківець М. І. Беларуска прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: У 3-х ч. Ч. 1. Дзяпазон А – Л. Гродна, 2008.

кова и др.), а также изучение художественной речи (грамматических особенностей идиостиля писателя).

В качестве исходной посылки в исследовании принимается известное положение Рольва Блакара о том, что «выразиться нейтрально невозможно» и говорящий, «произнося одно-единственное слово, вынужден занять позицию». Поэтому речевое воздействие в широком смысле можно рассматривать как выбор говорящим определенной точки зрения на ситуацию. Тогда все указанные выше направления исследований функционирования грамматических вариантов и окказионализмов окажутся не противопоставленными, а взаимно дополняющими друг друга. Соответственно эффекты речевого воздействия можно наблюдать как в традиционных для анализа персуазивной коммуникации сферах (политическом, рекламном дискурсе), так и в межличностном общении и художественной речи.

Грамматическая система языка обладает значительным потенциалом речевого воздействия, обусловленным несколькими внутриязыковыми факторами:

- 1) возможностями выбора грамматической формы из имеющихся в языке вариантов;
- 2) возможностями использования грамматического контраста;

3) возможностями образования окказиональных грамматических форм.

Все указанные возможности связаны с задачей актуализации грамматических значений, релевантных для коммуникативных целей говорящего.

1. Выбор грамматической формы из имеющихся в языке вариантов

Наиболее очевиден интерпретирующий потенциал форм категории залога.

При помощи грамматической формы залога и порядка слов возможна актуализация активного и пассивного действия (агенса и пациенса). Д. Стэнли назвала это «эксплуатацией синтаксиса» (цит. по: [Болинджер 1987: 31]).

Традиционным приемом умолчания об инициаторе действия является использование неопределенно-личных и безличных конструкций типа: *говорят (кто?), что...; считается, что...; известно, что... (кому?)...; не раз доказано (кем?)*, а также выражения *Есть мнение (чье?), что...*

Отсутствие указания на источник информации позволяет адресату самому заполнить позицию агенса. Таким образом мнение подается как общеизвестный факт, что весьма актуально в сфере рекламы, поскольку позволяет ввести имплицитную аргументацию.

2. Грамматические контрасты

Категория контраста обладает повышенным «идеологическим потенциалом». Прием грамматического контраста заключается в столкновении противопоставленных грамматических форм в пределах одного высказывания. Это позволяет акцентировать внимание на актуальных для говорящего и его адресата смыслах: *Увлекай и увлекайся* (реклама косметики).

Существенное значение для прагматики речи имеет, например, противопоставление грамматических форм време-

ни. Особенно интересны полные оппозиции временных форм (прошедшее, настоящее, будущее). *Скидка 15% на все звонки: ...для тех, кто говорил, говорит и будет говорить.*

Однажды найденный копирайтерами прием становится своего рода моделью и начинает активно эксплуатироваться в рекламном дискурсе.

3. Возможности образования окказиональных грамматических форм

Одним из основных ресурсов воздействия на грамматическом уровне является **нарушение стандарта** – норм кодифицированного литературного языка. Использование грамматических форм и категорий с нарушением языковых норм связано в первую очередь с коммуникативным замыслом говорящего, включением в фокус внимания адресата новых смыслов и их актуализацией.

Чаще всего «обновление» грамматической формы связано с расширением парадигм, функционирующих в кодифицированном литературном языке. Это проявляется в выражении той или иной грамматической категории, не свойственной данному слову (падежа, степени сравнения, переходности и т. д.).

Окказиональная форма может сочетаться со словообразовательным окказионализмом: *Наш цирк циркее всех цирков!*

Как показывает анализ материала, грамматика предоставляет достаточно широкие возможности для выражения экспрессивных и семантических нюансов, актуальных для рекламного воздействия.

Литература

- Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 23–43.
Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. М., 2005.

О некоторых функциях императива в русском и македонском языках / Глаголскиот вид во императивот во македонскиот и во рускиот јазик

М. Каранфиловски

Филологический факультет «Блаже Конески» (Скопье, Македония)

Аннотация. Формами повелительного наклонения можно выразить вежливость, грубость, приглашение, согласие и т. д. Употребление глагольного вида в таких формах в русском и македонском языках различается. В русском языке при императиве употребляется несовершенный вид, тогда как в македонском предпочтение отдается совершенному виду. На основании анкетирования среди носителей македонского языка делается анализ сходств и различий императива в обоих языках.

Глаголскиот вид во императивот и во македонскиот и во рускиот јазик во принцип може да се употребува во двата вида, при што нивната фреквенција не игра некоја посебна улога: *Повелете!, Влезете!, Седнете!, Купувајте ...!, Играјте лото!* итн. Слично е и во рускиот јазик: *Проходите! Читајте!, Покупайте!* итн. Во најопшти црти може да се каже дека секогаш кога се работи за нешто еднократно се користат формите на свршениот вид, а кога императивот се однесува на дејство кое трае нешто подолго или се повторува се употребуваат формите на несвршениот вид.

Употребата на глаголскиот вид во императивот на македонската лингвистичка литература не е посебно разгледувана, освен делумно кај Конески во неговата «Грамматика на македонскиот литературен јазик» (1967) и кај Каранфиловски (2003), а во рускиот јазик на оваа тема се осврнале повеќе автори.

Интересен пристап кон употребата на глаголскиот вид во императивните форми во словенските јазици има италијанската славистка Росана Бенакио во нејзината книга посветена на потврдните форми на императивот во словенските

јазици. Таа смета, повикувајќи се на забележувањата и на други лингвисти, дека темпоралноста во формите на императивот се ограничува и дека до израз доаѓаат повеќе други фактори. Меѓу тие фактори таа ги вбројува факторите или нијансите на учтивост / неучтивост, грубост, дозволување, забрана, пожелување, збогување, како и еднократност, многукратност, почеток, средина или крај на дејствието, предупредување, обновување на дејствието итн. Таа изведува заклучок дека рускиот јазик, како и другите источнословенски јазици (украинскиот и белорускиот) има многу поширока сфера на употреба на несвршениот вид во императивните форми отколку другите словенски јазици. Словенскиот јазик се карактеризира со максимална пространост на свршениот вид, додека кај другите јужнословенски јазици се забележува зголемена употреба на свршениот вид заедно со конкуренцијата меѓу двата вида.

Во целина земено македонскиот и рускиот јазик во поглед на употребата на видските форми во императивот покажуваат повеќе меѓусебни разлики. Во рускиот јазик е зголемена честотата на несвршениот вид, додека во македонскиот јазик многу пообичен е свршениот вид.

Субстантивна словоизменительная парадигма в русском и болгарском языках с точки зрения типологии славянских падежных систем

Е. В. Клубуков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Склонение, падеж, пропозициональные, коммуникативные и иллокутивные функции падежа, типология падежных систем

В русском и болгарском языках (в отличие, например, от английского) субстантивная словоизменительная парадигма

содержит определенное количество словоформ, противопоставленных как по числу (рус. *народ* – *народы*, *час* – *часы*;

болг. *народ* – *народи*, *час* – *часове*), так и по другим значениям в рамках субпарадиг единственного и множественного числа. Для русского это противопоставление шести основных падежных форм, осложняемое в единственном числе наличием ряда дополнительных падежей (партитив, локатив и др.): ед. ч. *ученик, ученика, ученику...*, мн. ч. *ученики, учеников, ученикам...* Что касается болгарского языка, то здесь каждая из числовых субстантивных субпарадигм в содержит по три материально противопоставленных словоформы: ед. ч. – общая, звательная и определенная (*ученик, ученико, ученикът*), мн. ч. – общая, счетная и определенная (*ученици, ученика, учениците*) [Языки мира 2005: 87].

Системное противопоставление субстантивных словоформ при помощи флексий позволяет поставить вопрос о теоретической возможности выделения в болгарском языке, по модели русского (где также есть и счетная, и звательная формы), морфологической категории падежа. Общепринятое мнение о соответствующем фрагменте грамматической системы болгарского языка хорошо выразил Ю. С. Маслов: «В современном [болгарском] литературном языке падеж как живая морфологическая категория представлен только у ряда субстантивных местоимений... За пределами этого класса слов выражение падежных значений осуществляется различными внепадежными способами» [Языки мира 2005: 79].

В таком случае полезно было бы досконально разобраться в вопросе, что же такое падежные значения, какова их природа. «...Какие вообще значения может выражать падеж?» [Падучева 2006: 25]. Ответ на этот вопрос впечатляет: для падежа отмечается целый ряд разнородных значений (и даже типов значений), при этом пропозиционально-ролевая информация (*Разбил топор* – ‘объект воздействия’, *разбил топором* – ‘орудие’) лишь открывает перечень падежных значений, но вовсе его не исчерпывает. Есть еще семантика коммуникативного ранга: противопоставление по центральности / периферийности того или иного актанта при данном предикате, о чем догадывались уже древние греки, разграничив прямой и косвенные падежи. Для отдельных падежных форм актуальны и другие типы значений, в целом для падежной системы не самые распространенные [Падучева 2006: 26]. Это обозначение референциального статуса имен (*Ответ не пришел* – референция определенная: ответ существует, он послан, но не получен; *Ответа не пришло* – возможно, ответа вообще не было, выражена нереперентность актанта), а также квантитативное по своей сути партитивное значение (указание на часть целого, ср. функции партитива).

Приходится признать, что если посмотреть на ситуацию непредвзято, то в противопоставлении болгарских субстантивных форм в рамках числовых субпарадиг выражаются те же значения, что и в падежных формах русского языка (вернее, некоторые из типов значений, признаваемых для русского языка падежными). В целом же падеж представляет собой категорию с семантически разнородными формами. Мысль о многозначности (и даже семантической неоднородности) субстантивных падежных словоформ уже неоднократно высказывалась [Пешковский 2001 / 1938: 55–57]. Более того, представляется вполне справедливой идея К. И. Ходовой о том, что за противопоставлением форм славянского субстантивного склонения может стоять не одна категория (единый падеж), а несколько различных категорий [Ходова 1973: 393 и далее].

В докладе разграничены для русского языка три различные морфологические «падежные» субкатегории, базирующиеся на одном и том же составе словоизменяемых субстантивных форм, но с разным содержанием и даже с различным количеством противопоставленных граммем: Падеж₁, Падеж₂ и Падеж₃ [Клобуков 2007: 277–278].

Основной падежной субкатегорией является, безусловно, Падеж₁ – категория с пропозициональной (ролевой) семантикой субстантивной формы как средства обозначения компонентов ситуации или связей в рамках макроситуации, отображаемой высказыванием. Падеж₂ – это морфологическая категория, также выражаемая на уровне субстантивного словоизменения, но связанная не с передачей объективной информации о действительности (ср. Падеж₁), а с субъективной интерпретацией говорящим коммуникативного ранга участников отображаемой

ситуации (номинатив обычно служит показателем 1-го коммуникативного ранга). Падеж₃ (как иллюкативная категория апеллятивности / неапеллятивности) связан еще еще с одной областью функционирования субстантивных форм, которая в принципиальном плане была выявлена уже античными филологами. Речь идет о способности падежных форм, используемых в качестве обращения (*Боже; ребят*), указывать на роль лица, названного существительным, в речевой ситуации, где противопоставлены такие участники, как говорящий, слушающий и предмет речи (вокативом при этом обозначается адресат речи).

Все славянские языки по обсуждаемому в докладе основанию могут быть разбиты на три группы:

I. Языки с полным набором рассмотренных выше категориальных падежных противопоставлений (Падеж_{1,2,3}): старославянский, церковнославянский, сербохорватский; древнерусский, современный русский, украинский, белорусский; чешский, польский, верхнелужицкий, кашубский.

II. Языки с неполным набором падежных противопоставлений, реализуемых в субстантивном склонении (отсутствует иллюкативный по своей природе Падеж₃): словенский, полабский, нижнелужицкий, а также словацкий языки.

III. Языки, в которых отсутствует «пропозициональный» Падеж₁, однако в полной мере реализуется Падеж₂ (проблема Падежа₂ в данных языках требует дополнительного рассмотрения): это болгарский и македонский языки. Попутно заметим, что вопрос о месте счетной и определенной форм в формировании особых категориальных противопоставлений падежного уровня требует более пристального изучения на материале данных языков в свете общей типологии падежных значений, не исключающей, как было показано Е. В. Падучевой, ни коммуникативно-ранговой, ни референциальной, ни квантитативной семантики.

Итак, есть ли в болгарском языке падеж с учетом того, что субстантивные формы этого языка способны выражать некоторые из типов падежных значений? В докладе обосновывается справедливость традиционного (отрицательного) ответа на этот вопрос. Все дело не в семантике словоизменяемых форм, а в принципиальном устройстве системы падежных соотношений, о наличии того грамматического стержня, который формирует падеж как морфологическую категорию. Как уже говорилось, именно пропозициональный Падеж₁ – это центр морфологической падежной системы, и его отсутствие в грамматической системе того или иного языка автоматически снимает вопрос о существовании категории падежа. Все остальные падежные субкатегории только при наличии пропозиционального стержня в принципе способны объединяться и надстраиваться над актантно-сирконстантной сферой, усложняя и обогащая категориальные падежные оппозиции (поэтому лингвисты обычно готовы их учитывать в рамках собственно падежа – ср. вполне лояльное отношение многих ученых [Кацнельсон 1972] к вокативу как члену падежной системы). Однако с исчезновением пропозиционального падежа из субстантивного словоизменения, как это случилось в болгарском, ни Падеж₂, ни Падеж₃ не могут заменить этого компонента, стержневого для падежа как морфологической категории. В результате грамматический падеж как категория разрушается, делегируя свои полномочия другим категориям, прежде всего принадлежащим синтаксису.

Литература

- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
 Клобуков Е. В. Уровни падежной семантики и типы семантико-синтаксических функций русского предлога // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007.
 Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6.
 Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. (воспр. 6-го изд., 1938). М., 2001.
 Ходова К. И. Структура отношений, выражаемых формами склонения имени существительного в старославянском языке // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1973.
 Языки мира: Славянские языки / Под ред. А. М. Молдована и др. М., 2005.

Коммуникативная грамматика болгарского языка для англоговорящих

М. И. Костова

Медицинский университет г. Варны (Варна, Болгария)

Болгарский язык, коммуникативная грамматика, англоговорящие

Аннотация. В докладе представлена впервые разработанная практическая коммуникативная грамматика болгарского языка. Она включает ясно иллюстрированные правила, большое количество упражнений, разработанных на принципах коммуникативной грамматики, и предназначена для обучаемых, пользующихся английским языком в качестве языка-посредника.

Болгарский язык, единственный среди остальных славянских языков, обладает уникальной грамматической структурой, самой яркой особенностью которой является его аналитизм. В настоящее время он является и единственным языком, который представляет Кирилло-Мефодиевский алфавит среди языков стран Европейского союза.

Интерес к болгарскому языку в последние годы, однако, вызывается не только его особенностями как языкового явления в мире, но и, прежде всего, прагматическими причинами.

С 1 января 2007 болгарский язык является одним из административных языков Европейского союза. Он звучит в высказываниях болгарских депутатов в Европейском парламенте; официальные документы ЕС, в том числе юридические и др., которые предназначены для европейских граждан и государств, распространяются и на болгарском языке; болгарские граждане имеют право обращаться к европейским институтам на своем родном болгарском языке.

К Болгарии проявляется большой интерес со стороны граждан ЕС. Хороший климат, красивая природа и другие факторы привлекают многих людей (из Великобритании, Ирландии, Бельгии и др.) жить и работать в Болгарии. Инвестиционные и другие бизнес-интересы тоже приводят сюда много людей из различных стран. В этих контактах иностранцев с Болгарией язык часто приобретает очень важную роль.

С другой стороны, много болгар переезжает в другие страны – жить и работать. Считается, что почти 7 миллионов болгар живут за рубежом. Они переехали в различные страны в различные исторические периоды. Очень большое число, преимущественно молодых людей, переехало в западные страны и США в последние 20 лет (после открытия границ в 1989 г.). За это время выросло новое поколение – их дети, рожденные в однородных или смешанных браках. Овладение языком детьми важно для сохранения связи с родиной.

И, конечно, традиционный контингент изучающих болгарский язык – иностранные студенты и магистранты, приезжающие в Болгарию для обучения в различных вузах. Его преобладающий национальный профиль тоже меняется: раньше это были преимущественно арабы и греки, сейчас – преимущественно турки. Периодически приезжают некоторые специфические группы – например, нигерийцы, иранцы. Кроме этой отчетливой разницы в национальности обучаемых, существует и новое явление в этом сегменте – обучение на английском языке в различных вузах. Для Болгарии в целом это сравнительно новое явление. Есть вузы, которые поддерживают договоренности только с одной страной, например с Индией, и там обучаются преимущественно индийцы. А другие вузы объявляют свободный прием и этим привлекают студентов из стран всего мира, включая Японию и др. В медицинских университетах обучение болгарскому языку для этих студентов обязательно, так как общение с пациентами (осуществляемое только на болгарском языке) – важная часть их обучения.

Видно, что во всех этих новых ситуациях, люди, которые обучаются болгарскому языку, – преимущественно взрослые, преимущественно образованные, в большинстве случаев – владеющие английским языком как родным или как вторым, и во всех случаях – люди, которые имеют конкретный прагматический интерес к овладению болгарским языком не в теоретических аспектах, но углубленно, в его современном состоянии и в коммуникативном аспекте.

Это определяет и актуальность разработанной нами практической коммуникативной грамматики болгарского языка, предназначенной для англоговорящих.

Фактически морфологию и синтаксис можно представить почти одинаковым образом обучаемым различных национальностей, но это невозможно по отношению к фонетике. Однако, как правило, курс практической фонетики отсутствует почти полностью в учебниках болгарского языка для иностранцев. В нашей грамматике, согласно принципам коммуникативной грамматики, в которой произношение, ударение, интонация являются носителями коммуникативного значения [Leech, Svartvic 2002], фонетика занимает важное и значительное по объему место [Костова 2008].

Книга состоит из двух томов. Первый том – это фонетика, часть морфологии – имя существительное, имя прилагательное, местоимение. Второй том – продолжение морфологии: глагол, предлог, причастие, наречие, частицы, междометия и синтаксис; а также ключи к упражнениям и болгарско-английский словарь. Все задания и грамматические заметки представлены на болгарском и английском языках, а само содержание упражнений – только на болгарском. Упражнения имеют преимущественно диалогический, текстовый характер. Внимание в этих, как правило, *микротекстах* направлено не только и не столько к изучаемой в данной теме грамматической форме, но и к ее функции, т. е. к ее способности выразить определенное значение и постичь коммуникативную цель высказывания. Таким образом практически реализуется единство формы, функции и значения, являющееся ключевым элементом коммуникативной грамматики [Золотова 2004]. Иллюстрируем наш подход небольшим примером – частью упражнения для овладения краткими винительными и краткими притяжательными местоимениями:

МОДЕЛ: – <i>Валя, къде е чантата ти?</i> – <i>Чантата ми? Ето я!</i>	
– Деца, къде са тетрадите	– Госпожице, моля, документите
– Тетрадите	– Документите
– Господине, къде е паспортът	– Госпожо, може ли билета
– Паспортът	– Билета

Литература

Золотова Г. А. Значение, функция и форма в языке // «Диалог» – Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Междунар. конф. М., 2004.
URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Zolotova.htm>.

Костова М. Фонетиката като част от комуникативната граматика на обучението по български език на английскоговорящи // Пета научна конференция «Мениджмънт и предприемачество». ТУ-София, филиал Пловдив. Пловдив, 2008. С. 182–189.

Leech G., Svartvic J. A Communicative Grammar of English. Pearson EL. GB, 2002. P. 19–26.

Русско-украинское двуязычие: коммуникативно-прагматический аспект

О. В. Красовская

Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля (Луганск, Украина)

Двуязычие, иноязычное вкрапление, кодовое переключение, смешанный текст, речевое поведение

Аннотация. Рассматриваются основные проявления русско-украинского двуязычия, а также связанные с ним типы речевого поведения коммуникантов.

1. В русскоязычных регионах Украины после распада Советского Союза все большее распространение получает ук-

раинский язык. Внедрение здесь государственного языка в официальные сферы жизни, а также в сферы образования,

рекламы, кино и нек. др. носит принудительный характер – соответствующие акты государства, как и решения местных органов самоуправления о придании русскому языку статуса регионального, не перестают оспариваться в судах разных инстанций.

Использование государственного языка в нашем материале определяется не только (а в некоторых ситуациях – и не столько) официальным характером коммуникации. Ср. показательный ответ участника гражданского судопроизводства на вопрос о его языке: *Ради бога / все на русском // А рішення [рус. решение] / как положено //*. При этом не самые «ответственные» документы и в судопроизводстве, которое представляет собой сферу регулируемого речевого поведения, составляются (например, судебный запрос) или заполняются (например, бланк судебной повестки) на русском языке.

2. Полное двуязычие среди населения юго-восточных регионов встречается редко, в основном оно находится в дополнительном распределении – по ситуациям, темам, адресатам и нек. др. факторам.

Наблюдаются разные проявления взаимодействия близкородственных языков в нашем материале:

2.1. Иноязычные вкрапления, т. е. появление элементов одного языка в тексте, составленном на другом языке: (из речи работника контрольно-ревизионной службы в телефонном разговоре) *Мы будем передавать [результаты проверки] в прокуратуру / потому надо / чтобы была доказавая [рус. доказательственная] база //*; (из речи работника социальной службы) *У них было пособие в святы с лишением родительских прав / а теперь / с декабря / будем собирать справки / переоформлять по потере годовальника [рус. кормильца] //*; (из речи судьи) *Ви попереджається про кримінальну відповідальність за заведомо [укр. свідомо] неправильний переклад //*.

2.2. Кодовые переключения – переход с одного языка на другой под влиянием какого-либо фактора: (традиционное начало известной телевизионной передачи на русскоязычном канале) *Доброго вечора! Ми в прямому ефірі // Прямий ефір / це свобода / ми самая свободная программа в Україні // Прикликаю наших перших гостей...*

2.3. Смешанные тексты, которые произвольно сочетают в себе элементы двух языков: (из речи военнослужащего) *Следствие велось э-э... упереджено [рус. предвзято] // Надо было звинуватити генералів [рус. обвинить генералов] / значит / вот оно все делалось для того / чтобы притя-*

нуть [рус. привлечь] / и фальсифицировав [sic!] материалы / которые были //.

3. Общеизвестно, что инвариантом речевого поведения (РП) говорящих и слушающих является «поиск общего языка» (Т. Г. Винокур), который имеет в первую очередь билингвистический смысл. В записанном нами материале отчетливо выделяются два типа РП коммуникантов:

3.1. Кооперативный тип РП, в основе которого – психологическая готовность использовать общий с собеседником языковой код:

(из судебного разбирательства: С. – судья, И. – истица)

С. (обращаясь к И.). *Доповнення є?*

И. *У мене клопотання про залучення... цих... (говорит тише) Вилетело слово //*

С. *Говорите по-русски //*

И. *Документів... грамот / в которых содержится положительная информация о моей профессиональной деятельности //*.

3.2. Некооперативный тип РП, в основе которого – отказ от использования общего с собеседником языкового кода. Ср. диалог между отцом (О.) и дочерью (Д.):

О. (во время интервью русскоязычного журналиста делает замечание Д.). *А чого це дочка народного артиста України / відповідає російською мовою?*

Д. *Ко мне обратились на русском / я и отвечаю по-русски //*.

Однако отказ от перехода на общий языковой код может не порождать оппозиционного варианта РП, если говорящий при этом использует другие приемы языкового объединения коммуникантов. Ср. показательную реплику судьи: *Пробуйте трішечки українською мовою / бо треба все записувати в протокол // Мені також важко //*.

Литература

- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Крысин Л. П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.
- Нецименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
- Тараненко О. О. Українсько-російський суржик: статус, тенденції, оцінки, прогнози // Мовознавство. 2008. № 1.
- Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена, 2001.

Глаголы с общим значением ‘перемещение в пространстве’ в составе описательных предикатов

В. А. Кузьменкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Описательные предикаты, глаголы движения, глагольный компонент, именной компонент

Аннотация. Рассматриваются глаголы движения типа *идти – ходить* и их приставочные образования в роли глагольных компонентов описательных предикатов. Представлены различные группы ОП с глаголами движения: фазисная, результативная, каузативная.

1. Описательные предикаты (далее ОП) как фрагмент русской синтаксической системы плодотворно и с разных позиций исследуются в лингвистике. Изучаются и описываются как глагольные, так и именные компоненты. Однако глаголы с общим значением ‘перемещение в пространстве’ в роли компонентов ОП не подвергались детальному рассмотрению. Мы имеем в виду те глаголы, которые в русском языке принято называть «глаголами движения», т. е. лексико-семантическую группу, состоящую из парных одновидовых глаголов типа *идти – ходить*. Группа глаголов со значением ‘перемещение в пространстве’ значительно шире данной группы и включает, наряду с парными одновидовыми глаголами движения, другие глаголы, показывающие изменение ориентации объекта в пространстве (как самопроизвольное изменение, так и изменение, происходящее под действием какой-либо силы): *вертеть(ся), вращать(ся), колебать(ся), кружить(ся), крутить(ся), мчать(ся), отдалять(ся), приближать(ся)* и некоторые другие. Однако наше внимание будет сосредоточено лишь на глаголах движения типа *идти – ходить (нести – носить, вести – водить)* и их приставочных образованиях, как наиболее частотных в роли глагольных компонентов ОП.

2. Интерес к данной группе глаголов не случаен: образованные с их помощью ОП наиболее приспособлены для того, чтобы показать как различные фазы перемещения объекта в пространстве, так и изменение состояния объекта во времени. Довольно часто подобные ОП передают особое значение, которое не равно значению соотносительного однословного предиката, т. е. значение момента выхода (со знаком «+» или «-») на новый уровень или новую стадию состояния, процесса или действия. Данные ОП, как правило, образованы по способу метафоризации, при этом в подавляющем большинстве случаев основаны на использовании переносного значения глаголов движения.

3. Условно мы можем разделить ОП с глаголами движения на следующие группы: 1) ОП, отражающие различные фазы действия или состояния: а) начальную фазу: *зашел спор, разговор; мысли побежали; самолет пошел на снижение*; б) актуальную фазу: *идет спор, разговор, беседа*; в) конечную фазу: *разговор подошел к концу, прошли переговоры*; 2) ОП, отражающие значение «процессность – результативность»: *приносит огорчения – принести огорчение*; 3) ОП, отражающие значение каузации действия или состояния: *вводит (вести) в недоумение*.

3.1. Актуальная фаза действия, процесса или состояния может отображаться при помощи ОП с разнонаправленными глаголами движения без префиксов *идти, вести, нести*: *идет ремонт дома* (ОП–2, предикативная конструкция), *самолет идет на снижение, представители фирм ведут переговоры, руководитель проекта несет ответственность за результаты* (ОП–1, непредикативная конструкция). Соотносительные глаголы разнонаправленного действия без префиксов в этих случаях невозможны. Это один из так называемых «запретов», которые важно указать при изучении русского языка во избежание ошибок подобного рода: **Так как я была старшей, я носила ответственность за свою сестру*. Следует заметить, что для отображения актуального действия могут использоваться также глаголы разнонаправленного действия с префиксом *про-*: *проводить ремонт* – ОП–1; *проходят переговоры* – ОП–2. В ОП с разнонаправленными глаголами без префиксов (*вести, идти, нести*), по всей вероятности, подчеркивается значение актуальности момента, в ОП с разнонаправленными глаголами с префиксами (*проводить, проходить*) подчеркивается длительность процесса.

3.2. Начальная фаза действия или состояния имеет две стадии: а) начально-начальную, которая может отображаться при помощи ОП с разнонаправленными глаголами движения с префиксами *в-, за-, по-, при-, вы-*: *заводить разговор, входит в соприкосновение, выходит в плавание, приходит в восторг* – ОП–1; б) конечно-начальную, которая может отображаться при помощи однонаправленных глаголов с префиксами *по-, за-*: *пошли толки, распрости, зашел разговор* – ОП–2. Таким образом, конструкция с ОП несомненно богаче по своим выразительным возможностям и может передавать тонкие и разнообразные оттенки значений.

3.3. Конечная фаза тоже имеет две стадии: начально-конечную и конечно-конечную. Соответственно первая может

отображаться при помощи ОП с разнонаправленными глаголами движения с префиксами: *под-, вы-, при-, про-, от-*: *подходить к концу, выходить из-под контроля, проходить в недоумение* (ОП–1), а вторая – при помощи ОП с глаголами однонаправленного действия с теми же префиксами: *подойти к концу, выйти из-под контроля* (ОП–1); *отошла посевная* (ОП–2).

3.4. ОП с одно- и разнонаправленными глаголами движения с префиксами *на-, при-, от-, вы-, в-, под-* могут передавать значение «процессуальность – результативность»: *нанести обиды – нанести обиду, приносить огорчения – принести огорчение* (ОП–1).

3.5. Значение каузации действия или состояния отражается при помощи глаголов *вводить – ввести*: *вводить (вести) в недоумение* (ОП–1).

Для грамматики описательных предикатов существенно иметь исчерпывающую информацию обо всем спектре глагольных компонентов в ОП, о правилах их сочетаемости с именными компонентами, о системе преимуществ, ограничений и запретов на употребление того или иного глагола в составе ОП.

Литература

- Воробьева Г. К. Онтологическая теория несвободной глагольно-именной сочетаемости слов русского языка: Лингвокогнитивные и культурологические аспекты. М., 2005.
- Всеволодова М. В., Кузьменкова В. А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 5.
- Кузьменкова В. А. Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук, М., 2000.
- Муравьева Л. С. Основные трудности в работе над глаголами движения в нерусской аудитории // Очерки по методике преподавания русского языка. Вып. 1. М., 1962.

Семантическое согласование в современном русском языке как средство снятия энтропии высказывания

Э. П. Лаврик

Ставропольский государственный университет (Ставрополь, Россия)

Семантическое согласование, энтропия, аналитизм

Аннотация. В современном русском языке развивается тенденция к семантическому согласованию, которое является средством снятия коммуникативного напряжения и энтропии высказывания. Семантическое согласование предполагает отражение реальных категориальных значений референта высказывания.

Согласование представляет собой явление, относящееся к числу наиболее важных свойств многих естественных языков, несмотря на их значительные структурные и генетические различия. Согласование представляет собой феномен, охватывающий все уровни языковой системы – от фонетического уподобления до внутритекстовых связей, основанных на координации его частей. Согласование на грамматическом уровне языковой системы составляет ядро категории согласования и строится на соответствии грамматических признаков главного компонента грамматическим признакам зависимого.

«В первом приближении синтаксическое согласование можно определить как регулярное соответствие некоторых грамматических характеристик одних слов грамматическим характеристикам других слов в составе тех или иных синтаксических конструкций (например, соответствие рода, числа и падежа определения – прилагательного роду, числу и падежу определяемого существительного в русском языке)» [Иомдин 1990: 3]. Данные грамматические соответствия прослеживаются в строе словосочетания, простого, сложного предложения и текста. Формальное уподобление обычно происходит в категориях рода, числа и падежа. Такое традиционное понимание согласования, представленное прежде всего в вузовских и школьных учебниках. Вместе с тем обоснованным можно считать и широкое понимание согласования, нашедшее отражение в том числе в академических грамматиках, при котором оно рассматривается как уподобление в ряде позиций единиц, больших или меньших, чем синтаксемы, образующие подчинительное словосочетание. Так, можно говорить не только о согласовании в подчинительном словосочетании, но и о согласо-

вании (уподоблении) компонентов предикативной основы, обособленного оборота и определяемого компонента, между которыми устанавливаются атрибутивные и аппозитивные отношения, в сложноподчиненных предложениях с атрибутивными отношениями между предикативными единицами, в пространстве текста. Данное понимание мотивировано наличием аналогичных отношений между компонентами, вступающими в отношения уподобления, реализуемых всеми перечисленными синтаксическими единицами (от словосочетания до текста) посредством связи «согласование».

Базовыми являются модели уподобления во всех возможных формах:

- 1) согласование в подчинительных конструкциях;
- 2) согласование в полупредикативных конструкциях;
- 3) согласование в сложноподчиненном предложении;
- 4) согласование в сложном синтаксическом целом и тексте.

Наряду с узальным согласованием, выражающимся в регулярном соответствии форм сочетающихся единиц, в языке существует семантическое согласование, при котором при отсутствии формального уподобления во всех возможных формах или части форм имеет место семантическое соответствие. Например (языковой материал извлечен из [Национальный корпус русского языка], далее – НКРЯ): *Ванда Казмировна, известная даже взыскательной Одессе как «музыкантша милостию Божьей», а особенно как деликатный аккомпаниатор, делала эти дни между костелом и вечерним громом роялей* [Ирина Ратушинская. Одесситы. НКРЯ]; *Девочка осуждающе-строго взглянула на попрошайку, которым оказался сидевший за тем же столом солдат, не замечая плитки шоколада, что выглядывала из*

прямого, как палка, рукава солдатской шинели, где пряталась почти целиком рука дающего [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь». 2001. № 8. НКРЯ].

Семантическое согласование призвано через грамматические показатели зависимого компонента отразить реальные данные о лице, числе, роде главного компонента независимо от грамматических форм главного компонента. Наиболее частотны структуры с семантическим согласованием в предложениях, в которых главный компонент согласовательной конструкции выражен:

1) именем существительным общего рода: *Я тоже переживал тогда мучительные дни, но это была вспышка любовной горячки, банальные страдания молодого безвестного поэта, почти нищего, «гуляки праздного», с горьким наслаждением переживающего свою сердечную драму с поцелуями на двадцатиградусном морозе у десятого дерева с краю Чистопрудного бульвара...* [Валентин Катаев. Алмазней мой венец. НКРЯ];

2) именем существительным, обозначающим профессию: *Даже легкий запах алкоголя в такой ситуации трактовался нами как прием запрещенного стимулятора, тем более в одиннадцать часов утра, – добавила врач-реаниматолог* [Счастье средней тяжести // «Столица». 24.11.1997];

3) фамилией; родовую отнесенность референта можно выявить только посредством семантического согласования:

Полковника Поповских, просидевшего три года на цепи, оправданного судом, снова тащат в судилище [Александр Проханов. Прокуратура – кастет с программным управлением // «Завтра». 29.07.2003. НКРЯ] и др.

В приведенных и аналогичных им языковых моделях высказывание характеризуется коммуникативным напряжением в силу неясности реальных характеристик рода, числа, лица, иногда одушевленности референта. Снять коммуникативное напряжение и энтропию главного компонента согласовательной конструкции и высказывания в целом помогает репрезентация зависимого компонента не как формально уподобленного главному, а как отражающего реальные родовые и числовые значения референта высказывания. Степень частотности явления зависит от синтаксического расстояния между компонентами согласовательной конструкции в предложении.

Увеличение частотности конструкций семантического согласования, особенно в разговорной речи, что выявлено автором на основе анализа данных Национального корпуса русского языка, является свидетельством роста аналитизма в русском языке.

Литература

Иомдин Л. Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) // www.ruscorpora.ru.

Коммуникативная иерархия событий и состояний в болгарском тексте

В. И. Малджиева

Institut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Mikołaja Kopernika (Торунь, Польша)

Глагольные формы, текст, коммуникативные цели отправителя

Аннотация. Доклад является попыткой показать функции болгарских временных форм в связном тексте как выразителей иерархии по важности событий и состояний, устанавливаемой отправителем текста. Эти функции не учитываются в таксономическом описании «значения» болгарских временных форм.

Болгарский язык выделяется, как известно, среди остальных славянских языков большим числом глагольных форм. Традиционные грамматики болгарского языка описывают значения и функции временных форм прежде всего в изоляции – в парадигматическом порядке. Значения и функции определяются с учетом контекста предложения, обычно вообще без учета связного текста или с его учетом в ограниченной степени: отмечается, например, т. наз. согласование времен (двух временных форм) в рамках соответственно главного и придаточного предложения временных, условных, отступительных и тому под. сложных предложений.

Однако наблюдение над текстами показывает, что болгарские временные формы выполняют в рамках связного текста важные функции, которыми нельзя пренебречь в целостном описании. В болгарском языке имеются две возможности, которые легко наметить главным образом в плане прошлого:

1) в рамках одного сверхфразового единства появляются преимущественно формы одного времени (например, аориста или имперфекта);

2) в рамках одного сверхфразового единства **конкурируют** формы нескольких времен (например, аориста, имперфекта, плюсквамперфекта и будущего в прошедшем), т. е. можно говорить о системах глагольных форм.

Эти системы являются четырехэлементными наборами форм времени, которые выступают в тексте.

Признак 'наличие / отсутствие системы временных форм' является существенным для болгарских текстов, потому что разграничивает сверхфразовые единства, принадлежащие к разным т. наз. функционально-смысловым разновидностям.

В каждой системе есть:

– одна форма, обозначающая состояние или событие, которое непосредственно соотносено с «моментом речи» и по отношению к нему является настоящим, прошедшим или будущим; это состояние (событие) можно определить как основное; выражает его всегда форма т. наз. независимого (самостоятельного) времени;

– три формы, обозначающих состояния или события, которые непосредственно соотносены только с основным состоянием (событием) – соответственно как предыдущее, одновременное и последующее, – и тем самым опосредованно относящихся к «моменту речи»; эти состояния (события) можно определить как второстепенные.

Системы глагольных форм в болгарском тексте маркированы во временном плане – по отношению к наррации о прошедших событиях и по отношению к наррации (комментарии) об актуально протекающих событиях. Выбор формы времени для обозначения данного события или состояния внутри системы не определяется только естественной последовательностью событий, но также коммуникативной целью автора текста. Термины «основное» и «второстепенное» состояние или событие выражают факт, что отправитель текста иерархизирует выражаемые события по важности с точки зрения своего намерения, у этих событий и состояний разная коммуникативная нагрузка, а именно:

– отправитель соотносит данное событие или состояние непосредственно с «моментом речи», когда хочет представить его как основное, более важное в рамках описываемой ситуации;

– если отправитель считает данное событие или состояние менее важным, сопутствующим, создающим фон для других, не соотносит его непосредственно с «моментом речи», но ориентирует его по отношению к основному событию.

Иначе говоря, сохраняя последовательность состояний и событий во времени, отправитель может представить их поразному в зависимости от своих коммуникативных целей. Ср.:

а) *Беше тръгнал рано. Вървеше вече повече от час. Стигна [основное] до мястото, където щеше да коси. Почина [основное] си малко и се хвана [основное] за работа. Както си подпяваше, се сети [основное] за вчерашната случка.*

б) *Беше тръгнал рано. Вървя [основное] повече от час. Стигнал беше до мястото, където щеше да коси. Щеше да си почине си малко и да се хване за работа. Както си подпяваше, щеше да се сети за вчерашната случка.*

в) *Тръгна [основное] рано. Беше вървял повече от час и беше стигнал до мястото. Беше си починал малко и се хвана [основное] за работа. Косеше и си подпяваше. Тогава се сети [основное] за вчерашната случка.*

В рамках этой текстовой интерпретации отдельные семантические функции болгарских временных форм, определяемые традиционной грамматикой как «значения», выглядят несколько иначе, так что можно сформулировать некоторые существенные правила употребления отдельных форм.

Сложное синтаксическое целое: динамика формирования

Н. В. Малычева

Южный федеральный университет, Педагогический институт (Ростов-на-Дону, Россия)

Сложное синтаксическое целое, текст, грамматикализованная синтаксическая единица

Аннотация. В докладе освещаются проблемы формирования сложного синтаксического целого как единицы синтаксиса.

Как известно, В. А. Белошапкова в качестве особой синтаксической единицы выделила сложное предложение, единицу полипредикативную и монокоммуникативную, обозначив тем самым границы синтаксиса, «пределом» которого являются структуры, выступающие в качестве одной коммуникативной единицы. Это положение определило «грамматический объем» учебного курса синтаксиса, завершающегося сложным предложением. Таким образом, сложное синтаксическое целое (далее – ССЦ) остается за пределами этого «грамматического объема».

Однако вопрос о сверхфразовых построениях для синтаксистов все еще остается открытым. Несмотря на то что представление текстообразовательного уровня синтаксиса в полном виде – дело будущего, одна из его составляющих очевидна. Это «полупризнанное» ССЦ, определить синтаксический статус которого достаточно сложно.

Традиционный подход и сила инерции сказываются на характере изложения научного материала о ССЦ в современных учебных пособиях и учебниках. Показателем того, что в современном русском языке ССЦ выступает как формирующаяся динамичная категория, является пестрота терминологии. Как синонимичные употребляются термины «фразовые единства», «фразовые ансамбли», «сложное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство», «составное синтаксическое целое» и др.

Признание ССЦ языковой (синтаксической) единицей должно быть подкреплено обнаружением таких признаков языковой единицы, как ее исчислимость и воспроизводимость. Но как раз вокруг этих признаков ССЦ образуется своего рода «заговор молчания». Не случайно во многих работах этот вопрос обходит стороной, хотя проблема ССЦ затрагивается.

Как известно, с позиций конструктивного синтаксиса сложное синтаксическое целое может быть представлено не только рядом монологических высказываний, но также в его состав могут входить конструкции с прямой, косвенной или несобственно-прямой речью. Это объясняется тем, что в ССЦ, представляющем собой контаминацию различных субъектно-речевых планов (автор текста, повествователь, персонаж), компоненты имеют разные прагматические временные «я – здесь – сейчас», что предполагает их семантическую некоординированность в аспекте авторства речи, в пространстве, во времени, в масштабе описываемых событий и т. д. Наиболее распространенным структурно-семантическим типом ССЦ с сочинительным союзом, не анало-

гичного сложносочиненному предложению, является ССЦ с цитацией: *Зачем так нагло лжет ему в пустынном и молчащем здании слишком поздно вернувшийся к нему администратор? И сознание опасности, неизвестной, но грозной опасности, начало томить душу финдиректора* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

До настоящего времени исследователи ССЦ опирались на текст, в котором функционирует ССЦ, его структуру, не принимая во внимание его глубинную семантику и модели фоновых знаний, которые могут быть типизированы. Это возможно, потому что модели фоновых знаний и семантические модели образуют единую когнитивно-коммуникативную систему. Такой подход позволяет перейти от декларирования связи языка и мышления к интегрированному экспериментальному изучению диалектики конкретных форм их взаимодействия, что является одной из главных задач лингвистики.

Основной единицей фоновых знаний для ССЦ является событие как когнитивно-семантическая структура, сформированная на базе однородных сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки, и представляющая собой отражение в сознании и языке некоторого явления в виде определенных содержательных единиц, например в форме ССЦ, части которого могут быть объединены сочинительными союзами. И, следовательно, анализ процессов смысловой координации и взаимопроницаемости предикативных частей, а также причин их отсутствия является важной задачей анализа ССЦ как единицы коммуникативного синтаксиса, выделяемой на основе структуры события. Возможны различные типы ССЦ, регулярно функционирующие в тексте, например: ССЦ с цитацией, нарушением координации масштабов событий, с имплицитным звеном и т. п.: *В нудной очереди у магазина всегда есть один человек, словоохотливость которого тем больше, чем дальше он стоит от магазинных дверей. А дальше всех стоял Полесов* (И. Ильф, В. Петров. «Двенадцать стульев»).

ССЦ может рассматриваться в качестве синтаксической единицы, потому что в его составе имеются воспроизводимые структуры, которые, маркируя все структуру в целом, служат для осуществления функциональной сущности ССЦ, связанной с его однотематичностью. Именно эти грамматикализованные ССЦ и следует считать сформированными синтаксическими единицами. Иначе говоря, ССЦ в современном русском языке (точнее, речи) выступает не как сформировавшаяся грамматикализованная единица, а как формирующаяся.

Фатический императив в славянских языках (на материале русского, сербского и болгарского языков)

А. Ю. Маслова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия)

Фатика, императив

Аннотация. В статье в сопоставительном аспекте на славянском материале рассматриваются метакоммуникативные включения в речевой акт говорящего в форме императива, которые прямо обращены к адресату, актуализируя его роль в процессе получения, осмысления и интерпретации сообщаемой информации.

В процессе взаимодействия коммуникативно-информационной и коммуникативно-организующей зон речевой коммуникации появляются синкретичные единицы, сочетающие информативные и фатические компоненты. Такой процесс конвенционализации содержательных структурированных единиц имеет место в побудительных высказываниях на фазе установления контакта в русском, сербском, болгарском языках. Последовательным воспроизводимой в сопоставляемых языках является ситуация регулирования процесса речевой коммуникации, которое осуществляется средствами самой речи, в частности глаголами слухового восприятия (*по)слушать / слушати / слушаю; слышать /*

чути / чувам, чуя: – Слушай, ты уже совсем заболтался, – в свою очередь возмущился Сергей (Экслер). *! – Слушайте, вы! Я не умею да се шалим. Озбылно вас питам <...>* (Тосић). *! – Слушай – казав. – Тая работа не върви. Ние трябва да звъртим поста* (Стоянов).

Выполняя функцию привлечения или активизации внимания, эти императивные формы полностью не десемантизированы и отчасти сохраняют сему обращения, направленного слуха на что-, кого-либо. В зависимости от характера побудительной цели эта нулевая фаза общения ситуативно приобретает оттенки психологического настроения собеседника. При категорическом побуждении активизируется праг-

матический фактор давления на адресата. Отметим, что болгарский аналог употребляется сравнительно редко и, как правило, характеризуется экспрессивностью. Он выражает раздражение говорящего, демонстрирует вербальную агрессию, вызванную неприемлемым поведением коммуникативного партнера [Петкова 2006]: – *Слушай, колко пъти ще ти казвам да заключаваш вратата!* (разг.). При смягченном побуждении наблюдается стремление расположить к себе адресата, установить более комфортную атмосферу общения. При нейтральном побуждении фатическая функция реализуется в чистом виде, привлекая внимание адресата. Функционально тождественным в русском языке является глагол *послушай(те)*. Словари не фиксируют функциональные отличия данного глагола и глагола *слушай*, хотя субъективно приоритет этой формы можно отметить в ситуациях с явно выраженным значением увещевания, сближения дистанции партнеров, точечной фиксации внимания. Однако при сопоставлении с южнославянскими языками различия не наблюдаются. Сравним: – *Послушайте*, – сказал Рольф, – *не валяйте вы дурака* (Семенов) и – *Слушайте* – каза Рольф, – *не се правете на глупачка* (Семьонов). В болгарском и сербском языках в нулевой фазе общения функционирует императив *чуј(те) / чуј(те)* от глаголов *чути / чуя*. Сербский глагол *чути* и болгарский *чувати* менее семантически дифференцированы, чем русские глаголы слухового восприятия: *чути* – ‘слышать, услышать; слушать’; *чувам* – ‘слышать, слушать’ (видовая пара – *чуя* ‘услышать’). Они параллельно используются с русским глаголом *(по)слушать*: – *Я чуите* – каза ми, – *хайде да се махаме оттук* <...> (Гуляшки) / – *Послушайте*, идемте-ка лучше отсюда (Гуляшки). Глагол *слышать* в русском языке может совмещать побудительную и фатическую интенции. Но, в отличие от южнославянских глаголов, не употребляется в форме императива. В русском языке возможно использование фонетически редуцированной просторечной формы *слышь* в значении *послушай-ка*. Это функционально сближает русский глагол *слышать* с сербской и болгарской формами *чуј / чуј*. Однако функциональный диапазон слова ограничен сферой просторечия: – *Слышь, чуцело, хватит придуриваться*, – *решительно сказала Ира* (Экслер).

Синкретичным глаголом на фазе временного размыкания или, наоборот, восстановления контакта, сопряженного с активизацией внимания собеседника, являются глаголы *подожди(те)*, *погоди(те) / чекај(те) / чакај(те)*. В побудительно-фатической функции этот глагол в определенной степени трансформирует свое значение. Употребляясь в русском языке в СВ и в сопоставляемых языках в НСВ, он не всегда обозначает «не уходи(те), побудь(те) на месте». Чаще основная цель употребления этой формы – временно прервать вербальный контакт, чтобы выразить несогласие или направить общение в русло интересов говорящего: – *Подожди, ты можешь сказать толком, что ты хочешь?*

(Экслер) / – *Шта је вама, људи? Чекајте да се споразумејемо!* (Тосић) / – *Чакан, дай шаба на бригадата!* (Стоянов).

Контактоустанавливающую функцию реализуют и глаголы зрительного восприятия в форме императива *смотри(те)*, *гляди(те) / гледај(те)*, *пази(те) / виж(те)*. Эти формы используются для концентрации внимания собеседника, чтобы подчеркнуть значимость последующей респонсии. Сема, связанная со зрительным восприятием, остается неактуальной, реализуя лишь, условно говоря, свой потенциал в переносном смысле: «смотри, т. е. представь себе ситуацию ясно». В болгарском языке глагол *виж(те)* регулярно используется в сочетании с местоимением *какво*, выступая отчасти аналогом русского и сербского *видишь ли / видиш ли*: – *Вижте какво, Милко. Под раницата съм оставил няколко броя от «Работнически вестник». Моля ти се, прибери ги...* (Стоянов). Но более точно его фатическое значение, выражающее подготовку адресата к восприятию с оттенком решимости говорящего, итоговости его размышлений и в то же время как бы обдумывания последующей формы предписания, в русском языке передает сочетание *вот что* и конструкции с аналогичным значением.

В сербском и болгарском языках специфичными по отношению к русскому языку является императив *пази(те) / пази (пазете)* – ‘будь внимателен’. Он выступает типичным лексическим средством выражения превентивной ситуации. Однако его семантический объем очень «удобен» для совмещения семантически полноценной и фатической информации: ‘и обрати внимание, и (по)смотри / услышь, и отреагируй’: – *Пази, је л’ оно скела?* – *радостно викну Павле* (Ђопић). Вполне допустима ситуативная замена: *Чекај / слушай, је л’ оно скела?* В болгарском языке наблюдались только превентивные конструкции.

В значении вводных компонентов, реализующих нулевую фазу общения, могут выступать и императивы *представь(те)*, *представь(те) себе / замисли (само) / представи си, въобрази си*. Но в силу своей семантики они редко предвзвывают побудительное высказывание, которое, как правило, бывает косвенного характера: – *Понимаете, друзья*, – сказал Игорь, – *вполне понятно, что за пару часов я даже из вас выбью нормальные цены* (Экслер) (= лучше сразу уступите цены).

Таким образом, на примере проанализированных лексико-грамматических языковых средств возможно наблюдать, как продолжают вырабатываться и совершенствоваться специализированные средства, функциональное назначение которых – обеспечивать эффективность речевого акта в аспекте коммуникативной контактности общающихся.

Литература

Петкова С. Средства оптимизации речевой интеракции в русском диалоге в сопоставлении с болгарским // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Шумен, 2006. С. 241–256.

Актуализация бессоюзной связи в современном письменном дискурсе

Т. В. Милевская

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Бессоюзие, закон языковой экономики, устный дискурс

Аннотация. Историческое развитие полипредикативных конструкций в славянских языках шло от бессоюзия к паратаксису и к гипотаксису. Но бессоюзная связь – предпочтительный способ оформления полипредикативного содержания в устном дискурсе, компактный и экономный. На современном этапе влияние средств массовой информации выражается в предпочтении бессоюзного способа организации текстовых объединений.

1. Дискурсивный подход расставляет акценты в пользу обусловленности параметров текста ролью отправителя речи – субъекта высказывания, осуществляющего свою деятельность в определенных условиях с определенной целью. Именно ведущая роль коммуникативной ситуации и автора текста как ее участника лежат в основе создания текста как связного, целостного и завершенного речевого произведения.

2. Любой текст, генерируемый говорящим, должен оправдывать ожидания получателя речи прежде всего в аспекте своей связности. Как внешнее свойство связности проявляется при взаимодействии единиц нижележащего уровня на более высоком уровне. Выбор говорящим поверхностной структуры зависит от таких переменных, как конситуация и контекст. Возможны различные способы репрезентации

пропозиций: в качестве связных поверхностных структур, которые репрезентируют пропозитивную номинацию, могут выступать и сложные синтаксические целые, и сложносочиненные предложения, и сложноподчиненные предложения, и бессоюзные сочетания предложений.

3. Историческое развитие полипредикативных конструкций в славянских языках шло от бессоюзия к паратаксису, а потом и к гипотаксису. Эта эволюция имела своим результатом грамматикализацию сочинения и подчинения с позднейшей специализацией союзов и местоимений на выражении того или иного типа отношений. Оформление союзов в самостоятельную часть речи, выделяемую на основе общекатегориальной семантики и синтаксической функции (хотя в случае с любой служебной частью речи провести между

ними грань непросто), шло параллельно с типизацией сочинительных и подчинительных конструкций. Бессоюзная связь – это особая связь, которая существует и даже конкурирует в ряде случаев с сочинением и подчинением, хотя в определенных структурах и соотносительна с союзной связью.

4. Бессоюзные сочетания предложений относятся к разряду единиц, в максимальной степени адекватно отражающих когнитивные модели взаимосвязи ситуаций действительности, хранящихся в человеческой памяти. Бессоюзная связь – типичный способ объединения компонентов дискурса в разговорной речи – оказывается для говорящего предпочтительней других способов репрезентации мыслительного содержания в силу универсальной для всех видов социального поведения тенденции к экономии усилий. Анализируя старославянский эпос, М. К. Сабанеева утверждает, что бессоюзное сочинение является связью более свободной, чем союзное сочинение и особенно подчинение, так как, позволяя как бы «...нанизывать предложения друг на друга, предоставляет широкие возможности для импровизации и легко воспринимается на слух» [Сабанеева 1968: 50].

5. Нельзя не отметить и экономность такого способа «упаковки» пропозиционального содержания: «Наиболее ярким проявлением действия принципа экономии в языковом общении является экономия времени за счет экономии сегментных средств» [Инфантова 1976: 144–145]. Хотя свертывание полипропозиционального содержания в формате простого предложения – это несомненно наиболее компактный способ выражения, он требует от говорящего большего числа мыслительных операций и, следовательно, большего времени на порождение дискурса, чем построение полипредикативного объединения, где одна пропозиция приходится на одну предикацию. Таким образом, уже в плане сугубо временном полипредикативный формат оказывается предпочтительнее – симультанность процессов речи и мысли является нормой устного модуса дискурса. В случае же с бессоюзной связью, в сравнении с союзной, следует говорить об экономии и времени, и используемых средств путем «сжатия» текстового объединения. Бессоюзная связь оказывается

предпочтительней других способов репрезентации мыслительного содержания для говорящего в силу универсальной для всех видов социального поведения тенденции к экономии усилий.

6. Но тенденция к экономности изложения в интересах говорящего противоположна тенденции к избыточности средств выражения (лексических или грамматических) в интересах получателя речи. Экспликация союзного средства в письменном модусе прагматически обусловлена стремлением избежать разночтений, а следовательно, неверной интерпретации содержания высказывания в условиях отстраненности во времени и пространстве продукта дискурса – текста – от его создателя. Но ни в коем случае нельзя утверждать, что союзная связь – примета письменного модуса, а бессоюзная – устного. Релевантны и жанровые характеристики различных видов письменного дискурса. Так, по наблюдениям Й. Мистрика, вообще редко используются союзы в стихотворных текстах [Мистрик 1979: 194]; в современной художественной прозе также дает себя знать тенденция к умеренному употреблению союзов в текстовых объединениях.

7. В современном мире противопоставление устного и письменного модусов дискурса не носит столь всеобъемлющего характера, сколь в предыдущие эпохи. Нельзя переоценить роль средств электронной коммуникации в процессе освоения человеком действительности, в развитии мирового информационного пространства. И телевидение, и Интернет модифицируют как механизмы передачи информации, так и сам процесс коммуникации, что приводит к изменениям как в концептуальной, так и языковой картине мира носителей национальных языков.

Литература

- Инфантова Г. Г. Об экономии в языке // Филологические этюды. Серия «Языкознание». Вып. 2. Ростов н / Д, 1976. С. 145–155.
Мистрик Й. Точные методы в типологии текстов // Исследования по теории текста. Реферативный сборник. М., 1977. С. 187–201.
Сабанеева М. К. К проблеме бессоюзного сочинения (на материале старославянского эпоса) // НДВШ ФН. 1968. № 4. С. 43–50.

Предлоги, выражающие пространственные отношения в русском и персидском языках

3. Моаззен задек

Университет им. Фирдоуси (Мешхед, Иран)

Пространственные отношения, предлоги, персидский язык

Аннотация. Работа посвящена предлогам, выражающим пространственные отношения. В русском языке большинство первичных предлогов выражает пространственные отношения. Для грамматического выражения таких отношений самым употребительным способом являются конструкции существительного с предлогом. В персидском языке при отсутствии падежной системы «предлоги оказываются функционально более нагруженными по сравнению с предлогами тех языков, которые обладают и падежной системой, и предлогами» [Рубинчик 2001].

В настоящее время предлоги, выражающие пространственные значения, стали привлекать внимание многих исследователей. В значительной мере этот интерес обусловлен тем, что изучение этих единиц позволяет выявить особенности пространственного восприятия и помогает раскрыть систему понятий и представлений, через которые говорящие осмысливают окружающий мир.

Для грамматического выражения пространственных отношений в русском языке самым употребительным средством являются конструкции существительного с предлогом, которые наиболее точно определяют различное положение предмета в пространстве или его движение в разных направлениях [Бояров 1955: 7]. В предложении, состоящем из глагола, предлога и имени существительного, глагол, как правило, обозначает действие или состояние. А предлог в сочетании с именем существительным как раз указывает на направление или место его нахождения, осуществления или проявления [Бондаренко 1954: 19]. Как утверждает М. В. Филипенко, наиболее типичными случаями употребления предлогов являются их пространственные употребления [Филипенко 2000: 13].

В персидском языке при отсутствии падежной системы более широкое распространение получили аналитические конструкции, где связь и отношения имен в предложении главным образом выражаются синтаксическими средствами

и особую роль играют служебные слова. В связи с этим, по словам Ю. Рубинчика, «персидские предлоги оказываются функционально более нагруженными по сравнению с предлогами тех языков, которые обладают и падежной системой, и предлогами» [Рубинчик 2001: 311].

В русском языке по-разному и детально рассматриваются предлоги, выражающие пространственные значения. В. С. Бондаренко подразделяет предлоги, выражающие пространственные отношения, на две группы: а) предлоги, указывающие на направление действия – движения в пространстве; б) предлоги, указывающие место расположения, осуществления или проявления действия – движения в пространстве. [Бондаренко 1954: 20]. В. Д. Аракин подразделяет пространственные отношения на два основных типа: динамические и статические [Аракин 1981: 5–8]. М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский несколько иначе рассматривают пространственные отношения. Для них главный критерий классификации – это отношение локализуемого предмета к локуму на основании пребывания в какой-либо момент времени в его пределах. Так они выделяют отношения сопостранственности и несопространственности [Всеволодова, Владимирский, 2008: 9–11]. В значении сопостранственности рассматриваются следующие отношения: 1) локум, не полностью занятый предметом, статический и динамический характер, 2) локум, полностью занятый предметом,

статический и динамический характер. А в значении несопоставленности – следующие отношения: 1) расположение предмета по отношению к одному локуму, пространство, заполненное или не заполненное предметом, 2) расположение предмета по отношению к двум или более локумам, пространство, заполненное или не заполненное предметом, 3) расположение предмета по отношению к одной из сторон локума, 4) расположение предмета по отношению к одному из измерений локума.

В исследованиях по персидскому языку при описании структуры и функции предлогов обычно указывается только на то, что некоторые предлоги выражают временные, пространственные, причинные и др. значения [Анвары, Ахмади 2004: 257–258]. На основе характеристик, данных русским предлогам, выражающим пространственные отношения, можно разделить персидские предлоги на следующие группы: предлоги, выражающие а) статический характер отношений: местонахождение одного предмета по отношению к другому предмету: 1) внутри предмета, 2) на поверхности предмета, и б) динамический характер отношений: местонахождение предмета по отношению к другому локуму: 1) с указанием на начальный пункт движения, 2) с указанием на конечный пункт движения, 3) с указанием трассы движения.

Таким образом, в русском языке назначение предлогов, являющихся служебными словами, совпадает с назначением падежей имен. Благодаря предлогам в персидском языке

связь между словами является более ясной и точной. Надо сказать, что предлоги в русском языке более разносторонне и детально изучены, чем предлоги в персидском языке. Кроме того, в составе предлогов с пространственным значением в обоих языках наблюдается сложная и богатая синонимия, которая, на наш взгляд, должна стать предметом отдельного изучения.

Литература

- Бояров А. П. Глагольные словосочетания с пространственным значением в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Бондаренко В. С. Пространственные отношения, выражаемые с помощью предлогов // Ученые записки. Московский городской университет им. В. П. Потемкина. Т. XXXIII. Вып. 3. М., 1954.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке, М., 2008.
- Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка, М., 2001.
- Филипенко М. В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях // Исследование по семантике предлогов: Сборник статей / Отв. ред. Д. Пайяр, О. Н. Селиверстова. М., 2000.
- Анвары Х. Ахмади Гиви Х. Персидская грамматика 2, 2-е изд. испр. Тегеран, 2004 (دستور زبان فارسی 2، ویرایش، انوری، احمدی گویی، 1384. دوم، تهران).

Současný sémantický vývoj slovesné předpony *po-* v češtině, ruštině a slovinštině

Ж. Муякич / Ž. Mujakič

Университет в Любляне, философский факультет (Любляна, Словения)

Префиксация, приставка *po-*, семантика, способ глагольного действия, глагольный вид

Аннотация. Автор рассматривает значения приставки *po-*, связанные с проблемой глагольного вида и способом глагольного действия (сп. гл. д.). Особой характеристикой чешского языка является группа глаголов, обозначающая действие, происходящее на предмете. В русском языке появляются глаголы с ингрессивным сп. гл. д. Автором делается вывод, что для обоих языков характерны результирующий, делимитативный, дистрибутивный и прерывисто-смягчительный сп. гл. д. В заключении автор предпринимает попытку разработать схему значений приставки *po-*.

Slovesná předpona *po-* je jednou z nejčastěji používaných čistě vidových předpon v češtině, ruštině a slovinštině. Spojení slovesa a předpony vždy vede k změně slovesného vidu, popřípadě i způsobu slovesného děje. Významy slovesné předpony lze zjišťovat na základě třídění předponových sloves podle způsobu slovesného děje. Autor dokladu dospívá k závěru, že jsou češtině a ruštině společné rezultativní, delimitativní, distributivní a deminutivně-iterativní způsoby slovesného děje, ačkoliv se uplatňují v každém jazyce poněkud specificky. Zvláštní rys češtiny tvoří poměrně rozsáhlá skupina sloves s významem zásahu na povrchu něčeho, zatímco v ruštině existují slovesa s předponou *po-*, jež mají ingresivní význam.

Porovnáváním se slovinštinou si můžeme všimnout jejího specifického postavení mezi jiho-, západno- a východo-

slovanskými jazyky. Kvantitativně je ruských delimitativních a deminutivně-iterativních sloves značně více než českých, ve slovnících je zase více českých sloves označených jako čistě vidové protějšky. Hovorový ráz ruských delimitativních (včetně atenuativních) sloves svědčí o současné produktivitě slovesné předpony *po-*, avšak ingresivní způsob sl. d. je v současné době zcela neproduktivní, třebaže obsahuje často používaná slovesa. Specifikou ruštiny je ingresivní způsob sl. d. s předponou *po-* u determinativních sloves pohybu. Tato slovesa s předponou *po-* mají v češtině pouze futurální funkci, zatímco ve slovinštině nabývají knižního (např. *ponesem*) až poněkud zastaralého rázu (např. *pojdem*). Zcela zřejmě se ve slovinštině čím dál tím méně používají, a to na úkor analytického futura a prézentu (*bom nesel, nesem* – *bom šel, grem*).

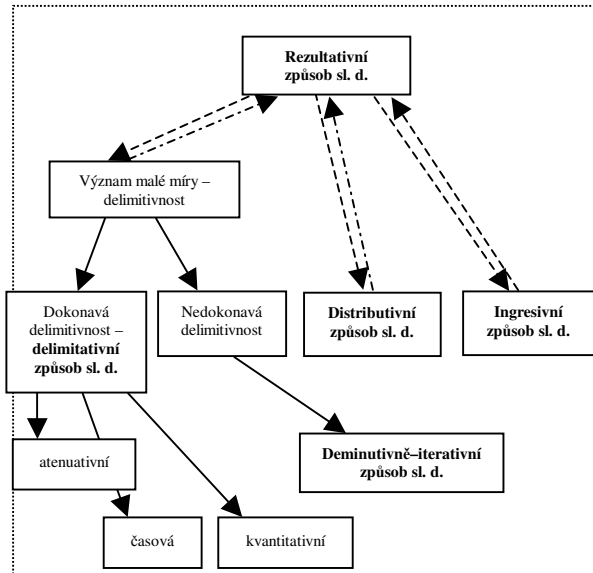

Schéma č. 1: Významy předpony *po-* v ruštině

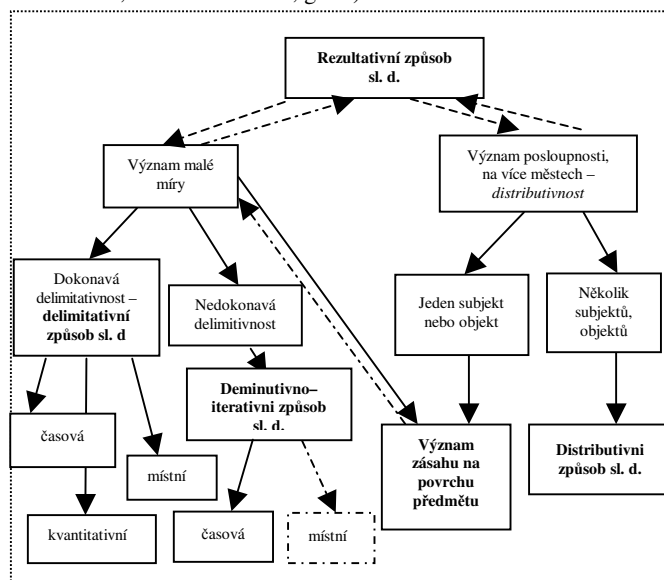

Schéma č. 2: Významy předpony *po-* v češtině

Нěkteří autoři (např. [Schooneveld 1958]) tvrdí, že lze najít sémantický invariant, jenž by zachycoval dílčí významy předpony. Autor referátu se o to pokusil pomocí schématu významů předpony, jež se zakládá na excerpci sloves ze slovníků [Kopecký et al. 1976a], [Kopecký et al. 1976b]. Ze schématu vyplývají dvě skupiny významů: distributivnost a delimitativnost v obecném pojetí slova. Početné případy, v nichž předpona *po-* slovesný děj pouze dovádí do konečného výsledku, často doprovází další způsob slovesného děje (proto čerchovaná šipka v schématu).

Nejkomplexnější význam předpony *po-* je v obou jazycích delimitativní. V závislosti od toho, zda je sloveso dokonavé či nikoliv, tvoří význam malé míry dva způsoby slovesného děje: delimitativní a deminutivně-iterativní. Atenuativní způsob sl. d., považován některými ruskými autory [Авилова 1976] za samostatný způsob sl. d., má, ponecháme-li formální kritérium dvojí prefixace stranou, velice blízko k delimitativnímu způsobu sl. d. Sémanticky je oba způsoby obtížně rozlišovat.

Distributivní způsob sl. d. existuje ve všech třech jazycích. O distributivnosti, která nevyžaduje plurálový subjekt nebo objekt, lze uvažovat v případech českých (a též slovinských) sloves vyznačujících zásah na povrchu předmětu (na různých místech), přitom jde o distributivnost v rámci jednotlivého subjektu nebo objektu. V ruském slovníku [Словарь русского языка... 1981] tento význam není zachycen, ačkoliv nelze pochybovat o tom, že reálná skutečnost provedení slovesného děje je tatáž. Tato ruská slovesa jsou proto často zařazována do rezultativního či delimitativního způsobu sl. d. Právě význam malé míry úzce souvisí s významem zásahu na různých místech. Zdá se, že jsou slovesa s významem zásahu na různých místech nesmírně důležitá pro uvažování o jednotném sémantickém

invariantu předpony *po-*, poněvadž se blíží delimitativnímu, distributivnímu významu a pokud zachycují stereotypní průběh konání sl. d., vyjadřují rezultativní způsob sl. d.

Литература

- Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
 Зализняк А. Лекции по русской аспектологии. Slavische Beiträge. München, 1997.
 Мартиновский Г. Глагольная приставка и вид в русском языке. Глагольная приставка и вид в русском языке. (Préverbe et aspect en russe) // *Révue des Études Slaves*. LXX / 1. Paris, 1998.
 Словарь русского языка: В 4 т. Т. III. М., 1981.
 Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового образования // *Вопросы языкознания*. 1964. № 1. С. 42–52.
 Derganc A. Glagolska predpona *po-* v ruščini in slovenščini // *Vestnik*. 20. 1986. Št. 1 / 2. S. 12–21.
 Esvan F. Vidová morfologie českého slovesa. Praha, 2007.
 Grepl M. et al. Příruční mluvnice češtiny. Praha, 2001.
 Kopecký L. V. et al. Česko-ruský slovník: Díl 2. P–Ž. Praha, 1976a.
 Kopecký L. V. et al. Rusko-český slovník: Díl 2. P–Ž. Praha, 1976b.
 Kopecký F. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.
 Schooneveld C. H., van. The so-called «préverbes vides» and neutralization // *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists*. The Hague, 1958. P. 159–161.
 Sekaninová E. Analýza semantiky komponentov v predponovom slovese. Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III. Praha, 1968. S. 232–286.
 Slovník spisovného jazyka českého. I.–IV. Praha, 1964.
 Uher F. Slovesné předpony. Brno, 1987.
 Vey M. Les préverbes vides en tchèque moderne // *Revue des études slaves*. 29. 1952. P. 82–107.

Русские возвратные глаголы на фоне субъектной перспективы текста

Е. Н. Никитина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Залог, объяснительная грамматика, модус, декаузативы

Аннотация. В докладе предлагается подход к залогу как модусной категории с позиций объяснительной, субъектоцентрической грамматики. Конкретным объектом рассмотрения являются «декаузативы» на *-ся* в русском языке.

1. Категория залога как объект лингвистического исследования прошла несколько этапов, на протяжении которых сосуществовали или сменяли друг друга следующие тенденции: объединение возвратных глаголов (под общим термином «залог»); увеличение количества залоговых значений; сведение залогового противопоставления к наличию / отсутствию постфикса *-ся*; членение возвратных глаголов (на словоформу и лексему); увеличение объема исследуемого объекта от словоформы до текста.

2. Категория залога в русистике оказалась перекрестком, на котором сошлись разные лингвистические идеологии (основанные на приоритете формы, теории или основанные на приоритете содержания, объекта), разные лингвистические дисциплины (морфология, лексика, словообразование, синтаксис), частная лингвистика и типологическая лингвистика, поэтому современная теория залога складывается из идей, которые сформировались не только в русистике, но и в рамках типологической лингвистики.

3. В исследовании, результаты которого излагаются в докладе, осуществлен переход при рассмотрении залога от пары парадигматически связанных предложений к структурам текста, что свидетельствует о переходе от грамматики описательной к грамматике объяснительной.

4. Объяснительная грамматика совмещает изучение единиц в динамическом и статическом (системно-парадигматическом) аспектах, что для залога означает новое объединение той языковой материи, которая оказалась расчлененной в описательном грамматическом процессе. Если в первой половине XX века, в рамках грамматики описательной, основная полемика сосредоточивалась вокруг вопроса о том, на сколько залогов делить русские возвратные глаголы – на два (как это принято в романских и германских языках) или на три (как принято в древних языках), то на современном (объяснительном) этапе эта полемика трансформировалась в противостояние вербоцентрических и субъектоцентрических концепций в грамматике.

5. Современный подход к интерпретации возвратного глагола с позиций субъектоцентрической грамматики предполагает выход за пределы пропозиции, включение в сферу внимания говорящей личности, учет синтаксического окружения в широком смысле.

6. Наблюдения над реальным языковым материалом показывают, что категория залога, реализуемая возвратностью, позволяет приближать или отдалять диктальное содержание от *Я* говорящего, обслуживает модусную составляющую высказывания, что реализуется в усложненной субъектной перспективе. Тем самым залог проявляет себя как **категория модусная**.

7. Метод исследования, предлагаемый в данной работе, заключается в том, что традиционные значения возвратности интерпретируются через отношение между субъектами модуса и субъектами диктума.

8. Работа декаузативов – это не отрицание причины, а отрицание связи говорящего с действием (исключение субъекта речи из состава субъектов действия). Тем самым в «декаузативах» обнаруживается идея **отрицания причастности человека к изменению ситуации** – или всего класса людей (говорящий включен в класс людей, исключен из субъектов действия), ср.: *Земля вращается вокруг Солнца*, или субъекта речи, ср.: *Дверь открылась, и вошла Наташа*.

9. Обнаруживается такая закономерность: чем конкретнее в плане пространства-времени контекст (в пределе – репродуктивный регистр в рамках художественного текста), тем больше возможностей для обнаружения в контексте каузатора. Закон репродуктивного регистра (совпадение времени и места диктума и модуса) требует обнаружения фигуры наблюдателя в художественном пространстве. Возвратные глаголы-«декаузативы» задают позицию наблюдателя тем, что субъективируют изображение, исключая из картинки субъекта действия и тем самым приближая изображаемое к субъекту восприятия, т. е. они создают «место» наблюдателя, актуализируют субъектную сферу S3. Постфикс *-ся*,

закрывающая позицию актанта (S1), открывает позицию субъекта модуся.

10. Существуют художественные системы, в которых востребованы «декаузативы». Они соединяют план грам-

матики, речевых тактик с авторским замыслом; «декаузативы» прочитываются не на уровне предложения, а на уровне текстового фрагмента и в связи с категорией «образа автора».

Коммуникативная грамматика славянства

Т. М. Николаева

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

1. Анализ слов коммуникативного фонда славянских языков – местоимений, союзов, частиц, местоименных наречий – показал, что большая их часть состоит из маленьких компонентов (партикул), которые могут функционировать изолированно (например, **же**, **да**, **и**, **а**, **но** и т. д.), могут объединяться попарно: **да-же**, **и-но**, **а-но**, **кь-дѣ**, представлять достаточно сложные образования, например, **takožde** < **ta – ko – ž(e) – de** и т. д.

Таким образом предполагается, что в славянских (а в общем – в индоевропейских языках) как бы крутятся две «шестеренки», из которых одна представляет слова коммуникативного фонда, а другая – слова знаменательные со своей собственной этимологией. Состав этих славянских частичек не велик, и самое интересное: он не увеличивается. Примерно к XVI веку их набор стал иссякать, и на место партикулярных образований стали входить «застывшие» формы знаменательных слов, вроде **пусть**, **ведь**, **пускай**, **хотя** и т. д.

Вплоть до настоящего времени (а, пожалуй, именно и в настоящее время) лингвистов эти мелкие партикулы как элементы коммуникативного фонда не интересовали; Более того, они стремились или к отдельному «по-лексемному» их анализу, или строить для них «этимологию» из застывших форм слов. А между тем именно частички такого рода – партикулы – являются элементами, создающими индоевропейскую (а вследствие того – славянскую) парадигму: имени, глагола, прилагательного. На это обратил внимание еще Ф. Бопп в книге 1831 года, партикулами интересовались К. Бругманн, Б. Дельбрюк, а в более позднее время – Ф. Шпехт.

В самое последнее время необходимо отметить исследования К. Шилдса мл., работы которого почему-то мало фигурируют в современной лингвистической литературе.

2. Обращаясь вновь к славянскому материалу, я хочу назвать общую цифру славянских элементов, сводящихся к

партикулам – 717 единиц. Из них общеславянских, употребляющихся изолированно, всего 15. Примарных, изолированных, необщеславянских, отмечена 41 единица. Частичное распределение не всегда поддается интерпретации. Например, **ta-kъ** – местоименное наречие, а **кь-to** – вопросительное местоимение. Более подробные данные можно найти в моей последней монографии «Непарадигматическая лингвистика (история “блуждающих частиц”») 2008 г.

Функциональная семантика партикул и партикулярных комбинаций облегчается в своей интерпретации по мере того, сколько партикул входит в эту коммуникативную лексику. Поэтому комбинации на **-мъ** обычно обозначают локальность, комбинации с **кь-** – вопросительность и под.

3. Особое место и особую довольно сложную проблему в мире партикулярного фонда представляют клитики. Наиболее простыми для лингвистов обычно являются так называемые «прономинальные» клитики, вроде **му**, **го**, **ме** и т. д. В русском языке они представлены полными формами местоимений, в которых еще в 1933 году Р. Якобсон заподозрил, что первая часть выражает указательность: **je-mu**. Сложность проблемы состоит в том, что состав клитик меняется от автора к автору, во-первых, и что месторасположение клитических форм в высказывании связывается лингвистами с так называемым «законом» Я. Вакернагеля 1892 г., согласно которому на втором месте предложения располагаются слабоударные слова. Сложный клубок клитик славянского и неславянского мира до сих пор еще не распутан.

4. Последний из важных вопросов, связанных с партикулярным фондом – это проблема их непризнания, или, скорее, отталкивания от них в современной лингвистике. Как представляется, дело в том, что партикулы в целом не укладываются ни в один уровень современной по-уровневой лингвистики и, по всей вероятности, демонстрируют свою довольно загадочную грамматику.

О грамматикализации дативного пассива (на материале кашубского языка в типологическом освещении)

М. Номати

Университет Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Грамматикализация, пассивность, диатеза, датив

Аннотация. В докладе предлагается анализ грамматических и семантических особенностей так называемого «дативного пассива» в кашубском языке с глаголом *dostac* «получить» и страдательным причастием типа *òn to dostòł zapłaconé* (≈ *ему заплачено*, букв. «он получил заплаченное»). В начале рассматривается теория «грамматикализации» и анализируются языковые факты с точки зрения данной теории. Затем автор предпринимает попытку определить условия употребления данной конструкции и ее место в системе кашубских глаголов. В завершении проводится сравнительная характеристика подобных конструкций в кашубском и других славянских языках.

1. Введение

Кашубская глагольная система имеет две категории общеславянского происхождения, сигнализирующие о пассивных (залоговых) отношениях: 1) конструкция с вспомогательным глаголом *bëc* «быть» и страдательным причастием на *-n-* и *-t-*. 2) конструкция с морфемой *sã* «ся». Кроме этих двух конструкций, в кашубском языке существует еще одна конструкция с глаголом *dostac* «получить» (или *dostawac* «получать») и страдательным причастием в среднем роде, как в примере (1).

- (1) *òn to dostòł (òd ni) przëdzeloné* (букв. «он это получил от нее распределенное»);
- (2) *òna mù to przëdzelëła* (= она ему это распределила);
- (3) *To bëło mù (òd ni) przëdzeloné* [= это было ему распределено (ему)].

Предложение (2) является, несомненно, пассивной формой предложения (3), а пример (1) также можно считать пассивной формой примера (2). Причем косвенное дополнение в дательном падеже *mù* в (2) подвергается пассивизации и также получает статус субъекта *òn* в (1), при этом не происходит изменение логического содержания данного высказывания. Именно поэтому в лингвистической литературе конструкция типа (1) часто называется «дативным» или «реципиентным» пассивом. Эта конструкция происходит из кальки немецкого «bekommen Passiv» типа *Ich bekam das Buch geschenkt* или нижненемецкой конструкции типа *Ekj kjreag daut Buak aus jeschenkj*, в которых данная конструкция уже частично грамматикализована. Поэтому специалисты по германским языкам часто анализируют ее в рамках категории залога и иногда включают ее в парадигматику глагола. Что касается изучения кашубского языка, такая конструкция раньше не анализировалась в научной литературе.

2. Степень грамматикализации дативного пассива

В корпусе кашубского языка частота употребления данной конструкции сравнительно низка. Но мы можем найти названную конструкцию не только в народном языке XIX века (4), но и в языке современных образованных граждан, выдающихся писателей (5), (6), (7):

- (4) *òn dostòł tã skòrà dobrze zapłaconé* (из текста, собранного Ф. Лоренцом);
 (5) *na miesąc człowiek jaż dzesãc deka do zbrëkowani dostòł wëdzeloné* (R. Skwiercz);
 (6) *òn mò dostóné òd ni wczubaszóné* (J. Drzeżdżon);
 (7) *òn dostòł nakazóné, żebë sprzątnąc pòdwòrzé* (K. Lewna).

В формальном отношении очевиден тот факт, что эти примеры представляют типичные признаки высокого уровня грамматикализации: 1) отсутствие грамматического согласования между существительным (*tã skòrà*: имя женского рода в винительном падеже) и причастием (*zapłaconé*: не изменяемая форма в среднем роде); 2) абсолютное употребление причастия в среднем роде – нет существительного в примерах (6), (7).

В семантическом отношении наблюдается ограничение при образовании данной конструкции, несмотря на то что в следующих примерах глаголы управляют дательным падежом.

- (8) **òn dostòł to rzekłé* (букв. «он получил это сказанное»);
 (9) **òn dostòł to dóné* (букв. «он получил это данное»);
 (10) **òn dostòł òd jabka na głowã padnioné* (букв. «он получил яблоком на голову паденное»).

Принимая в внимание все сказанное, автор произвел опрос носителей кашубского языка. Вопросник включает в себя около 800 глаголов, управляющих дательным падежом. На основе результатов этой анкеты автор делает выводы об условиях образования дативного пассива с точки зрения «теории грамматикализации» К. Леманна и обсуждает место названного пассива в системе кашубских глаголов.

3. Сравнение дативного пассива в славянских языках

Дативный пассив встречается в таких славянских языках, как серболужицкий (*wón dóstanje wote mnje pomahne*), чешский (*Karel dostal vyhubováno*), словацкий (*Ján dostal vynadané*), словенский (*boš to dobila plačano*), градишчанскохорватский (*putovanje sam dostao šenkano*), на которые большое влияние оказал немецкий язык. Но естественно, что степень грамматикализации в этих языках различна. Автор доклада сравнивает особенности дативного пассива в названных и немецком языках с кашубским и характеризует особенности последнего в типологическом плане.

Литература

- Askedal J. Grammaticalization and Persistence in the German «Dative / Recipient Passive» with bekommenkriegenlerhalten // *Interdisciplinary Journal for Germanic Linguistics and Semiotic Analysis*. 2001. P. 107–134.
 Breza E., Treder J. Gramatyka kaszubska. Gdańsk, 1981.
 Cybulski M. Rząd czasowników w kaszubszczyźnie. Gdańsk; Rumia, 2001.
 Dalewska-Greń H. Języki słowiańskie. Warszawa, 1997.
 Daneš F. Věta a text. Praha, 1985.
 Diewald G. Grammatikalisierung: Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen. Tübingen, 1997.
 Faßke H. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart: Morphologie. Bautzen, 1981.
 Giger M. Die Grammatikalisierung des Rezipientpassivs im Tschechischen, Slowakischen und Sorbischen // *Contributions suisses au XIIIe congrès mondial des slavistes à Ljubljana, août 2003*. 1981. P. 79–101.
 Heine B, Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge, 2002.
 Heine B, Kuteva T. The Changing Languages of Europe. Oxford, 2006.
 Lehmann Ch. Grammaticalization and Related Changes in Contemporary German // *Approaches to Grammaticalization*. 1991. P. 493–535.
 Lorentz F. Gramatyka pomorska I–III. Wrocław, 1958–1962.
 Lötsch R. Zum indirekten Passiv im Deutschen und Slawischen // *Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur*. 1969. P. 102–109.
 Treder J. (ed.) Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny. Gdańsk, 2006.

Прагматический аспект грамматики славянских языков

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Прагматика, грамматика, славянские языки

Аннотация. Грамматические явления имеют свой прагматический аспект, который в каждом из славянских языков реализуется в соответствии с его структурными, социальными и стилистическими особенностями.

Лингвистическая прагматика – сравнительно новое направление языкознания, аккумулировавшее в себе некоторые достижения риторики, стилистики, социо- и психолингвистики; оно тесно связано с теорией речевых актов и разработками в области коммуникативных технологий.

Лингвопрагматика изучает употребление языка с учетом возрастных, половых, общественно-статусных и профессиональных особенностей общающихся, а также конкретных условий и целей речевого акта.

В таком случае в центр внимания попадают возможности выбора одной языковой единицы из ряда возможных. Поэтому наиболее естественным объектом лингвопрагматики оказываются особенности употребления лексики (в частности, оценочной лексики, синонимов и эвфемизмов, терминов и жаргонизмов и т. п.). Очень характерно в прагматическом отношении и использование так называемых непрямых речевых актов, этикетных формул, крылатых слов и реминисценций.

На первый взгляд, формулировка темы «Прагматический аспект грамматики» может вызвать недоумение, ибо грамматика, с обязательностью выражения ее значений, сравнительно редко предлагает говорящему (или слушающему) какую-то альтернативу в использовании флексий, суффиксов, синтаксических моделей и т. п.

Тем не менее прагматический аспект – очень важная составная часть грамматического описания. Он обусловлен следующими факторами.

1. Противопоставление грамматического и лексического значений носит не эквивалентный, а градуальный характер. Иными словами, грамматическое явление может характери-

зоваться разной степенью грамматичности (ср. хотя бы такие категории, как лицо и вид или падеж и род).

2. Грамматическое значение всегда имеет под собой определенную (ограниченную) лексическую базу. И, в частности, попытка экстраполировать синтаксическую модель на «нетипичную» для нее лексику может преследовать определенный прагматический эффект.

3. Постоянное развитие языка приводит к тому, что в один и тот же период в нем соседствуют отмирающие и нарождающиеся явления. Это создает определенную конкуренцию средств, в том числе грамматических, и возможность их выбора для носителя языка.

4. Существуют ситуации, когда носитель языка заведомо (сознательно) идет на нарушение грамматического правила. Это может быть предпочтение, отдаваемое «чужой» форме, нарушение управления или согласования и т. п. Обычно при этом говорящий рассчитывает на какой-то эстетический и, вообще говоря, прагматический эффект.

Все эти общие основания в каждом из славянских языков преломляются по-своему, в соответствии с его структурными, социальными и стилистическими особенностями. В качестве примеров «прагматически чувствительных» сфер грамматики можно было бы привести склонение составных числительных и употребление личных и притяжательных местоимений в русском языке, употребление деепричастий на *-айки / -ейки* и звательной формы в болгарском, конкуренцию генитивных форм множественного числа в белорусском (*форм – формаў, вёсен – вёснаў* и т. п.), использование собирательных существительных и форм сослагательного наклонения в чешском, конкуренцию этикетных форм типа *Pan, Pani / Państwo / Wy* в польском и т. д.

Типы модусов и модусные субъектные синтаксемы (к проблеме синтаксической омонимии)

Н. К. Онипенко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Чжан Юйпин

(Китай)

Тип модуса, субъектные именные синтаксемы, синтаксическая омонимия

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности модусных значений субъектных именных синтаксем, а также внутрисинтаксические и внешнесинтаксические условия омонимии этих синтаксем в русском языке.

1. Статус субъектных именных синтаксем как синтаксем обусловленных предполагает, что семантика этих компонентов производна от их функции, от их употребления в определенных синтаксических моделях. Синтаксемы косвенных падежей, как и именительный субъектный, связаны отношениями семантического согласования с предикатом. При наличии в предикате лексемы ментальной семантики субъектные синтаксемы прочитываются как модусные.

2. Если предикат не содержит авторизирующих компонентов (модификаторов), основными семантическими условиями становятся: (а) семантика самого диктального предиката и (б) его временная нелокализация (частотность именительного предикативного, наличие кванторов общности).

3. Субъектные синтаксемы косвенных падежей в моделях со значением бытия, состояния, оценки и характеристики могут читаться и диктально, и модусно.

4. Модусные значения сформировались на базе диктальных в результате выхода этих синтаксем за пределы сфер действия валентостей. Неприсловная позиция («позиция детерминанта») позволяет семантике косвенных падежей субъекта взаимодействовать со смыслом всего предложения в целом, а значит, и с его модусной составляющей.

5. Неприсловные косвенные падежи субъекта могут (а) сохранять позицию в составе диктальной синтаксической единицы; (б) выходить за ее пределы – в модусную рамку; (в) соединять обе синтаксические функции. Возможность неоднозначного прочтения одних и тех же контекстов говорит о сформировавшейся системной омонимии диктальных и модусных синтаксем.

К **внутрисинтаксическим** условиям относятся:

- наличие / отсутствие (а также возможность / невозможность) модусного предиката;
- возможность / невозможность внутренних синтаксических связей с именем или глаголом;
- семантика диктального предиката (состояние, качество, оценка, бытие и др.);
- возможность местоимения 1-го лица;
- наличие отрицательных и выделительных частиц, кванторов общности (*везде, всегда, все, всё*), обнаруживающих неререферентную семантику именных групп;

- возможность логического ударения на субъектной синтаксеме косвенного падежа и пауза, которая отделяет субъектную синтаксему от остальных компонентов предложения.

К **внешнесинтаксическим** условиям относятся:

- усложненная субъектная перспектива, т. е. соотносительность субъекта предложения и субъекта речи (говорящего) как двух субъектов мнения, что предполагает наличие диалогического контекста (эксплицитного или имплицитного);
 - возможность прочтения диктальной части как цитатного слова.
6. К внешнесинтаксическим условиям относятся такие контексты, в которых автор «повышает» героя в ранге – из субъекта сообщаемого факта герой превращается в того, которому принадлежат мысли и слова, тем самым автор предьявляет внутренний мир героя, обнаруживает внутреннюю точку зрения.

7. Внутрисинтаксические условия снятия омонимии или ее сохранения (при языковой игре) определяются внешне-синтаксическими, текстовыми условиями – наличием диалогического противостояния двух или более точек зрения (двух или более субъектных сфер), что нередко выражается параллельными синтаксическими конструкциями.

8. Модусные синтаксемы косвенных падежей распределены между типами модуса:

- *Перед + Твор. п.* – перцептивный (сенсорный) модус;
- *Для + Род. п. и Дат. беспредл.* – ментальный модус (мнение);
- *У + Род. п.* – речевой модус во взаимодействии с ментальным или волюнтивным (запреты, угрозы);
- *Дательный этический* – речевой модус в реактивных высказываниях.

9. Диалогически обусловленные высказывания (волюнтивные и реактивные) в речевом режиме (устный диалог) содержат субъектные синтаксемы, образованные личными местоимениями 1-го и 2-го лица. Сфера 3-го лица представлена именами (и местоимением 3-го лица). При этом возможность модусного прочтения определяется возможностью замены 3-го лица на 1-е или оформлением чужого слова в виде прямой речи.

Синтетическая природа сложного синтаксического целого

И. С. Папуша

Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Сложное синтаксическое целое; единицы языка, речи, текста

Аннотация. В статье рассматривается феномен сложного синтаксического целого, одновременно являющегося реализуемой единицей языка, речи, текста.

В лингвистической литературе для обозначения объединения, группы предложений используются термины «сложное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство», «прозаическая строфа», «компонент текста», «суперфраза», «секвенция», «коммуникант», «цепь предложений» и другие (более 20). В связи с таким множеством терминообозначений данной единицы мы предпочтем термин «сложное синтаксическое целое», наиболее точно отвечающий цели нашего исследования.

Диалектическая сущность сложного синтаксического целого проявляется через взаимообусловленность конкретно-го и абстрактного, отдельного и общего: эта синтаксическая единица сложна и многоаспектна, так как может рассматриваться как с точки зрения формально-языкового построения и характера лексических и грамматических связей, объеди-

няющих предложения в более крупные единицы, так и с позиций «выполнения коммуникативной задачи, т. е. задачи определенного сообщения, более или менее законченного высказывания» [Реферовская 2007: 15]. Под понятие «высказывание», относящееся к области речи, подпадают в зависимости от требований полноты смысла как предложение, исчерпывающее то или иное сообщение, так и сложное синтаксическое целое – структурно организованная (закрытая) группа предложений, представляющая собой смысловое и коммуникативное единство.

Но языковая природа сложного синтаксического целого еще полностью не исследована, и в первую очередь остается открытым вопрос об отношении сложного синтаксического целого как лингвистического понятия к оппозиции «язык – речь». Ранее аналогичные вопросы получили реше-

ние применительно к предложению. Согласно справедливому, на наш взгляд, утверждению А. В. Карабыкова, предложение существует в единой языковой действительности в двух своих состояниях. Будучи единицей языковой системы, оно может реализовываться в речи; и наоборот: будучи фактом речи, оно вместе с тем является формально-грамматической единицей [Карабыков 2005: 126]. Предложения, по словам В. Г. Адмони, «являются языковой реальностью, в бесчисленных случаях выступая как конкретные речевые образования в письменной речи, в неспонтанной устной речи, а не так уж редко в разовых спонтанных высказываниях» [Адмони 1994: 69]. Описанный способ существования, характеризуя действительность языка в целом, присущ не только предложению, но и любой другой грамматической единице: реализуясь в речи, предложение не перестает состоять из лексем и прочих элементов более низких уровней. «Отрицать принадлежность предложения языку означало бы, что синтаксис имеет дело только с речью, только с конкретными фактами речевой деятельности, а не с единицами языковой системы. Предложение является единицей языка и речи. Каждое конкретное, индивидуальное предложение, заключающее данное, конкретное высказывание, принадлежит речи, является продуктом, результатом речевой деятельности. Грамматическая форма предложения, тип структуры, по которому оно построено, принадлежит языку» [Лекант 2007: 80]. С полной уверенностью данное утверждение можно отнести и к сложному синтаксическому целому: эти единицы принадлежат и языку, и речи, но представлены в них по-разному. Именно то общее, что объединяет предложение и сложное синтаксическое целое как особые формы выражения высказывания, заставило лингвистов подойти к сложному синтаксическому целому с теми же мерками, которые были выработаны незадолго до этого применительно к предложению (М. Я. Блох, В. Г. Гак, В. Г. Колшанский, П. В. Чесноков).

Сложное синтаксическое целое – структурно-семантическое образование, и это позволяет соотнести его не только с понятием «предложение», но и с понятием «текст» в узколингвистическом аспекте [Чернявская 2006: 12]: в сложном синтаксическом целом более концентрированно, чем в целом тексте, проявляются одинаковые признаки и принципы их организации, идентичные средства структурной и смысловой связи [Марченко 2005: 62]. В то же время становится общепризнанным, что высшей и наиболее независимой единицей языка является не предложение, а текст (Н. С. Валгина, В. И. Карасик, В. А. Лукин, З. Я. Тураева, А. И. Овсянникова). Сложилось определенное направление в изучении текста как системы, организованной по своим законам. Он рассматривается как целое, обладающее рядом специфических категорий (собственно лингвистика текста), от части к целому (грамматика текста), а также в функционально-смысловом аспекте – с позиций композиционно-смысловых типов речи, особенностей оформленности содержания (стилистика текста). В настоящее время вопросы о статусе текста (Е. А. Реферовская), о его отношении к языку и речи (В. А. Кухаренко), о возможности включения его в перечень единиц языка и признания за ним функции языкового знака (С. И. Гин-

дин) насущны и актуальны в связи с тем, что их решение не представляется однозначным: текст многомерен и многогранен и не всегда рассматривается с позиций языковой системы. Но если говорить о сложном синтаксическом целом – вопрос об определении его статуса стоит на повестке дня.

В связи с различными подходами к разграничению «языкового», «речевого» и «текстового» возникла необходимость в разграничении эмического и этического уровней в применении к сложному синтаксическому целому, что ранее в применении к предложению позволило преодолеть распространенное мнение о том, что предложение существует лишь как факт речи и якобы не входит в систему языка (В. Г. Адмони, В. А. Бухбиндер). И теперь уже в применении к текстам должно различать единицу системы языка (тексту, потенциальный текст, эмический текст) и актуальный, конкретно произносимый или написанный (этический) текст. Такому решению вопроса способствовали и интенсивные исследования в области структуры текста (Е. А. Реферовская, З. Я. Тураева, Е. П. Марченко, А. А. Гарус, В. А. Салищев). Был сформулирован принцип когерентности (И. Р. Гальперин), описаны явления лексической и грамматической когезии (М. И. Откупщикова, О. И. Москальская), выявлены основные схемы тема-рематического движения в тексте (Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова), выработаны принципы делимитации текстовых единств (С. Г. Ильенко, Г. Я. Солганик). Все это позволило увидеть в сложном синтаксическом целом синтаксическую единицу, чет/ко делимитированную, имеющую собственную внутреннюю структуру, представляющую собой моделируемую единицу языка. В то же время лингвистический подход к сложному синтаксическому целому не претендует на исчерпывающее познание текста, он ориентирован лишь на изучение лингвистического, языкового – тех грамматических признаков, которые определяют структуру и форму сложного синтаксического целого как «материала и средства текста» [Бахтин 1976: 112]. Таким образом, сложное синтаксическое целое – многоаспектная единица, проявляющая себя (не в одной логической плоскости) и в языке, и в речи, и в тексте. Конечно, названные (и возможные иные) аспекты определения феномена «сложное синтаксическое целое» следует рассматривать как взаимодополняющие: только все вместе они дают наиболее полное представление об объекте.

Литература

- Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
 Бахтин М. Проблема текста: Опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10.
 Карабыков А. В. Проблема конститутивных признаков предложения в отечественном языкознании XVIII–XXI веков: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
 Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М., 2007.
 Марченко Е. П. Функционирование полипредикативных сложных предложений в русском тексте. Краснодар, 2005.
 Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. М., 2007.
 Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М., 2006.

Интонация и пунктуация

Л. Б. Парубченко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Интонация, пунктуация, кодификация

Аннотация. В докладе на примере одного пунктуационного правила доказывается необходимость учитывать при кодификации интонационные характеристики высказывания.

Между кодифицированной пунктуацией и реальной практикой письма существует напряжение. Кодификация традиционно ориентируется на письменный текст и стремится «опереть» пунктуацию на реально зримое: синтаксическую структуру, лексико-грамматическое наполнение и т. п. Пишущие ориентируются на текст звучащий и членят его не только на основе грамматических признаков, но и интуитивно, на основании интонации и смысла. Практика письма так или иначе принимается во внимание кодификаторами, и в пунктуационных сводах это зачастую имеет такое выра-

жение: основное правило опирается на синтаксическое членение, многочисленные исключения из правила – на членение интонационно-смысловое. Именно так устроен один из начальных разделов нового академического справочника [Правила... 2006] по правописанию: «Тире между подлежащим и сказуемым».

Всего правил постановки тире 14: 5 основных + 9 исключений из правил отсутствия тире. Правил отсутствия тире 8: 6 основных + 2 исключения из правил постановки тире. Сверх того, правило неопределенного содержания: «нали-

частицы *не*, а также вводных слов при устойчивых сочетаниях в роли сказуемого препятствует постановке тире (но не запрещает)» [Правила... 2006: 207]. Итого: 11 правил постановки / отсутствия тире перед именным сказуемым, 11 исключений из них и еще одно типа «ни да ни нет».

Причина громоздкости правила, обслуживающего непростую синтаксическую ситуацию, – в источнике – написанном тексте, где знаки уже расставлены, и задача кодификатора – подобрать обоснование. Естественно, в обоснование попадают в первую очередь «материальные», лексико-грамматические признаки: 1) частеречная принадлежность и грамматическая форма: существительные в Им. падеже, инфинитив, числительные; 2) семантический разряд: личные, указательные или вопросительные местоимения; 3) отрицательная и другие частицы, вводные слова; 4) сравнительный оборот; 5) конструкции с параллелизмом частей; 6) с наличием однородных сказуемых. Затем – значения: 7) синтаксические – с сопоставлением, противопоставлением; 8) коммуникативные: «вопрос, сопровождаемый удивлением»; 9) сама смысловозначительная функция: «если возможна синтаксическая или смысловая двусмысленность» [Правила... 2006: 206]; 10) узус: «в специальной литературе при цифровом обозначении числительного ставить тире не принято» [Правила... 2006: 207].

В пяти правилах-исключениях присутствуют интонационные характеристики, которые формулируются как: 1) «произношение с логическим ударением на сказуемом» [Правила... 2006: 206]; 2) «подчеркивание указания на данный предмет» [Правила... 2006: 208]; 3) «интонационное выделение обоих членов предложения», сопровождающее структурный параллелизм частей; 4) «акцентное выделение только сказуемого» [Правила... 2006: 208]; 5) «акцентирование сказуемого» [Правила... 2006: 209]. Интонационные формулировки неопределенны и повторяют друг друга в правилах с противоположным пунктуационным решением.

Правило может быть значительно упрощено, если в качестве обстоятельства, определяющего постановку / отсутствие тире, принять признак **интонационной членности / нечленности предложения**. По отношению к этому при-

- 1) *Моя сестра – / (3) учительница* (1);
- 2) *Это – / (3) кабинет* (1);
- 3) *Россия – / (3) не Петербург, / (2) она огромная* (2);
- 4) *Офицер этот – / (3) не чета вам, господин жандарм* (Фед.) (1);
- 5) *Раны – / (3) нетрудные, (1) но человек потерял много крови* (1) (Пауст.);
- 6) *В столовой пир – / (3) горяч и пылок* (1);
- 7) *Грач, конечно, – / (3) птица умная и самостоятельная, / (2) но голоса у него нет* (1);
- 8) *Мой брат – / (3) тоже инженер* (1);
- 9) *Этот ручей – / (3) лишь начало реки* (1).

Интонационный анализ показывает, что многочисленные лексико-грамматические признаки (см. начало доклада), традиционно кладущиеся в обоснование наличия / отсутствия тире между подлежащим и сказуемым, в значительной мере условны: никаких релевантных для пунктуации смыслов у предложений со сравнительным союзом, вводным словом, частицей, сказуемым – прилагательным и т. д. перед предложениями без этих признаков нет. Релевантные смыслы, требующие пунктуационного выражения на письме, передаются интонацией – полноправным грамматическим средством, которое оформляет предложение и во многих случа-

знаку все примеры, приведенные в Своде (их 71), распределяются по трем группам (даем их в интонационной транскрипции):

I. Членные – тире ставится (27 примеров из 71). Отличительные признаки таких высказываний:

1) большая степень распространенности состава подлежащего или сказуемого: *Флигель у дома на Садовой по проекту Михаила Александровича Врубеля – / (3) единственное строение из владений Мамонтовых, / (2) почти сохранившее свой вид до наших дней* (1);

2) стилистическая отмеченность: *Жизнь прожить – / (6) не поле перейти*. (1); *Масса такого дальномера – / (3) 23 кг* (1); *Млечный Путь – / (3) как большое общество / (1)*;

3) коммуникативно-многозначный лексико-грамматический состав, где интонация играет смысловозначительную роль: *Брат – / (3) мой учитель* (1) – и *Брат мой – / (3) учитель* (1); *Жизнь – / (3) как легенда* (5) (двусоставное предложение с именным сказуемым) – и *Жизнь как легенда* (1) (непредикативное сочетание – заголовок в газете);

4) повтор имени подлежащего в сказуемом: *Пушкинский край – / (3) край камней* (1).

II. Нечленные (10 примеров) – тире не ставится. Это предложения с инверсией темы и ремы: *Кто ваш защитник?* (2); *Что такое учеба?* (2); [У меня много хороших людей], *почти все хорошие* (2) (Сим.); устойчивые выражения: *Старость не радость* (1); *Льды как льды* (1), *пустыни как пустыни* (1) (Кав.); предложения идентификации: *И это кабинет* (1).

III. Членные вариативно (34 примера) – тире также вариативно: ставится, если пишущий вносит в высказывание интонационную расчлененность: синтагма перед паузой (состав подлежащего) произносится с ИК-3, синтагма после паузы (состав сказуемого) – с ИК-1. Такая интонация передает определенные смыслы: противопоставление (3), уступительно-возмездительное значение (5, 7), категоричность (4), различного вида экспрессию (остальные примеры). Тире не ставится, если эти значения для пишущего неактуальны – в этом случае высказывание предстает как интонационно нерасчлененное. Ср.:

- Моя сестра учительница* (1);
Это кабинет (1);
Россия не Петербург, / (2) она огромная (2);
Офицер этот не чета вам, господин жандарм (2);
Раны нетрудные, (1) но человек потерял много крови (1);
- В столовой пир горяч и пылок* (1);
Грач, конечно, птица умная и самостоятельная, / (2) но голоса у него нет (1);
Мой брат тоже инженер (1);
Этот ручей лишь начало реки (2).

яч определяет его коммуникативное значение. Внимание к интонационным характеристикам высказывания, в их точной интерпретации, могло бы сделать русскую пунктуацию более простой, последовательной и в конечном счете адекватной выражаемому смыслу. Другим последствием учета при кодификации интонационных данных будет признание вариативности сущностным свойством русской пунктуации.

Литература

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник. М., 2006.

Эмотивный синтаксис в русском и чешском языках: когнитивный анализ языковых универсалий и идиоэтнических особенностей

Л. А. Пиотровская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Эмотивные высказывания, эмотивный синтаксис, коммуникативная цель, синтаксическая модель

Аннотация. В докладе с типологической точки зрения анализируются продуктивные в современном русском и чешском языках синтаксические модели построения эмотивных высказываний.

Термин «эмотивный синтаксис» предлагается использовать для обозначения синтаксической подсистемы языка, включающей все множество высказываний, в коммуникативной цели которых доминирует намерение говорящего выразить свои эмоции. Эмотивные высказывания следует

отличать от восклицательных по соотношению эмоциональной и рациональной оценки, а следовательно, по доминирующей коммуникативной цели: главной целью восклицательных высказываний является сообщение, вопрос либо побуждение, осложняемые выражением эмоций. Если в

восклицательных высказываниях выражение эмоций имеет статус эмоциональной окраски, то в эмотивных высказываниях – статус доминирующей коммуникативной цели.

Сравнение результатов исследований, выполненных на материале разных языков, свидетельствует о том, что для образования эмотивных, в нашем понимании, высказываний существуют как общие, так и специфические синтаксические модели.

На эмотивные высказывания, содержащие в глубинной структуре вопрос, обращали внимание многие лингвисты (см., например: [McCawley 1973], [Elliot 1974]). А. Вежбицкая предложила следующее объяснение: «Все “вопросительные” восклицания содержат в глубинной структуре компонент формы “Я не знаю, как это сказать” или “Я не знаю, каким словом это назвать” (или “Я не знаю, что сказать”»)» [Wierzbicka 1980: 331]; ср. в русском и чешском языках: *Какая красота! Как это неприятно! До чего она похожа на мать! Куда же ты в дверь лезешь?* – *Jaká je to nádhera! Jak je to nepřijmí! Jakápak dramatická škola! Pročpak mi nechtejí pomoci?* и др. Иными словами, пересечение семантики вопроса и эмотивных высказываний с местоименно-вопросительными словами проходит по линии незнания. Когнитивная интерпретация этого феномена позволяет нам дополнить предложенное А. Вежбицкой объяснение. Из всех эмоций, выражаемых в эмотивных высказываниях, с семантикой вопроса наиболее тесно связано удивление; выражение же удивления может сочетаться как с положительными, так и с отрицательными эмоциями. Отсюда – максимально широкий семантический потенциал эмотивных высказываний этого структурного типа.

Другая семантическая универсалия эмотивного синтаксиса – употребление в качестве структурообразующих компонентов эмотивных синтаксических моделей таких **частиц, которые этимологически связаны с местоименно-указательными словами**, например: *Глазки-то! Вот безобразия! Вот так встреча! Вот это музыка! Вот тебе и разогрела! Вот они, их изобретения!* – *To jsou oči! To je lupárna! To je neštětí!* и др.

Взаимосвязь указательного значения и выражения эмоций обусловлена, по-видимому, тем, что указание на предмет осуществляется с целью выделения его выделения из группы подобных. Прагматическая однонаправленность указательных местоимений и выражения эмоций неоднократно отмечалась в специальной литературе (см., например: [Вольф 1985: 180]). Т. М. Ушакова, описавшая это явление во французском языке, предложила выделять «дейксис оценки», специфика которого состоит в том, что указательные детерминативы употребляются «не для того, чтобы связать названный предмет (явление) с непосредственно воспринимаемым органами чувств референтом, а для того, чтобы с помощью детерминатива выразить отношение говорящего к этому предмету» [Ушакова 1978: 78].

Анализ собранного нами языкового материала позволяет выделить следующие особенности функционирования эмотивных высказываний с местоименно-указательными сло-

вами в сравниваемых славянских языках: с одной стороны, в русском языке представлено большее структурное разнообразие эмотивных синтаксических моделей с детерминативами, с другой – в чешском языке эмотивные высказывания типа *To je nádhera!* обладают существенно большей частотностью, чем в русском языке, а следовательно, наряду с высказываниями типа *Jaká je to nádhera!* образуют ядро эмотивного синтаксиса, тогда как в эмотивном синтаксисе русского языка эмотивные высказывания с детерминативами находятся на периферии, вследствие чего становится возможным пересечение поля эмотивных высказываний с полями высказываний других коммуникативных типов – повествовательных и побудительных.

Третьей универсалией эмотивного синтаксиса можно считать **псевдопридаточные структуры** (*Если бы это можно было забыть!*). Если в русском языке такие высказывания омонимичны лишь придаточным условиям, то в чешском языке они более разнообразны в структурном отношении (см., например: [Karlík 1979]) и могут быть омонимичны придаточным изъяснительным *Že se nestydíte!* и др. Поскольку эмотивные высказывания последнего типа имеются в немецком языке [Малинович 1989: 135–137], возможно, имело место «синтаксическое заимствование».

И в заключении укажем на одну эмотивную синтаксическую модель в эмотивном синтаксисе чешского языка, не имеющей аналога в русском языке и представляющей, по-видимому, также «синтаксическое заимствование» из немецкого языка: *Já hlupák! Ty darebo jeden!* – ср. в русском языке: *Какой я болван! Ах, я болван!* В высказываниях чешского языка этого типа выражаются только отрицательные эмоции.

Таким образом, с одной стороны, имеются общеязыковые механизмы формирования эмотивных высказываний; с другой стороны, в каждом национальном языке эти механизмы реализуются по-разному. Типологическое исследование эмотивного синтаксиса, на наш взгляд, перспективно для изучения как синтаксиса, так и семантики.

Литература

- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
 Малинович Ю. М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск, 1989.
 Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб., 1994.
 Ушакова Т. М. Дейксис в аффективном синтаксисе (на примере французских эмотивных предложений) // Грамматическая семантика. Горький, 1978. С. 75–82.
 McCawley N. Boy! Is syntax easy! // Papers from the Ninth Regional Meeting Chicago Linguistic Society. April, 13–15, 1973. Chicago, 1973. P. 369–377.
 Elliot D. E. Toward a grammar of exclamations // Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. 1974. Vol. 11. No 2. P. 231–246.
 Karlík P. Tzv. Že-výpovědi a jejich funkce // Slovo a slovesnost. 1979. Roč. 40. Číslo 1. S. 5–10.
 Wierzbicka A. Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language. Sydney etc., 1980.

Принципы создания коммуникативной грамматики русского языка, реализующей «франкофонный взгляд»

М. Ю. Сидорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Коммуникативная грамматика, сопоставительный анализ русского и французского языков

Аннотация. Докладчик от лица авторского коллектива представляет некоторые общие принципы и возможную структуру коммуникативной русско-французской грамматики.

Русская коммуникативная грамматика находится сейчас на том этапе практических исследований и разработки теории, когда для дальнейшего плодотворного развития ей необходимы а) углубление теоретического осмысления известных фактов русского языка и важнейших грамматических категорий (предикативность, таксис, субъектная перспектива); б) «настройка» (как сказали бы в точных науках, «калибровка») имеющихся инструментов грамматического исследования, например корректировка функционально-семантических классификаций слов, уточнение определений и описания свойств коммуникативных регистров; в) вовлечение в сферу коммуникативно-грамматического исследова-

ния нового текстового материала; г) переход с уровня сопоставительного описания отдельных языковых единиц и категорий к полнотражным коммуникативным сопоставительным грамматикам. Работа над русской коммуникативной грамматикой подобного рода (далее – Грамматика) начата совместным русско-французским коллективом (Е. Беляя, Э. Тумазу – Университет Нанта; Н. К. Онипенко – ИРЯ РАН; М. Ю. Сидорова – МГУ имени М. В. Ломоносова). В основу исследования положена коммуникативно-функциональная концепция Г. А. Золотовой.

В докладе будут рассмотрены некоторые основополагающие принципы, которые планируется реализовать в Грам-

матике, и специфические свойства данного проекта, отличающие его от сопоставительной грамматики в ее традиционном виде.

Первым таким свойством является стремление представить именно франкофонный взгляд на русскую грамматику, а не описывать русскую и французскую грамматические системы как рядоположные. Антропоцентрический принцип, формирующий цель, методы и модель описания в коммуникативной грамматике, предполагает учет фигуры адресата Грамматики (он же – потенциальный автор или реципиент текста, созданного на русском языке по правилам русской грамматики) при определении того, **что, как и зачем (почему)** сопоставляется в коммуникативном межъязыковом описании. Именно взгляд со стороны франкофона обуславливает выбор категорий, которые будут разрабатываться в Грамматике. Этот подход «со стороны» заставляет нас искать объяснения, почему та или иная форма имеет такую-то функцию в тексте, с тем, чтобы прийти к системе иерархизованных факторов, позволяющих нерусскому пользователю языка сделать сознательный выбор нужной ему формы (например, вида глагола или именительного / творительного падежа прилагательного в именительной части сказуемого и т. д.). Так, одним из важнейших предметов

анализа служит категория определенности / неопределенности, выраженная во французском языке артиклем, а в русском языке актуализирующаяся лишь посредством контекста и представляющая сложность при межъязыковом переходе (подробнее см. тезисы Э. Тумазу в настоящем сборнике).

Второй важный принцип касается языка описания. Впервые будет сделана попытка соотнести терминологию русской коммуникативной грамматики с французской, в частности терминологию коммуникативных регистров и текстовых функций видо-временных форм глагола (по Г. А. Золотовой) с терминологией «хронопоэзы» (по Ж.-П. Семону) – подробнее см. тезисы Е. Белой в настоящем сборнике.

Также в докладе будут намечены основные линии работы над следующими разделами Грамматики, запланированными на первоначальном этапе:

1. Предикативность и референтность (включая категории определенности / неопределенности, моно / полипредикативности).
2. Субъектная перспектива текста (включая категории авторизации и адресации).
3. Таксис и движение времени в тексте (включая категории одновременности / последовательности и перцептивности).

Двувидовость в славянских языках: тенденции и перспективы (на материале русского, болгарского и итальянского языков)

С. Б. Славкова

Болонский университет (Болонья, Италия)

Аспектуальность, вид, инференция, структура информации

Аннотация. В работе рассматриваются способы интерпретации аспектуальной информации в высказываниях с двувидовыми глаголами.

Настоящий доклад посвящен проблеме глагольного вида в славянских языках, в частности вопросу о двувидовых глаголах. В большей или меньшей степени они присутствуют во всех славянских языках, но особенно интересно их развитие в русском и в болгарском языках.

Несмотря на отсутствие видовой маркированности у этих глаголов, существует возможность восприятия их и как НСВ, и как СВ. В научной литературе такие глаголы рассматриваются либо как феномен омонимии или синкретизма – типа *ликвидировать 1* (СВ) и *ликвидировать 2* (НСВ), – либо как аномалия [Исаченко 2003: 145], либо как периферийное явление [Зализняк, Шмелев 2000: 75]. Распространено также мнение, что заимствованные глаголы (а речь идет в первую очередь о заимствованиях), попадая в систему славянских языков, тут же приспосабливаются к жесткой системе славянского глагольного вида. В результате действия определенных морфологических механизмов возникает видовая пара (типичный пример – глагол *анализировать*, который в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова характеризовался как двувидовой, а в настоящее время имеет видовую пару *анализировать – проанализировать*): «That this lack of formal expression of aspect is felt to be undesirable is shown by the fact that the number of originally Russian verbs of this type is very small, and that there is a tendency to derive forms which are unambiguously of one or other aspect» [Forsyth 1970: 33]. Ср. также высказывание Н. С. Авиловой: «Несомненно, двувидовой глагол может быть употреблен в том или ином значении (сов. или несов. вида), но именно отсутствие формального выражения вида делает выражение видового содержания данного глагола не синтетическим, а недостаточным, неясным, диффузным, вследствие чего язык и стремится найти это формальное выражение, сделать видовое содержание ясным» [Авилова 1976: 146].

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой двувидовые глаголы сами по себе являются важной составляющей русской видовой системы: «двувидовость представляет собой хотя и лексически ограниченный, но немаловажный компонент категории видов в русском языке» [Мучник 1971: 53]. При этом двувидовость не исключает соответствующие глаголы из сферы категории вида, а только модифицирует план ее выражения, расширяя круг аналитических средств и сокращая аффиксальные средства [Мучник 1971: 153]. Число двувидовых глаголов в современном

русском языке постоянно растет, и, несмотря на то что тенденция к моноаспектуализации сохранилась, существует большое количество глаголов, которые остаются двувидовыми, и возникают они не только за счет заимствований, но и за счет внутриязыковых словообразовательных процессов (*военизировать, советизировать, коренизировать, десантировать, арендовать, лоббировать, складировать*).

Помимо русского, в докладе рассматривается ситуация и в болгарском языке, где, наоборот, двувидовые глаголы представляют собой достаточно регулярное явление, связываемое обычно с категориями имперфекта и аориста [Иванчев 1971: 181].

Универсальность категории аспектуальности позволила нам обратиться к разнотемным языкам и проанализировать выражение вида на уровне лексем, морфологии и синтаксиса. Анализ показал, что различие в выражении вида зависит не только от системных характеристик каждого отдельного языка: и внутри одного языка можно выделить показатели аспектуальности различных уровней – от лексических средств до уровня текста. Проявление видовых характеристик на уровне контекста, на наш взгляд, подчиняется определенным правилам, которые можно выделить и систематизировать. Целью нашего исследования является определение конкретных лексических, морфологических и синтаксических средств интерпретации двувидовых глаголов в русском и болгарском языках, их участие в структурировании аспектуальной информации высказывания. В результате проведенного анализа были выявлены связанные с этими средствами факторы сохранения и расширения употребления двувидовых глаголов в исследуемых языках. Среди наиболее важных можно назвать связь с именными категориями (в частности, с категорией определенности / неопределенности), фразовое ударение, порядок слов и другие элементы организации текста.

Указанные особенности приближают двувидовые глаголы к глаголам неславянских языков (например, романских), где, как известно, о виде глагольной леммы речи не идет. В языках такого типа мы, как правило, также прибегаем к элементам (кон)текста (т. е. к средствам аналитизма) для выражения аспектуальной характеристики высказывания (помимо, конечно, некоторых темпоральных показателей, которые, однако, часто бывают многозначными). В этом смысле можно говорить о об аспектуальном характере этой особой группы глаголов в русском и болгарском языках,

позволяющем, с одной стороны, сделать утверждение о расширении аналитизма в русском языке, а с другой – найти дополнительные аргументы в пользу синтаксического характера категории аспектуальности.

Литература

- Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
Зализняк Анна А., Шмелев Д. Н. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
Иванчев Св. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.

- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Часть вторая. М., 2003.
Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
Черткова М. Н., Чанг П.-Н. Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке // Russian linguistics. 22. 1998.
Bertinetto P. M. Tempi verbali e narrativa italiana dell'Ottocento. Alessandria, 2003.
Forsyth J. A grammar of aspect: usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.

Морфологические и синтаксические изменения в современном чешском языке в сравнении с некоторыми другими славянскими языками

П. Станковска

Универзитет в Любляне, философский факультет (Любляна, Словения)

Морфологические изменения, падеж, глагольная форма, валентность глагола, синтаксис предложения

Аннотация. В докладе рассматриваются некоторые изменения в склонении существительных и числительных и в спряжении глаголов в современном чешском языке. Особое внимание уделяется роли некоторых падежных форм в синтаксисе предложения. Предпринята попытка сравнить развитие в чешском с развитием тех же грамматических категорий в словенском языке.

Jazyky jsou živé systémy a jako takové se neustále vyvíjejí a mění ve všech svých vrstvách. Moderní slovanské jazyky existují v reprezentativní, předepsané spisovné podobě, která se mění pozvolněji než podoba nespisovná, z níž však vycházejí podněty pro změny jazyka spisovného. Právě v češtině jsou rozdíly mezi spisovnou a nespisovnou formou jazyka velmi nápadné a na morfoloických změnách, které ve svém důsledku mají vliv i na větnou syntax, ukážeme, jak tyto změny výrazně pronikají z nespisovného jazyka i do útvarů primárně užívajících spisovného jazyka.

Morfologické změny se v češtině týkají především zjednodušení systému časování sloves u přítomných tvarů oznamovacího způsobu. Zjednodušení tvarů je však možné pozorovat i u deklinace substantiv, některých zájmen a číslovek, přičemž se zjednodušují i pravidla užívání těchto tvarů v syntaktických konstrukcích. Zde máme na mysli především tvar substantiv ve jmenném přísudku se sponou, kde se velmi často

používá pouze nominativu, namísto v určitých případech předepsaného užívání instrumentálu. Taktéž jsou známy případy ústupu bezpředložkového předmětu v genitivu, dativu a předložkového lokálu stále častější akuzativní formě předmětu.

Když tento vývoj srovnáme s vývojem např. v jihoslovanském jazyku slovinštině, zjistíme, že k podobným změnám dochází i v něm. Vzhledem k tomu, že systém deklinačních tvarů slovinštiny je již nyní dostatečně diferencován, téměř neexistují dublety a pádové koncovky jsou většinou dostatečně rozdílné, nedochází u deklinace k takovým změnám jako v češtině. Na druhé straně je však možné vysledovat některé změny koncovek slovesných tvarů indikativu přezenta a infinitivu, kterých je však mnohem méně než v češtině opět díky tomu, že jsou slovinská slovesa poměrně jasně tvarově vymezena. Podobný jev jako v češtině však můžeme pozorovat u změn tvarů slovesných předmětů, pro něž se stále častěji užívá akuzativu podobně, jako v češtině.

Из проблематики безличных предложений в сербском языке / Безличне реченице у савременом српском језику

С. З. Танасић

Институт за српски језик САНУ (Белград, Србија)

Српски језик, синтаксис субјекта, агенс, безлично предложение

Аннотация. Наши классические грамматики характеризуются отсутствием полноты обзора безличных предложений в современном стандартном языке. Поэтому отсутствует и полный анализ этих предложений в современном сербском языке. В настоящем докладе автор на материале различных функциональных стилей анализирует те типы безличных предложений сербского языка, которые недостаточно описаны в имеющейся научной литературе.

У савременом српском стандардном језику реченице се у своме стандардном виду образује према два основана модела: као субјекатско-предикатске конструкције и као бесубјекатске конструкције. Ове бесубјекатске или безличне реченице реализују се увек тако да се у њима не може отворити синтаксичка позиција за актанта који заузима синтаксичку позицију субјеката у реченици [Стервановић 1991], [Ивић]. За савремени српски језик карактеристично је да се у њему јављају често безличне реченице [Радовановић 2007: 245]. То је у вези са чињеницом да се у многим функционалним стилевима све више испољава тенденција ка анонимизацији.

Безличне реченице у српском језику остварују се у више типова. Све оне се могу поделити према критеријуму образовања предиката на реченице са глаголским, именским или прилошким предикатом. То је само један од могућих начина класификације ових реченица. Међу овим реченицама са глаголским предикатом посебно су данас присутне реченице са глаголом *имати*, реченице са фазним глаголима у предикату, и реченице које настају анонимизацијом агенса, у домаћој литератури познате под називом *обезличене реченице*.

Безличне реченице са фазним глаголима образују предикат као и кад су у питању двочлане реченице са овим

глаголима у позицији синтаксичког предиката. Оне, дакле, увек траже допуну у виду другог глагола. Поставља се питање који све глаголи могу доћи функцији допуне уз фазне глаголе. То су они глаголи који се јављају и у предикатима различитих типова безличних реченица у чијим предикатима нема фазних глагола. Међутим, за такву безличну реченицу постоје одговарајући услови који се тичу фазног глагола. Сам фазни глагол мора се граматички оформити у складу са условима који важе за образовање глаголског предиката у безличним реченицама. Њему се тада додаје као допуна други глагол у облику инфинитива или конструкције *да* + презент. И допунски глагол, с друге стране, игра значајну улогу у образовању безличне реченице. Зависно од глагола у допуни фазним глаголима ове реченице се могу сврстати у неки тип безличних реченица у савременом српском језику. Треба рећи да се ове реченице јављају са непрелазним и прелазним глаголима.

Порасту безличних реченица у савременом српском стандардном језику посебно доприноси велика продуктивност модела обезличених реченица [Танасић 2004]. Ако се за све друге типове безличних реченица постављају извесна ограничења у погледу глагола који могу образовати такве реченице, овде готово да нема таквог ограничења. Посебно је важно нагласити да се у овоме типу безличних реченица

појављују и прелазни глаголи. Пошто се са прелазним глаголима у оквиру рефлексивне конструкције исказује и пасивна дијатеза, очекивало би се да се такви глаголи не могу јављати и у обезличеним реченицама. Међутим, оне су врло честе захваљујући могућности да се у таквој рефлексивној конструкцији на неки начин неутралише глаголска транзитивност.

Безличне реченице са глаголом *имати* јављају се у више видова. Неке од њих се могу укључити у обезличене реченице, док друге то не могу. То зависи од тога шта се тим реченицама исказује. Зависно од тога ове реченице имају различите форме предиката у претериталним глаголским облицима: *Има* финих женских гласова – Дуге зимске вечери, *има се* времена, према: *Било је* финих женских гласова – Дуге зимске вечери, *имало се* времена. У вези са овим реченицама, важно је напоменути да се свака реченица типа са глаголом *имати* не може преобликовати у такозвану обезличену реченицу *-уп*. *Има* времена : *Има се* времена – У Србији *има* високих планина : У Србији *се има*

високих планина. Ради се, дакле, о различитим типовима безличних реченица.

Безличне реченице и својом разноврсношћу и посебно великом продуктивношћу захтевају да им се посвети више пажње при опису савременог српског стандардног језика у свим његовим функционалним стиливима. Овај рад првенствено има за циљ да подстакне на истраживања овога реченичног модела. После тога ће се и у нашим граматицама, описним и нормативним, ове реченице моћи шпотпуније представити.

Литература

- Ивић М. Основне типолошке карактеристике српскохрватске имперсоналне реченице // Књижевност и језик. X / 1. С. 18–24.
 Радовановић М. Српски језик данас: главне теме // Стари и нови списи. Сремски Карловци; Нови Сад, 2007.
 Стервановић М. Савремени српски језик II. Синтакса. Београд, 1991. С. 8–95.
 Танасић С. Безличне реченице с уопштеним агенсом // Јужнословенски филолог. LX. Београд, 2004. С. 41–55.

Определение как знак неопределенности именной группы

Е. Тумазу

Университет Нанта (Нант, Франција)

Категория определенности / неопределенности, текстовые функции прилагательных, именная группа

Аннотация. Может ли в русском языке, языке без артикля, найти свое выражение категория определенности / неопределенности? Изучая переводы с французского, мы обратили внимание, что ситуация введения нового специфического референта (обозначенного во французском тексте неопределенным артиклем) вызывает трудности в переводе и может привести к добавлению прилагательного, отсутствующего в тексте оригинала. Роль такого атрибута именной синтагмы заключается в необходимой для русского языка активизации процесса индивидуализации объекта действительности при его введении в текст.

В русском языке есть случаи, когда введение в текст нового специфического референта сопровождается атрибутом, присутствие которого обязательно. Это может даже привести к добавлению в переводе на русский язык прилагательного, которое отсутствует в оригинале. Сравним перевод с французского:

Un meunier ne laissait pour tous biens, à trois enfants qu'il avait, que son moulin, son âne et son chat.

В русском тексте читаем:

Старый мельник оставил трем сыновьям небогатое наследство.

Появление в переводе прилагательного *старый* объясняется тем, что без атрибута эта именная группа воспринимается как определенная.

Русский язык, будучи безартиклевым языком, может осуществить актуализацию именной группы только посредством контекста. Во французском же языке редки случаи, при которых актуализация может обойтись без артикля. В данном примере артикль *un* позволяет выделить некий объект из класса подобных, приписывая ему характер неопределенности. Употребление артикля совместно со специфическим характером ситуации являются достаточным условием для осуществления актуализации именной группы. Основываю-

щаяся на контексте актуализация данной именной группы в русском языке не может быть понята как неопределенная. Даже если интерпретация референта как специфического зависит от контекстного окружения, в русском языке необходимо, чтобы эта спецификация была поддержана спецификацией референта, иначе говоря, чтобы в конструкцию референта была интегрирована деталь, которая не вытекает из обозначения этого референта одним лишь существительным. За отсутствием такого индивидуального, эксплицитно выраженного признака он будет приписан референту автоматически контекстом: речь идет о таком элементе класса, который является в данной ситуации объектом экзистенциальной presupпозиции.

Из сказанного выше вытекает, что проблема индивидуализации находится в центре проблемы употребления прилагательного как знака неопределенности именной группы. В нашем докладе мы предлагаем рассмотреть факторы, от которых зависит такое введение референта, при котором на первый план выдвигаются его индивидуальные признаки, либо его введение как простого представителя некоего класса. К таким факторам относятся: синтаксическая функция именной группы; класс, представителем которого является референт; коммуникативный тип предложения.

Изосемические конструкции и их неизосемические синонимы в вариантах перевода художественного текста

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Синтаксис, синонимия, изосемия, грамматика текста, стиль, перевод

Аннотация. В докладе рассматриваются синтаксические, стилистические характеристики, а также текстовые потенциалы изосемических и неизосемических конструкций в контексте сопоставления вариантов перевода художественных текстов на русский язык. Результаты исследования показывают, что изменение типа конструкций при переводе сопряжено с изменением синтаксической организации текста и его стилистической окраски. Предпочтение конструкций того или иного типа (исходно синонимичных) в переводе оказывает влияние на семантико-композиционное устройство текста, в частности на организацию первого плана и фона произведения, на формирование его субъектной перспективы.

В сопоставлении оригинала и вариантов его перевода – источник материала для изучения грамматики текста, законов его языковой организации и интерпретации. Выбор переводчиком той или иной синтаксической конструкции из ряда вариантов, существующих в системе языка в качестве синонимичных, не только воплощает художественный смысл произведения, но и высвечивает семантические потенциалы каждого типа предложений. Немалый интерес, в частности, представ-

ляет предпочтение переводчиками изосемических или неизосемических конструкций, близких в денотативном плане, но кардинально различающихся на уровне семантики целого предложения, в комплексе выражаемых ими смыслов, в их стилистической принадлежности и роли в организации текста.

Понятие изосемии было введено Г. А. Золотовой для характеристики соотношения частеречных и специфических категориальных значений полнозначных слов, непосред-

венно влияющего на их синтаксические функции. «По признаку соответствия / несоответствия отображаемого категориального значения слова основному категориальному значению данной части речи, основные подклассы частей речи названы изосемическими, периферийные – неизосемическими. (Например, слова *белый, неть* принадлежат изосемическим подклассам прилагательного и глагола, а *белизна, пенне* – неизосемическому подклассу существительных.) Изосемические подклассы слов образуют и изосемические модели предложений: *Лаборанты испытывают новый прибор. Прибор точен и надежен.* (Ср. с неизосемической конструкцией: *Лаборанты ведут испытания нового прибора. Прибор отличается точностью и надежностью*). Изосемические и неизосемические модели предложений соотносятся как синтаксические синонимы» [Золотова 1982], [Золотова, Ониненко, Сидорова 1998: 108–111].

1. As I imagined, the ship proves to be in a current; if that appellation can properly be given to a tide which... thunders on to the southward... («Ms. Found in a Bottle»).	Как я и предполагал, корабль находится в полосе течения – если только это название может быть применено к могучему морскому приливу, который... мчится к югу... (К. Д. Бальмонт, 1911).	Как я и предполагал, корабль захвачен течением, если можно назвать течением этот стремительно несущийся к югу поток... (Аноним. перевод, изд. «Вестника иностранной литературы», 1912).
2. The resemblance shall be so striking that the company of masqueraders will take you for real beasts... («Hop-Frog»).	Сходство будет так поразительно, что все примут вас за настоящих животных... (М. А. Энгельгардт, 1914).	Вы будете до того похожи, что никто и не подумает, что вы не настоящие обезьяны... (М. Викторов, 1927).
3. Under these circumstances, it is not to be wondered at that a close intimacy arose between the two little captives («Hop-Frog»).	Неудивительно, что при подобных обстоятельствах между маленькими пленниками завязалась тесная дружба (В. В. Рогов, 1970).	Неудивительно, что оба пленника сблизились между собой и подружились (Аноним. перевод в изд. И. Д. Сыгина, 1908).
4. In smoking it was a matter of little importance how much was employed. Usually, I had half filled the bowl of the hookah with opium and tobacco cut and mingled intimately, half and half («The Oval Portrait»).	При курении было почти безразлично, какое количество употреблялось. Обычно я наполнил трубку до половины опиумом и табаком и перемешивал то и другое – половина на половину (К. Д. Бальмонт, 1911).	Когда куришь, не так важно, сколько взять. Обычно я брал табака и опиума поровну и затем, измельчив и хорошенько перемешав, до половины набивал трубку этой смесью (Н. Галь, 1976).

Преобразованию неизосемических конструкций обычно сопутствует перераспределение количества предикативных единиц между соседними предложениями, разбиение длинных периодов оригинала, предпочтение специфически русских словообразовательных и синтаксических моделей (неопределенно-личных, обобщенно-личных, безличных) типологически общим.

С одной стороны, очевидным оказывается стилистическое различие вариантов. Русские переводы, калькирующие неизосемические конструкции оригинала, носят более книжный оттенок, изосемические же варианты сближают повествовательный тон с разговорным. Индивидуальные особенности вариантов в выборе синтаксических и стилистических средств перевода произведений Э. По проявляются вне прямой зависимости от времени создания перевода, но в тесной связи с характером его потенциальной читательской аудитории. Переводчики, тяготеющие к усложненным синтаксическим конструкциям, отражают в тексте представление об оригинальной манере Э. По [Уржа 2002]. Синтаксически и стилистически «облегченные» переводы приближают «образ автора» к современному читателю, устраняют языковую преграду, препятствующую погружению в захватывающее повествование. Благодаря им рассказы Э. По на русском языке и стали доступны для широкого круга читателей, в том числе для подростков – любителей приключений и детективов (ср. [Grossman 1973]).

С другой стороны, анализ выявленных соотношений оказывается продуктивным для изучения общих и различных черт синтаксических синонимов в контексте более крупных текстовых образований. В частности, помещение в позицию подлежащего событийного (или признакового) существи-

Умение преобразовывать неизосемические конструкции изосемические, а также использовать их стилистические потенции – важный аспект владения русским языком, осваиваемый иностранными учащимися [Всеволодова 2000: 36–39].

Основой доклада стали результаты сопоставительного исследования ряда вариантов перевода фантастических рассказов Эдгара По на русский язык [Уржа 2002]. Изобилие пассивных конструкций и неизосемических моделей предложений составляет особенность аналитического, «научно-образного» стиля англоязычных оригиналов произведений Э. По [Fletcher 1973]. Однако синтаксическое строение многих русских переводов в значительной степени «облегчено» благодаря большому количеству замен неизосемических моделей на изосемические (см. варианты в правом столбце таблицы по сравнению с оригиналом и калькирующим переводом в центральном столбце):

тельного, в отличие от предметного (или личного), существенно в аспекте воссоздания в переводе первого плана и фона произведения [Chvany 1990], а также субъектной перспективы текста, реализованной в планах диктума и модуса [Ониненко 2001]. Релевантным оказывается также выбор полнозначного глагола или компенсатора в качестве кандидата на замещение позиции сказуемого. В целом предпочтение конструкций того или иного типа в переводе произведения связано с проблемами восприятия и воссоздания текстовой стратегии, манеры и, в итоге, «образа автора» в иноязычной культуре.

Литература

- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
 Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
 Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 Ониненко Н. К. Три параметра лингвистической интерпретации текста // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 9–24.
 Уржа А. В. Организация русского переводного художественного текста с позиций коммуникативной грамматики языка (на материале переводов рассказов Э. По и сказок О. Уайльда). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
 Chvany Catherine V. Verbal aspect, Discourse, Saliency and the so-called 'Perfect of Result' in modern Russian // Nils B. Thelin (ed.). Verbal Aspect in Discourse. Amsterdam, 1990.
 Fletcher Richard M. The Stylistic Development of Edgar Allan Poe. The Hague; Paris, 1973.
 Grossman J. D. Poe in Russia. Wurzburg, 1973.

Особенности трансформации предикативных единиц при переводе (на примере итальянского языка)

Р. А. Урханова

Университет Тренто, Свободный университет Больцано (Тренто, Италия)

Коммуникативная грамматика, перевод, структурно-морфологическая трансформация

Аннотация. В докладе затрагиваются принципы сопоставительной коммуникативной грамматики, функционирующие в контексте переводных версий художественных произведений.

Принципы коммуникативной грамматики, системно представленные в коллективной монографии Г. А. Золотовой,

Н. К. Ониненко и М. Ю. Сидоровой, являются прекрасным практическим (не только теоретическим) руководством при

преподавании курса «Русский язык и перевод» в итальянском университете. Они позволяют связать воедино, подчеркнуть преемственность курсов славянской филологии, исторической грамматики, традиционной грамматики, которые здесь преподаются. Дифференциация глагольных функций в тексте (аористивная, перефективная для глаголов НСВ, качественно-описательная, итеративная и процессуальная для глаголов НСВ) способствует более точной переводимости на итальянский язык, в котором число вербальных форм, как и в других романо-германских языках, превосходит количество темпоральных форм в русском языке. Итальянские студенты обретают новое видение собственного языка – рефлексия над функциональными особенностями русской речи способствует их повышенному вниманию по отношению к закономерностям функционирования грамматических единиц родного языка. Особенно полезной при этом становится работа над переводными текстами, которые содержат транспозиционные изменения. При обращении к сопоставительному анализу оригинального текста на русском языке и его переводной версии на итальянском позволенным становится наблюдение функции предикативных единиц, которые трансформируются по линии модальности. В силу расхождения языковых систем [несоответствие проявляется, например, в наличии в итальянском языке пяти форм прошедшего времени глагола: двух простых (*imperfetto*, *passato remoto*) и трех составных (*passato prossimo*, *trapassato prossimo* и *trapassato remoto*)] при стремлении к коммуникативной эквивалентности и преодолению этнолингвистического барьера на уровне отдельных текстов происходят трансформации, которые подтверждают, с одной стороны, тезис авторов о сохранении общего числа предикативных единиц (см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 224]), с другой же стороны, их модификации на уровне глагольного наклонения: когда русский глагол в изъявительном наклонении переводится в сослагательном итальянском, не оставляя при этом для автора перевода иной разумной альтернативы. Переводчик в таком случае не столько пользуется свободой выбора интерпретативных тактических приемов, сколько, напротив, в подобной свободе весьма ограничен: нормы итальянской языковой системы ставят автора перевода строго соблюдать ее правила. Русский индикатив требует при переводе постановку глагола в итальянском конъюнктиве всякий раз, когда авторизационность выражается в максимальной степени. При этом субъектная валентность распространяется на предикативные единицы диктума и не ограничивается рамками модуса. Обратимся к некоторым примерам из рассказов И. Бунина и романа Г. Газданова с тем, чтобы уловить степень предикативной трансформации при переводе.

«– Мне кажется, – говорила она, – что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, – может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу... Я думаю, что он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере...» (Бунин).

«– Ho l'impressione – diceva – che egli sospetti qualcosa, che addirittura sappia qualcosa. Può darsi che abbia letto una vostra lettera, trovato la chiave del mio tavolo... Penso che sia capace di tutto con il suo carattere crudele, egoista...» («Темные аллеи», пер. А. Романович).

«В Москве шли холодные дожди, **похоже было** на то, что лето уже *прошло* и не вернется, было грязно, сумрачно, улицы мокры и черно блестя раскрытыми зонтиками прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчицких пролеток» (Бунин).

«A Mosca cadevano piogge fredde, **pareva** che l'estate fosse già *passata* senza ritorno: tutto era fangoso, cupo, le strade risplendevano, nere e umide, degli ombrelli aperti dai passanti e dei tremuli mantici alzati delle carrozze di piazza».

«И вот вторая красавица спокойно возненавидела его семилетнего мальчика от первой, **сделала вид**, что совершенно *не замечает* его. Тогда и отец, от страха перед ней, тоже притворился, **будто** у него *нет* и никогда *не было* сына» (Бунин).

«Ed ecco che la seconda bellezza cominciò ad odiare il suo bambino di sette anni, nato dalla prima moglie, **fingendo** che *non esistesse*. Allora anche il padre, per paura di lei, **finse** di *non avere* e di *non aver mai avuto* un figlio».

«Время от времени тошнота опять подходила к горлу, и тогда **мне казалось**, что **не может быть** вообще ничего более трагического, чем эта толпа людей в солнечный полдень на парижских бульварах и все, что происходит сейчас, и что я только теперь *понимаю*, как давно и как смертельно **я устал**» (Газданов).

«Ogni tanto mi riprendeva alla gola la voglia di vomitare e allora **mi pareva** che nulla **potesse essere** più tragico di quella folla sui boulevard di Parigi in un pomeriggio assolato e di tutto quello che avevo intorno; per la prima volta mi *parve di capire* fino a che punto e da quanto tempo **fossi mortalmente stanco**» («Призрак Александра Вольфа», пер. Ф. Ленге).

В приведенных выше примерах авторизационные «мне кажется», «похоже было», «сделала вид» и др., указывают на субъективность сказанного. Предикативные единицы выражены глаголами в изъявительном наклонении, при переводе же они в обязательном порядке трансформируются и ставятся в конъюнктиве, и вместо форм индикатива *sospetta, sa, ha letto, è capace di tutto, era passata, non esiste, può, sono* мы имеем в текстах соответственно *sospetti, sappia, abbia letto, sia capace di tutto, fosse passata, non esistesse, potesse, fossi*. Степень субъективности, сомнения, уверенности, достоверности, обеспокоенность сказанным, выраженные в русском высказывании при помощи авторизационных синтаксисом, но в самой глагольной форме заложенные имплицитно, при переводе на итальянский язык часто получают эксплицитную форму, о чем свидетельствует глагол в форме конъюнктива, который распространяется на предикативные единицы не только в модусе, но и в диктуме.

Трансформации наблюдаются и при переводе полупредикативных единиц на уровне таксисных связей, когда деепричастия в русском тексте приводятся в соответствие с итальянским причастием; активные конструкции конвертируются в пассивные, глаголы превращаются в деевербативы. Конверсные трансформации становятся вынужденным шагом на пути поиска эквивалентного перевода и сохранения коммуникативной и смысловой структуры оригинального текста – при переводе как на итальянский язык, так и с итальянского.

Литература

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Роль форм перфекта типа *сум* + л-форма в модально-темпоральной системе македонского и болгарского литературных языков

Р. П. Усикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

1. Основные, фундаментальные семантические признаки модально-темпоральной системы глагола в македонском и болгарском литературных языках – это оппозиция [собственная информация говорящего+; достоверность+] : [чужая информация+; достоверность-/+ / недостоверность+/-]. Передавая собственную информацию, говорящий мог видеть, как происходили действия, и употребить прошедшие времена аорист, имперфект или настоящее время актуального конкретного действия (с признаками [наблюдаемость+; достоверность+]). В значениях будущего времени или неак-

туального настоящего (исторического настоящего, постоянно повторяющегося настоящего) признаки [наблюдаемость и достоверность] выражены имплицитно (+/-), поэтому для выражения ненаблюдавшихся прошедших действий, которые, по мнению говорящего, объективно происходили и достоверны, возможно употребление настоящего исторического. Признаки наблюдаемости и достоверности могут быть выражены имплицитно или же нейтральны во временах результата (+/-), находящихся на периферии модально-темпоральной системы. В македонском литературном языке

кроме результата на базе перфекта с *-л*-формой есть формы с глаголом *има* + причастие в ср. роде ед. ч. от любого глагола (*имам видено, имам дојдено, имаме видено / дојдено*). Чужая информация в обоих языках выражается так называемыми формами пересказа, в формальной основе которых заложены варианты перфекта с *-л*-формой.

2. В болгарском языке перфект образуется от аористной *-л*-формы независимо от вида глагола, а в македонском – от аористной *-л*-формы глаголов сов. в. и от имперфектной основы глаголов несов. в. В 3-м л. вспомогательный глагол *сум / съм* в македонском языке опускается, а в болгарском остается (мак. *дошол сум, дошол си, дошол, дошле сме, дошле сте, дошле; одел сум, одел си, одел, оделе сме, оделе сте, оделе* – болг. *дошъл съм, дошъл си, дошъл е, дошли сме, дошли сте, дошли са; ходил съм, ходил си, ходил е, ходили сме, ходили сте, ходили са*).

3. Формы перфекта на *-л* в обоих языках используются и в формах субъективных наклонений, например конклюдива, выражающего предположительное с точки зрения говорящего, умозаключительное (обычно ненаблюдаемое) прошедшее действие. В болгарском языке в конклюдиве возможны и аористные, и имперфектные *-л*-формы, а глагол-связка в 3-м л. сохраняется. В македонском литературном языке кроме перфекта для конклюдива чаще характерны аналитические формы типа *ке да* + вербум финитив.

4. В формах пересказа в зависимости от того, какая модально-темпоральная форма пересказывается, в обоих языках возможны *-л*-формы и от аористной, и от имперфектной основы. Например, аорист в пересказе – мак. *дошол*, болг. *дошъл*; имперфект / презенс несов. в.: мак. *одел*, болг. *ходел*; имперфект или презенс сов. в. в пересказе: мак. *(ако) дојдел*, болг. *(ако) дојдел*; будущее время или будущее в прошедшем (*/* кондиционал) – мак. *ке дојдел, ке одел*; болг. *цял да дојде, цял да ходи* (пересказывается форма вспомогательного глагола). Пересказывательные формы конклюдива: мак. *ке да дојдел / ке да одел*, болг. *дојдел е / ходел е*; оппозитив с *да*-конструкцией в пересказывательном презенсе

(2-е л. ед.): мак. *да си дојдел / да си одел*, болг. *да си дојдел / да си ходел*.

5. К наклонению субъективной модальности мы относим и адмиратив, выражающий удивление говорящего от неожиданности прошедшего действия или его результата. В обоих языках прошедшие действия в адмиративе омонимичны перфекту (*/* пересказу), настоящее или будущее действительное адмиратива омонимично формам презенса или будущего времени индикатива, но всегда сопровождаются соответствующей интонацией и знаками препинания.

6. В болгарском языке есть также формы «усиленного пересказа» (дубитатива), выражающие признак [недостоверность+], когда помимо *-л*-формы смыслового глагола пересказывается и форма глагола связки – *той дошъл* ‘говорят, он пришел’ – *той бил дошъл* ‘говорят, он, якобы, пришел’. В македонском специальных форм дубитатива нет, он выражается имплицитно формами «обычного» пересказа с лексическими уточнениями (*тој, наводно, дошол*).

Выводы

Модально-темпоральная система болгарского и македонского языков идентична по содержанию (семантически), но различается частично средствами выражения. В обоих языках форма перфекта на *-л* участвует компонентом во многих модально-темпоральных формах, и в болгарском языке она выступает в различных вариантах, составляя их основу. В македонском же языке формы перфекта на *-л* тоже лежат в основе системы модально-темпоральных форм, но ее варианты ограничены из-за четкой взаимозависимости между видом и временем, из-за отсутствия глагола-связки в 3-м л., поэтому для более четкой возможности выразить эту систему в македонском появились новые формы – результатив с глаголом *има*, способный выступать в пересказе, и аналитизированные формы субъективных наклонений, например с частицами *ке да*, также способные выступать в пересказе. А формальной основой выражения пересказа в обоих языках являются варианты перфектной формы на *-л*.

Замечания о прагматических функциях местоименных компонентов в структуре русских фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия

А. Г. Хорошавина

Институт экономики, управления и права (Казань, Россия)

Фразеомодель, прагема, информема

Аннотация. Доклад посвящен рассмотрению прагматических функций местоименных компонентов в структуре русских фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия. Анализ осуществляется с позиций прагмалингвистики. Являясь речевой прагмемой и строевым элементом конструкции, формант *такой* способен оказывать влияние на прагматический потенциал модели в сторону его увеличения.

В последние десятилетия стремительно развивающееся общество с его растущими потребностями ставит перед специалистами все новые и новые прикладные задачи, успешное разрешение которых невозможно без глубокой теоретической разработки. Этот факт стимулирует активные научные поиски и возникновение новых областей знания. К числу таковых относится прагмалингвистика, или теория речевого воздействия – междисциплинарная научная область, изучающая систему воздействующих единиц языка и закономерности их функционирования.

Мы уже обращались к исследованию прагматического потенциала русских фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия [Хорошавина 1995], [Хорошавина 2008]. Изучению была подвергнута конструкция *не + Nom., чтобы*. На наш взгляд, отдельного рассмотрения заслуживают местоименно-соотносительные конструкции фразеологического типа с отрицанием при соотносительном слове [Грамматика... 1970: 690], сближающиеся по общей синтаксической семантике с рассмотренной уже фразеомоделью *Не такой город Петербург, чтоб в нем ранние обеды справлять* (М. Салтыков-Щедрин).

Отрицание препозитивной части, относясь не к предикату, а к местоимению *такой*, придает главной части конструкции не общеотрицательный, как в случае с конструкциями типа *Я не врач, чтобы лечить*, а частноотрицательный характер. Для семантики рассматриваемых конструк-

ций свойственно уже не отрицание самого признака, отрицается лишь некоторая его степень. Формант *такой* в конструкциях этого типа является строевым элементом, однако степень его участия в формировании семантики и, следовательно, прагматического потенциала модели неодинакова.

Именуемый языковой материал позволяет говорить о трех разновидностях конструкций с соотносительным словом *такой*:

1. Местоименно-соотносительные конструкции, построенные по модели *не + такой + Nn* (полнозначная лексема), *чтобы*. Например, *Не такой я лопух, чтобы вкалывать* (Р. Белоглазова).

2. Местоименно-соотносительные конструкции, построенные по модели *не + такой + Nn* (лексема с ослабленным значением), *чтобы*. В роли такой лексемы обычно выступают слова с родовым значением, называющие общие понятия. Например, *Не такая это женщина, чтобы стала из-за пустого каприза верным положением рисковать* (М. Салтыков-Щедрин).

3. Местоименно-соотносительные конструкции, построенные по модели *не + такой, чтобы*. Например, *Я знаю, ты не такая, чтобы этим интересоваться, да и деньги у тебя всегда есть* (К. Финн).

В главной части конструкций первого типа отрицается не сам признак, не его наличие, а лишь его определенная степень: *Не такой лопух* = ‘наивный, глупый, но не очень’.

Местоименный компонент *такой*, безусловно, модифицирует семантику конструкции. Местоимение *такой* как прагматическую единицу следует отнести к информемам, которые, будучи помещенными в прагматически насыщенную конструкцию, обретают статус речевой прагмемы. Исследователями [Киселева 1978] не раз подчеркивалось, что между прагматической моделью предложения и наполняющими ее речевыми прагмемами – словами или словосочетаниями – наблюдается взаимовлияние. Речевые же прагмемы (по закону А. Моля) обладают более высокой прагматической силой нежели языковые.

Семантика второй разновидности модели, когда в позиции предиката стоит лексема с ослабленным значением (*человек, город, девушка, место, женщина* и т. д.), становилась уже объектом внимания лингвистов [Смирнов 1982: 37]. Относительно этого типа конструкций можно говорить, что формант *такой* в них находится на пути от местоименности к усилительности. Для предложений этой группы характерно приобретение качественности компонентом *такой*, поскольку в сочетании с лексемой с ослабленным значением основная семантическая нагрузка, связанная с функцией квалификации, ложится именно на местоименный компонент.

Третий тип рассматриваемых конструкций демонстрируют нам случаи, когда формант *такой* полностью берет на себя функцию характеристики, квалификации. Однако квалификация носит неточный, размытый характер. Контекст в значительной мере помогает устранить эту неточность. Об-

ращает на себя внимание тот факт, что в данной разновидности конструкции местоименным компонентом *такой* осуществляется характеристика исключительно лица. Использование форманта *такой* в позиции предиката можно объяснить намерением говорящего избежать прямой номинации и прибегнуть к эвфемизации. Например, *Шура не такой, чтоб чужое без спросу брать* (ср. *Шура не вор, чтоб чужое без спросу брать*).

Таким образом, статус строевого элемента и речевой прагмемы позволяет местоименному компоненту в значительной мере влиять на прагматический потенциал модели, главным образом в сторону его увеличения.

Литература

- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
 Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
 Смирнов Г. Н. Сложные предложения типа «не + номинатив, чтобы» // Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. Казань, 1982. С. 33–41.
 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.: Л., 1950–1965.
 Хорошавина А. Г. Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1995.
 Хорошавина А. Г. Некоторые замечания о сенсibiliзирующих компонентах в структуре русских фразеологизированных конструкций с семантикой аргументированного несогласия // Изучение славянских языков, литератур и культур как инославянских и иностранных. Симпозиум МАПРЯЛ. Белград, 2008. С. 139–140.

Русские конструкции с *verbu meteorologia* в свете данных НКРЯ и Интернета

Э. Г. Шимчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

При рассмотрении русских безличных конструкций к их ядерной части обычно относят предложения с *verbu meteorologica*, сообщающие о погодных и атмосферных явлениях, а также о смене дня и ночи.

Некоторые исследователи усматривают в этих предложениях нулевое подлежащее, интерпретируя его как семантически пустое или имеющее значения 'среда' и 'стихия'.

Тексты НКРЯ и Интернета, которые стали доступными в наше время, позволяют выявить динамику данной конструкции в XIX–XX вв. и поставить вопрос о ее месте в системе безличных предложений современного русского языка.

В докладе будет обсуждаться также вопрос о соотношении формальной и семантической организации предложений выделенного типа.